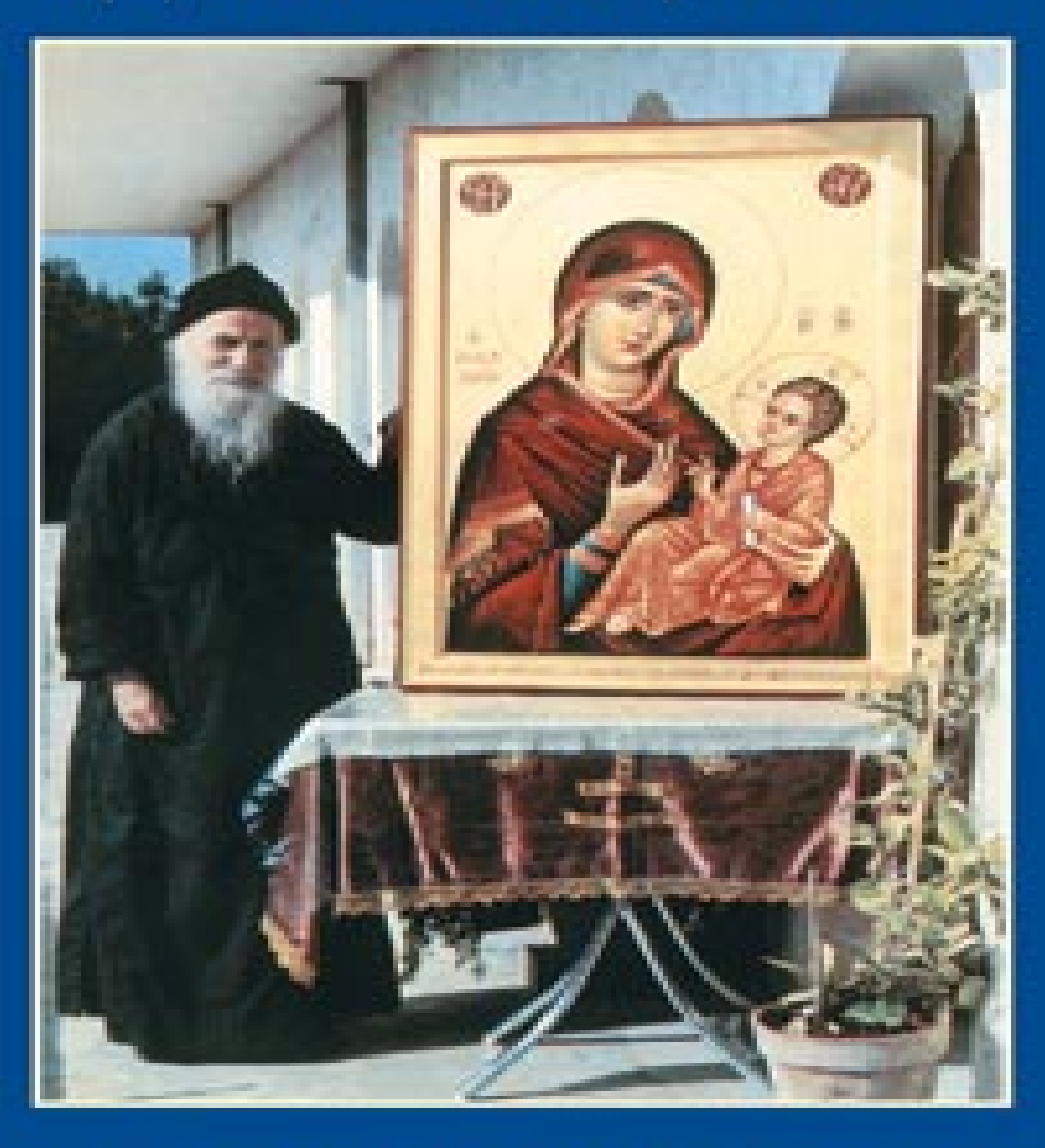
АНАРГИРОС КАЛИАЦОС

ИДЕЖЕ ХОЩЕТ БОГ

ЖИЗНЬ И ЧУДЕСА СТАРЦА ПОРФИРИЯ

Annotation

Эта книга — воспоминания об одном из известнейших греческих подвижников XX столетия, старце Порфирии. Написана она человеком, не являющемся ни писателем, ни богословом, но обладающим одним бесспорным достоинством: он на протяжении значительного времени знал отца Порфирия, общался с ним, воспринимал его мудрые наставления, был очевидцем тех удивительных чудес, которые творил через него Господь. Об этом драгоценном опыте общения, об этих чудесах — настоящее издание.

Анаргирос Калиацос
Идеже хощет Бог. Жизнь и чудеса старца Порфирия

По благословению Епископа Саратовского и Вольского Лонгина

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Идеже бо хощет Бог, побеждается естества чин»[1], - говорится в одном из церковных песнопений, посвященном величайшему событию в истории человечества — воплощению Сына Божия. Но русский язык эту фразу можно перевести так: «Если Бог хочет, Он побеждает законы естества», то есть, иными словами, отменяет или изменяет то, что диктуется законами природы, времени, физического пространства. Эти явления, которые необъяснимы с точки зрения рационального, народ издавна стал называть чудесами. Немощный человеческий рассудок недоумевает: что это? Как это возможно? И там, где неверие не в силах найти ответ, вера подсказывает: *Все возможно Богу*[2].

Кто Бог великий, яко Бог наш? Ты еси Бог творящий чудеса![3] — в порыве Божественного вдохновения восклицает Псалмопевец. В другой песне он, обращаясь к своему народу, говорит: *Помяните чудеса Его, яже сотвори*[4]… И действительно, каждый человек, которого коснулось чудо, старается его запомнить, записать, чтобы не только он, но и другие люди могли прославить неизреченное человеколюбие своего Творца.

Эта книга тоже маленькое, но живое свидетельство одного благодарного сердца о том, как Господь через своего угодника являет людям чудесную помощь. Ведь мы помним из истории Нового Завета, что Спаситель не только сам сотворил множество чудес и знамений, но и даровал такую власть Своим ученикам: *именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы*[5]. А другой Евангелист свидетельствует: *верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* [6]…

Такую силу получает человек, когда он становится избранным сосудом Божественной благодати, когда благодать вселяется в его сердце и начинает действовать через него, по слову Апостола: *уже не я живу, но живет во мне Христос*[7].

Казалось бы, в наше время иссякает вера, уменьшается благочестие и мы уже лишены тех благодатных дарований, какие

имели христиане во времена апостольские. Но Господь продолжает посылать нам людей, на которых исполняется его обетование, которые действительно становятся «проводниками» Божественной благодати. Их мало, но Бог наделяет их великим множеством дарований как бы с целью покрыть ими то оскудение, которое есть в мире, чтобы там, где *умножился грех, стала преизобиловать благодать*[8].

И вот одним из таких «посланников» Божиих был архимандрит Порфирий, греческий старец, чудотворец XX века, о котором хочет рассказать нам автор этой книги. «Таких, как старец Порфирий, Бог посылает в мир раз в двести лет», — говорит о нем неизвестный подвижник нашего времени Паисий Афонский[9]. Это свидетельство исходит от уст человека, чья жизнь была непрестанным подвигом и который мог видеть множество примеров святости и благочестия среди святогорских отцов. И тем не менее отец Паисий всю жизнь восхищался личностью и необыкновенными дарами старца Порфирия. Как-то на вопрос одного из братий он ответил: «Если ты беседовал об этом со старцем Порфирием, не нужно беседовать и со мной, ибо тот цветной телевизор, тогда как я — черно-белый…»[10]. Это необычное сравнение дает лишь приблизительное представление о том даре прозорливости, который имел старец Порфирий. Он был «пророк и чудотворец. Знал и настоящее, и будущее. Все знал — что на земле, под землей, на небе, в воздухе»[11], - подтверждает другой его современник.

Действительно, Старец «видел» подземные реки и мог определять, какая в них вода. Он мог со всеми подробностями описывать города и местности, в которых никогда не бывал. Он был в курсе вех достижений науки, знал о военных и политических событиях, происходящих в различных частях света. Его духовному взору открывались даже сокровенные глубины прошлого. Подобный замечательный случай описывает сам отец Порфирий: когда он с духовными чадами посетил историческую священную обитель пророка Илии Амфисского, то там, как на телеэкране он «увидел» Божественную литургию исторического значения, которая совершалась накануне восстания 1821 года[12]. В другой раз, во время путешествия на остров Патмос, в Пещере Апокалипсиса Старцу дано было пережить видение, как святой Иоанн Богослов диктовал своему ученику Прохору таинственные строки Откровения[13]…

Все многообразие таких случаев невозможно описать, а если бы мы захотели найти им объяснение, то выбрали бы одну лишь фразу из Священного Писания: *Дух все проницает, и глубины Божии* [14].

Тогда насколько же тонко этот духоносный Старец мог чувствовать и понимать человеческую душу! Есть множество свидетельств о том, с какой поразительной точностью отец Порфирий ставил диагнозы болезней душевных и телесных. «По благодати Божией, чадо мое, вижу все»[15], - отвечал он на вопросы изумленных людей.

В этой книге описано множество удивительных случаев, когда Старец читал мысли и определял душевное состояние людей, совершал «рентгеноскопию» и исцелял неизлечимые болезни. При этом он как бы немного юродствовал, желая избежать суетной славы человеческой. Отец Порфирий никогда не думал о себе, но, как говорится о нем в одном из рассказов, «его заботило лишь одно: как бы привести чью-то душу ко Христу».

Чтобы «приобрести» всех, кто приходил к нему, он употреблял всю силу своих благодатных дарований: с академиком он разговаривал как академик, поражая собеседника глубиной своих знаний, молодежь он покорял проницательностью, с людьми искусства сам становился поэтом и романтиком, иностранцев изумлял знанием языков. Малодушным он подавал утешение, больным испрашивал у Бога исцеление, заблудших обращал на путь истинный. Неутомимый в своем суждении, этот добрый пастырь самоотверженно боролся за души людей, и потому беседовал о вере с хиппи и рокерами, творил чудеса перед атеистами и иноверцами. Известен даже случай, когда Старец, освящая дома на Богоявление, зашел также в публичный дом и проповедовал там Христа[16]… Он умел видеть в душе человека самое главное — образ Божий, и это потому, что Старец имел тот самый дар, о котором Апостол сказал, что он есть *превосходейший*[17]. Это дар любви, который единственный дает истинный смысл и истинную цену всем прочим духовным дарованиям. И об отце Порфирии можно сказать, что *любовь Божия излилась в сердце его*[18]…

Не случайно Господь судил ему нести свой подвиг в миру, в маленьком храме при Афинской Поликлинике, в самой людной части города. И Старец всю свою жизнь терпеливо нес немощи и скорби ближних, всякий раз устремляясь на помощь туда, где была в нем

нужда, — ведь он сам говорил, что Господь дал ему большую благодать для того, чтобы помогать людям. Лишь в последний год жизни исполнилась заветная мечта отца Порфирия: предвидя близкую кончину, он вернулся на Святую Гору и поселился в безмолвной келье в скиту Кавсокаливия, где и окончил свои дни. Излечив стольких людей от рака, он сам был поражен этой болезнью, но ни болезнь, ни смерть *не могли разлучить его от любви Божией* [19]…

Личность старца Порфирия была поистине удивительна, и все, кто его знал, сохранили о нем самые светлые воспоминания. Некоторые из духовных чад, может быть, впервые взялись за перо только ради того, чтобы почтить память своего дорогого Батюшки. Автор этой книги — тоже не профессиональный писатель и даже не филолог. Он не претендует на литературный талант, а хочет лишь поделиться с нами тем малым, что имеет сам. Его пером движет не жажда славы, а любовь — любовь к Старцу и к людям, которым он ради духовной пользы со всей искренностью открывает свою душу. И эта искренность придает всей книге какую-то необыкновенную теплоту. Его рассказы очень безыскусны и часто по-детски непосредственны. Он иногда неловко выражает свою мысль, и некоторые его рассуждения о духовных вещах настолько простодушны, что могут вызвать улыбку… Ну и пусть! Мы даже не стремились устранить все «погрешности» стиля, чтобы сохранить живое восприятие живого человека. Когда есть такая «живость», то невольно начинаешь переживать вместе с автором волнение, радость, чувство духовного восторга… А по прочтении книги вдруг приходит ощущение, что и Старец, и автор для тебя — родные, близкие люди, что мы — одна духовная семья и у всех нас — одно великое *дерзновение и упование, которым хвалимся*[20], - наш Господь Иисус Христос.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ СТАРЦА ПОРФИРИЯ

Приснопамятный отец Порфирий родился в 1906 году в деревне Агиос Иоаннис в районе Каристос на острове Эвбея (Эвия). В двенадцатилетнем возрасте он ушел на Святую Гору Афон, где вел аскетическую жизнь в течение семи лет. После того как он заболел, в двадцатидвухлетнем возрасте его отправили в монастырь в миру[21]. Там он познакомился с архиепископом Синайским Порфирием III, который, убедившись в том, что юноша вел благочестивую жизнь и Господь даровал ему Свою благодать, рукоположил его в сан иерея. В этом сане отец Порфирий подвизался во многих монастырях Эвбеи до 1940 года. В 1940 году он был переведен в город Афины и назначен приходским священником церкви Святого Герасима при Афинской Поликлинике, расположенной недалеко от площади Согласия. Здесь отец Порфирий прослужил тридцать три года. После ухода на пенсию он продолжал служить и исповедовать в древнем заброшенном храме Святителя Николая в районе Пендели до 1978 года. Когда с ним случился инфаркт, он несколько месяцев прожил у своих друзей в Афинах, после чего в 1979 году, поселился в районе Милеси, где и построил большое подворье с храмом в честь Преображения Господня. В начале 1991 года отец Порфирий отправился на Афон, где с 1984 года была приготовлена для него келья. 2 декабря 1991 года блаженный Старец почил о Господе в своей келье, в скиту Кавсокаливия, где и был погребен просто, без всяких почестей, как сам того желал.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Я почитаю себя счастливым, так как Божией милостью был духовным чадом старца Порфирия более тридцати пяти лет. Я был еще почти ребенком, когда впервые познакомился с отцом Порфирием в церкви Святого Герасима при Афинской Поликлинике. Будучи сыном священника, я всегда с большим почтением относился к клирикам и очень уважал священников как представителей Бога. Что же касается отца Порфирия, случилось так, что я оказался связан с ним настолько тесно, что не мог не относиться к нему как к родному отцу.

При нашей первой встрече мы говорили о многом, и у меня сразу же сложилось впечатление, что я беседую со святым человеком. Я убедился в этом не только потому, что Старец распознал многое из того, что было совершено мною в прошлом, но и потому, что он выявил те проблемы, которые волновали в то время всю нашу семью. Тогда отец Порфирий нашел пути преодоления многих трудностей, но некоторые оставил без внимания, поскольку им не суждено было как-то разрешиться.

Особое впечатление на меня произвело то, что он дал точное описание моей деревни (даже не зная, где она находится), назвал количество церквей в ней и рассказал, где и как они расположены, подробно описал принцип расположения домов и водоснабжения и даже деревьев в моей деревне. Я не переставал дивиться этим подробностям, ведь я и родился, и вырос там, но ничего подобного просто не замечал.

Еще меня чрезвычайно поразил следующий случай. Пока мы с ним беседовали в исповедальне церкви Святого Герасима, Батюшка (так я стал называть его в первый же день знакомства) вдруг прервал беседу и сказал:

— Ты побудь здесь и не уходи, пока я не вернусь.

Я остался ждать, как он велел. Но поскольку Старец довольно долго не возвращался, я стал беспокоиться и пошел в том направлении, куда он скрылся. Тут вдруг мой взгляд упал на застекленное помещение, отделяющее храм от исповедальни, и там, внутри, я увидел Батюшку, который, низко склонив голову, совершал ею какие-

то быстрые движения, то круговые, то из стороны в сторону. Казалось, он пытался что-то увидеть или рассмотреть. Эти движения напомнили мне поведение рыбаков, которые с помощью специальной подзорной трубы пытаются увидеть в море, есть ли там рыба.

Я замер и довольно долго следил за происходящим. Когда Батюшка закончил, я побежал обратно и уселся на прежнее место. Вернувшись, отец Порфирий сказал:

— Чудак, ты не дал мне закончить работу. Я успел только проверить твою систему кровообращения и пищеварительную систему, а также увидеть твою душу. Приходи в другой раз, и я скажу обо всем остальном.

Тогда я спросил его:

— А почему вы делали такие движения головой?

— А откуда ты знаешь?

Я ему все рассказал. На мое признание он ответил:

— Господь с тобой, чудак! Так вот почему я не смог тебя как следует проверить! Отправляйся теперь домой и приходи в другой день, поскольку сегодня ты мне очень помешал.

Здесь необходимо сделать некоторые разъяснения. Батюшка очень редко прибегал к подобным действиям, свидетелем которых я оказался. И все же иногда люди, подобные старцу Порфирию, являясь носителями Святаго Духа, совершают действия, нам, простым смертным, совсем непонятные и часто непостижимые.

Поясню на примере. Когда пророк Елисей молился и воскресил умершего отрока сонамитянки, он это сделал не только силой молитвы: *И поднялся и лег над ребенком, и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нем, и согрелось тело ребенка. И встал и прошел по горнице взад и вперед; потом опять поднялся и простерся на нем. И чихнул ребенок раз семь, и открыл ребенок глаза свои*[22].

Почему пророк так поступил, мы не знаем.

И Господь наш Иисус Христос часто одним только словом исцелял больных. Но однажды, когда Он захотел даровать зрение слепому, то, плюнув на землю, сотворил брение и им помазал глаза слепому, сказав ему, чтобы он пошел и умылся в купальне Силоам[23].

Почему? Мы не знаем.

Во всяком случае, старец Порфирий редко, очень редко прибегал к каким-либо "вспомогательным средствам" для того, чтобы что-то увидеть. Ибо, обладая даром прозорливости, он и так все видел.

Если же Батюшка совершал иногда какие-то дополнительные действия, то старался, чтобы этого никто не заметил, чтобы никто не мог подумать, что он использует некую магическую силу или физическую энергию (например, крестное знамение, или поклоны, или описанные мною выше телодвижения и так далее), дающую ему духовное ви́дение, ибо дар прозорливости он приписывал не себе и не каким-либо внешним действиям, но благодатному действию Божию.

Кроме того, он старался не вводить людей в соблазн, чтобы кто-либо из тех, кто неопытен в духовной жизни, не подумал, что, повторив эти движения, он сможет прийти к такому же результату, то есть стать прозорливым.

Если бы кто-нибудь из нас, к примеру, вздумал помазать брением глаза слепому и сказал бы ему: "Пойди умойся в купальне Силоам", само по себе это вовсе не означало бы, что слепой прозреет. То же относится и к действиям отца Порфирия.

— Все это суть дары Духа Святаго, — говорил Батюшка, — и их не приобретешь какой-либо человеческой деятельностью, искусством или наукой. Их дарует только Господь Бог.

ПЕРВОЕ ЧУДО В ЖИЗНИ ОТЦА ПОРФИРИЯ

Однажды мы шли с Батюшкой по одной из афинских улиц. Он мне рассказывал о разных событиях своей жизни, говорил и о начале своего монашеского пути. Случилось так, что в двенадцатилетнем возрасте отец Порфирий тайно от родителей ушел на Святую Гору Афон и отдал себя в послушание двум весьма добродетельным и духовно опытным старцам.

Однажды утром они послали его наколоть дров для печки. В поисках дров юный послушник добрался до оврага, находившегося довольно далеко от скита Кавсокаливия, в котором он тогда жил со своими старцами. Когда мальчик начал рубить дрова, с ним случилось несчастье: с топора сорвалась рукоятка и лезвие вонзилось ему в ногу, сильно ее поранив. Из раны хлынула кровь. Поблизости, к несчастью, никого не оказалось. Вне всякого сомнения, отрок должен был умереть от потери крови. Чувствуя смертельную опасность, он изо всех сил начал громко призывать на помощь Матерь Божию: "Пресвятая Богородица, помоги мне!". И кровь немедленно остановилась!!!

— Это было первое чудо в моей жизни, — сказал отец Порфирий и добавил: — Но тогда я имел сильную веру и не был таким грешным, как теперь…

Велико же было твое смирение, приснопамятный, незабвенный Батюшка!

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ОБЛУЧЕНИЙ

Отец мой, приснопамятный отец Иоанн, был священником. Тесная дружба связывала его со старцем Порфирием, которого он любил чрезвычайно. Отец буквально ничего не делал, не испросив совета или благословения у Батюшки. Старец Порфирий тоже очень любил моего отца. Как-то он мне сказал:

- Твой отец — святой человек! Скажи ему, чтобы он молился обо мне.

Так же и отец говорил мне:

- Скажи Батюшке, чтобы он обо мне молился.

Называя друг друга святыми, они оба в это верили.

В 1970 году, если мне не изменяет память, у отца на лице появилась непонятного рода опухоль. Постепенно она увеличивалась в направлении к левому глазу. Процесс был болезненным. Отец немедленно отправился в Афины к Батюшке. Отец Порфирий его перекрестил и сказал, что это рак кожи.

- Но ты не бойся, — заверил он моего отца, — это пройдет.

Старец повел его в поликлинику, и врачи подтвердили диагноз, предложив отцу провести курс рентгенотерапии. Они установили, что достаточно будет десяти сеансов. Отец обратился за советом к Батюшке, и Старец сказал:

- Потребуется не десять, а девятнадцать сеансов облучения. Тебе предстоят ужасные боли, потому что опухоль находится рядом с глазом. Рентгеновское облучение вызовет раздражение кожи и глаза, и ты будешь очень страдать. Но я буду молиться за тебя, чтобы облегчить твои страдания.

Все так и случилось. Вместо десяти отец вынес девятнадцать сеансов облучения. Он так страдал, что плакал, как малый ребенок. В конце концов он все выдержал и совершенно поправился. Впрочем, именно так предсказал Батюшка.

"БОГ ЕСТЬ"

Однажды мы с Батюшкой беседовали о том, какую роль играет психологическое состояние человека и как влияют на его поведение радость, печаль и другие эмоции. Батюшка утверждал, что в зависимости от того, приятные или неприятные сообщения человек получил, его реакции могут сильно меняться. И в качестве примера рассказал следующее:

"Несколько лет назад вместе со мной в монастыре жил один профессор богословия. Он был намного моложе меня и был моим духовным чадом. Мы с ним беседовали ежедневно, в основном, разумеется, на духовные темы. Однажды профессор предложил побеседовать о существовании Бога. Обсудив эту тему со всех возможных точек зрения, мы пришли к заключению, что Бог есть. Однако молодой профессор обратился ко мне с такой просьбой:

- Все то, что ты мне, отец, сказал, правильно, и оба мы верим, что Бог существует. Однако я тебя очень прошу, обещай мне: когда ты умрешь, ты придешь ко мне и скажешь, есть ли Бог!

В ответ на это я его спросил:

- А почему ты так уверен, что первым умру я, а не ты?

Он, разумеется, объяснил, что поскольку я вдвое старше его, то это вполне естественно.

А я благодатью Божией знал, что он умрет раньше меня, причем очень скоро. Я пообещал ему, что приду к нему после смерти, чтобы сказать, есть ли Бог, но и от него потребовал такого же обещания, и мы скрепили наше соглашение рукопожатием.

Через некоторое время профессор покинул монастырь и уехал в город. Еще не прошло и года, как мы с ним расстались, но вот в один из великих праздников (Пасхи или Рождества — точно не помню), когда мы с братией готовились к праздничной трапезе и я с нетерпением ожидал ее после многодневного поста, к нам в монастырь пришел человек из соседней деревни и сообщил, что профессор скончался. Все мы замерли на месте, и никто, буквально никто не протянул руки, чтобы приняться за еду. Аппетит у всех сразу же пропал.

Вот видишь, чадо мое, к какому результату может привести плохая новость. Непостижима душа человека, она похожа на тончайшую паутину, и только живущие в Боге могут ее постичь".

После этого Батюшка еще долго говорил мне о душе, но, несмотря на мое высшее образование, я не поспевал следить за его мыслью не только из-за обилия терминов, но и из-за сложности самой проблемы. При этом хочу напомнить, что Батюшка никогда даже за партой не сидел.

Чтобы как-то скрыть свою растерянность, я спросил:

- Сдержал ли профессор обещание?

- Конечно, — ответил Батюшка. — Однажды вечером, после долгой молитвы, я выключил свет в келье и попытался заснуть. Вдруг из тьмы раздается громовой голос, сопровождаемый непонятным шумом: "Бог есть! Бог есть! Бог есть!" — трижды повторил голос, и я его узнал. Это был голос профессора! В страхе я встал на колени и начал молиться о его душе. И так до утра!

Следует обратить внимание на то, какое большое значение имеет в греческом языке логическое ударение на глаголе ειμί, в особенности в третьем лице. Если бы он сказал "έστί Θεος", то это значило бы "он есть Бог". Тогда как " έστί Θεος" означает "существует Бог, есть Бог". Таким образом, фраза полностью соответствовала их договоренности.

Можно ли после этого сомневаться, что "Бог есть"?!

ОПЕРАЦИЯ БЕЗ НАРКОЗА

- С верой, чадо мое Анаргире, можно делать и невозможное. Конечно, нет у нас такой веры, чтобы двигать горы. Также мы не можем совершать те чудеса, которые совершают святые с помощью благодати Божией. Однако можем и мы, грешные, если только все наше упование возложим на Христа, совершать удивительные вещи. Мы можем так повлиять на ход событий, что даже люди ученые "сложат оружие" и изумятся.

Вера во Христа нередко была темой наших бесед с Батюшкой. Как-то раз, когда святой отец рассуждал на эту тему, я смотрел ему прямо в глаза, пытаясь постичь его мысль. Блаженный Старец заметил мой взгляд и сказал:

- Ты мне не веришь? Послушай, я тебе расскажу, что случилось со мной, и ты увидишь, как велика сила веры.

У меня на голове появилась родинка размером с горошину. Она увеличивалась и очень болела. Я знал по дарованной мне благодати Божией, что ее надо удалить, иначе она разовьется в злокачественную опухоль. Врачи были согласны со мной, и день операции был назначен.

Однако в хирургическом отделении начался спор. Врачи настаивали на удалении родинки под наркозом, так как операция предполагалась довольно длительная и болезненная. Я им сказал, что ни удалять родинку, ни наркоз делать нет необходимости, ее надо просто прижечь. Все были в панике, ибо с точки зрения науки это невозможно. Я, однако, настаивал на своем, и поскольку все врачи были моими духовными чадами, то, не желая меня расстраивать, обещали, что операцию, так и быть, сделают без наркоза, но вся ответственность ложится на меня.

Перекрестившись, начали. Я же, закрыв глаза, представил распятого Иисуса на большом Кресте и с великой верой постоянно повторял про себя слова молитвы: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Врачи дрожащими руками начали делать прижигание, и хирургическое отделение наполнилось запахом горелой плоти. По мере того как время шло, моя вера все возрастала, и в какой-то момент

я почти ничего не чувствовал. Что же касается врачей, то они были в холодном поту. Они не верили своим глазам и постоянно спрашивали, хорошо ли я себя чувствую, а я им отвечал: "Продолжайте".

Операция длилась сорок пять минут. Когда она закончилась, я встал, с улыбкой поблагодарил Бога и врачей и сказал: "Великое дело — подвиг веры!".

Видишь, чадо мое Анаргире, что может человек, если только он имеет веру в Бога? Так и ты верь и ничего не бойся, потому что Бог — больше всех и всего!

ИСТОЧНИК СВЯЩЕННИКА

Водной горной деревушке не было воды. Ее жители обращались в разные инстанции, платили деньги, но все без толку. Все в один голос говорили, что в этом районе нет подземных вод (к сожалению, я забыл название местности). Так что жители деревни вынуждены были собирать дождевую воду. И вот один человек, который был чадом Батюшки и знал о его способности находить воду, попросил его помочь этой беде.

Батюшка сразу ответил, что в деревне много хорошей воды, и показал на чертеже место, где она протекает. После горячих и настойчивых просьб отец Порфирий сам пошел на то место и точно указал, где находится вода и на какой она глубине. И действительно: когда стали искать, именно на том месте и на той глубине нашли воду, которая била чистейшим ключом!

Тогда все жители деревни стали называть Батюшку святым и пророком. Все хотели к нему прикоснуться, поцеловать его руки, ноги, обласкать, все наперебой хотели принять его у себя дома. И поскольку они приходили и кланялись ему в ноги, почитая за святого, Батюшка очень расстраивался и просил немедленно найти способ увезти его из деревни.

Так случилось, что в это время шел автобус в Афины. Отец Порфирий с большим трудом вырвался из объятий жителей и сел в автобус; и хотя народ пытался задержать его, он все-таки уехал.

И вот тут-то, после стольких восторгов и поклонений, Батюшку ожидало большое испытание. Кондуктор автобуса, человек неверующий, начал говорить разные глупости, вызывавшие смех у неверующих пассажиров и негодование у верующих. Таким образом, пассажиры автобуса разделились на два лагеря: одни за Батюшку, другие — против. Шум и перебранка грозили перейти в рукопашную. Кондуктор же продолжал подогревать страсти. Батюшка был очень расстроен и старался не принимать участия в склоке. Когда автобус остановился, чтобы пассажиры немного отдохнули, Батюшка подошел к кондуктору и сказал:

- Я, быть может, и не умею находить воду, но знаю, что ты страдаешь сифилисом. Будь осторожен, не женись теперь, потому что можешь заразить жену и детей. Продолжай лечиться, ты поправишься, а потом женишься.

Кондуктор просто онемел, услышав слова Батюшки, и с того момента всю дорогу молчал, словно язык проглотил. Пассажиры также умолкли.

Потом Батюшка мне рассказывал, что в той деревне найденный им источник до сих пор называют источником Священника.

ВЫСОКО ЛИ ДОХОДЯТ МОЛИТВЫ БАТЮШКИ?

- Был у меня, чадо мое Анаргире, один очень хороший друг, иеромонах. Он должен был ехать в Америку для проповеди Слова Божия. Оба мы очень печалились из-за предстоящей разлуки. Но архиепископия была непреклонна, и ему пришлось отправляться немедленно.

В день нашего расставания мы дали перед Богом обещание молиться друг за друга до конца нашей земной жизни. Я с первого же вечера стал молиться за моего друга, и он мне писал, что делает то же самое.

Как-то в одном из писем он сообщил, что в момент отхода ко сну начал ощущать какие-то странные вибрации, как будто сквозь его тело проходит электрический ток высокого напряжения. Напряжение было столь сильным, что не давало ему заснуть. Это явление повторялось каждый вечер и очень мешало ему спать. Поначалу он полагал, что это происходит из-за разницы в климатических условиях между нашей страной и Америкой. Но так как явления не проходили, он стал беспокоиться и вынужден был рассказать мне о них по телефону.

Я сразу же успокоил его: "Это ничего, ты просто забыл обещание, которое мы дали друг другу при расставании. В котором часу это происходит?". — "Вечером, когда я ложусь спать". — "Теперь понимаю: в это время у вас ночь, а у нас утро — это то время, когда я молюсь за тебя. Да будет прославлено имя Господа, Который делает так, что молитва моя доходит до тебя в Америку! Прошу тебя, молись за меня, потому что я очень грешен". На этом наш телефонный разговор закончился…

Читатель может задать вопрос: почему же молитва Батюшки за того иеромонаха имела такой результат?

Ответ очевиден: беспокойство, которое испытывал иеромонах, живущий в Америке, возникало потому, что он забывал молиться в условленный ими час. Возможно, что, если бы иеромонах молился в одно время с Батюшкой, такого бы не случалось.

Добавлю еще более впечатляющую историю, о которой я тоже узнал от отца Порфирия. Однажды ночью упомянутый иеромонах почувствовал холод, проснулся и увидел, что дверь его комнаты открыта. Он очень удивился, потому что был уверен, что закрывал ее перед сном. Он снова закрыл дверь и лег. Когда через несколько дней он позвонил Батюшке, отец Порфирий сказал, что приходил к нему и видел его спящим и что он ложится спать, не помолившись. Иеромонах не поверил, полагая, что это совершенно невозможно. А Батюшка, как бы отвечая на его мысль, добавил:

- Да, я приходил, видел тебя и оставил дверь открытой.

Иеромонах был как громом поражен. "Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя"![24] Кто еще мог сомневаться в словах, сказанных Батюшкой?!

От многих людей я слышал, что молитвы отца Порфирия действовали на людей умиротворяюще, успокаивающе, приносили чувство радости, тишины и блаженства; беспокойство и стрессы проходили. Его молитвы избавляли людей от чувства неуверенности и располагали их души к молитве и славословию Бога.

Одна женщина, недавно овдовевшая, рассказывала, что когда она в день смерти мужа сообщила об этом Старцу, то, вернувшись домой, вдруг почувствовала, что вся тяжесть с души ушла, а в глубине своего существа она ощутила такую радость, что, перекрестившись, воскликнула:

— Боже мой, разве возможны в таком горе подобные чувства?

Позже выяснилось, что в тот самый час старец Порфирий молился о ней.

Другая женщина попросила отца Порфирия помочь ей в решении ее домашних неурядиц. Он предложил ей молиться вместе в десять часов вечера. Когда же она сказала ему, что в это время занята семейными делами, он предложил молиться в четыре часа утра (конечно, оставаясь у себя дома). Но она ему ответила, что проснуться в такой час ей трудно, а будильником она не решается беспокоить домашних. Батюшка сказал ей, что сам ее разбудит.

И действительно: каждое утро в четыре часа женщина чувствовала легкое прикосновение и толчок в плечо. Она понимала, что это извещение Старца. Он ее будил без всякого шума и никого при этом не беспокоил.

Один из моих друзей рассказывал, что, когда вечером Старец за него молился, он чувствовал такой душевный покой и такую легкость в теле, что порывался встать с кровати.

А вот случай, рассказанный самим отцом Порфирием.

Одному нашему знакомому кто-то задолжал деньги. Батюшка молился по его просьбе, чтобы Господь просветил должника. Должник, не желая возвращать долг, просил Старца перестать молиться за него. (Вероятно, по молитвам отца Порфирия должник испытывал муки совести при мысли о том, что не отдал чужие деньги.)

Таким образом, мы видим, что иногда человек испытывал и чувство беспокойства, когда о нем молился Старец. Это случалось обычно тогда, когда человек совершал нечто такое, чего не должен был совершать.

Но вернемся снова к нашему рассказу об уехавшем в Америку иеромонахе.

Не прошло и двадцати дней после их разговора, как он опять позвонил Батюшке и попросил прекратить молитву о нем, так как он перестал спать, не может исполнять своих обязанностей и боится, что руководство местной церкви сочтет его ленивым и незаинтересованным в работе. Батюшка пообещал ему прекратить молитву, после чего, по словам иеромонаха, тот больше не чувствовал силу молитв Батюшки, радиус действия которых достигал Америки!

Здесь мы должны сделать еще одно отступление, чтобы разъяснить читателю смысл описанного события во избежание недоразумений.

Тут кроется великая тайна, и ее понимание зависит от духовного опыта человека. Эта тайна заключается в том, что духовный подвиг способствует достижению особого чувства покоя и удовлетворенности. Характерны в этом смысле и слова святых отцов. "Прихожу туда, где труд, и там обретаю покой", — читаем у аввы Пимена в Добротолюбии. Авва Исаак пишет: "Никто с удобствами не взошел на небо".

Подвижник подобен атлету, который хочет выиграть состязание. Ему нравится тренироваться, потому что он стремится одержать победу.

Старец знал об этом из опыта и по любви желал и друга своего, иеромонаха, привести к небесному покою, путь к которому лежит

через подвиг. И поэтому он напоминал ему о времени молитвы и этим докучал ему. Он словно говорил: "Бедный, перестань спать, давай помолимся вместе, как мы и договорились, и ты войдешь в тайны Божии и ощутишь особое чувство покоя".

Конечно же, тот иеромонах руководствовался общечеловеческими правилами, полагая, что, для того чтобы иметь возможность работать весь день, он должен хорошо отдохнуть. Тайна же Старца заключалась в том, что когда человека посещает благодать, тогда он не знает усталости.

Вероятно, когда аскетический подвиг совершается по Божественной любви, по любви к Владыке Христу, он привлекает благодать Божию, и тогда человек, который провел ночь в молитве, несмотря на физическую усталость, на следующий день может трудиться с полной отдачей.

В нашем же случае иеромонах не пожелал "ухватиться" за напоминание Батюшки, а предпочел следовать чисто человеческой логике. Он стал похож на атлета, предпочитающего сон тренировкам и полагающего, что, отдохнув, он восстановит свои физические силы.

Между тем Бог силой не принуждает к совершению подвигов помимо нашей воли, ибо Он даровал нам свободу. Поэтому и Старец, увидев, что дар его не был принят, отступил. Таким образом, иеромонах остался в одиночестве, отказавшись молиться вместе со Старцем. Он просто работал как человек, а не служил Господу как подвижник.

Нам неизвестна его дальнейшая судьба, но мы надеемся, что со временем он понял причину того беспокойства, которое происходило от молитв Батюшки, и, быть может, извлек пользу из всего случившегося.

Обо всех этих событиях отец Порфирий вынужден был мне рассказать, потому что я как-то раз (лет двадцать пять назад) испытал такие же муки от молитв моего любимого Батюшки.

Помню, был август, когда мы с одной очень близкой нам семьей решили провести вместе отпуск. Прежде чем уехать, я, по обычаю, пошел попрощаться с Батюшкой и попросить его молитв. Я его спросил, хорошо ли я проведу отпуск. Он ответил, что хорошо, и добавил:

- Я буду молиться за тебя постоянно.

В тот же вечер мы отправились в курортное местечко Эдипсос[25]. Остановились в очень хорошей гостинице и, конечно, позабыли и о молитве, и о наших христианских обязанностях.

Вечером спать мы отправились поздно. Лишь только я заснул, как вдруг почувствовал, что кровать моя сильно зашаталась. Я решил, что началось землетрясение, и от страха громко закричал: "Землетрясение, землетрясение!", — держась при этом обеими руками за кровать, чтобы не упасть.

Опомнившись, я заметил, что никто из находившихся со мной в комнате не проснулся. На других этажах гостиницы все так же спокойно продолжали спать. Это привело меня в еще большее волнение. Долго я лежал без сна, а когда наконец заснул, вновь почувствовал то же самое и, более того, ощутил, что через мое тело словно проходит электрический ток! Это повторялось много раз.

Утром я спросил своего друга-врача и жену, почувствовали ли они землетрясение. Они рассмеялись. То же повторилось и на следующую ночь. В результате мой отдых стал для меня просто мучением.

Как-то раз мне приснился сон, будто я нахожусь в церкви Святителя Николая в районе Калитея и что от его образа исходит Божественный свет. Свет был так ярок, что я испытал неописуемую духовную радость. После этого видения я решился поговорить с Батюшкой[26].

- Не волнуйся, — сказал он мне, — это я тебя беспокою своими молитвами. В котором часу ты видел святителя Николая во сне?

Я ему назвал время.

- Именно в этот час я молился о тебе святому. Продолжай отдыхать, но не забывай и молиться.

Тогда я сказал ему в шутку:

- Прошу вас, Батюшка, если вы хотите, чтобы я продолжал свой отпуск, то вам лучше прекратить ваши молитвы, иначе мой отдых грозит превратиться в мучение.

Батюшка, должно быть, улыбнулся своей простодушной и бесконечно доброй улыбкой. Он желал таким путем обратить меня к духовной жизни. Но я… разве мог я тогда это понять?!

Об этом случае он мне напомнил за два часа до своей последней поездки на Святую Гору, и мы тогда оба громко смеялись. Вот если бы

и теперь он так же усердно молился обо мне там, где он теперь находится! Я снова мог бы испытать это прекрасное страдание!

КНИГА ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА

Наши беседы с отцом Порфирием большей частью велись во время прогулок. Ему очень нравилось ходить пешком, и не только в молодости, когда он был здоров, но и тогда, когда состарился и здоровье его пошатнулось. В этом пристрастия наши совсем не совпадали.

Вместе с тем гулять с Батюшкой было приятно. Мы могли бродить с ним часами, не чувствуя усталости, а слушать его рассказы было несказанным удовольствием. Рассказчик он был замечательный! В каждом его слове заключалась особая мудрость. Он обычно начинал разговор с самых простых вещей, незаметно переходил к более сложным темам и заканчивал совсем недоступными для непосвященного глубокими духовными рассуждениями. Нередко я был вынужден просить его разъяснить ту или иную мысль. И он это делал с удовольствием, спрашивая при этом: "Ты понял, дитя мое, или мне еще раз повторить?".

Поначалу, когда я еще не знал, что Батюшка благодатью Божией читал мои мысли, я ему отвечал, что все понял. Он же, зная, что это не так, говорил: "Что-то мне кажется, что ты не все понял. Поэтому я тебе повторю, но более простым языком". И повторял все, что мне было непонятно.

Приснопамятный Батюшка был неутомим. А его настойчивость и терпение не имели предела. Его заботило лишь одно: как бы привести чью-то душу ко Христу. Только это его интересовало. Все же остальное имело второстепенное значение. Когда же он достигал своей цели, то был очень и очень счастлив и на его лице появлялась знакомая всем радостная улыбка.

Когда я спрашивал, почему он так радуется, Батюшка отвечал с удовольствием:

- Когда кается один грешник, то радуются Ангелы Божии, так могу ли я, грешный, не радоваться? Разве не приходилось тебе слышать, какая *радость бывает на небесах об одном кающемся грешнике*[27]? Разве есть, чадо мое, большее благо, чем спасение души?

Потому *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?*[28]

Однажды, когда мы с отцом Порфирием шли в сторону одной из главных площадей Афин (он собирался что-то купить), мы дошли до какого-то книжного магазина, и Батюшка предложил зайти туда. Там его приняли очень радушно, продавцы наперебой старались оказать ему услугу. Я стоял в сторонке и перелистывал какую-то книгу. Невольно я услышал разговор между Батюшкой и служащим магазина, который выражал свое сожаление по поводу того, что нужной отцу Порфирию книги в магазине не оказалось.

Когда мы вышли на улицу, я спросил его, какую книгу он хотел купить.

- "Лествицу" Иоанна, — ответил Батюшка. — Ты ее читал?

- Я даже не слышал о ней.

- Как же так, чудак?! Это очень важная книга. Но я не могу ее найти, а в понедельник, как ты знаешь, я уезжаю на Святую Гору. Я бы очень хотел приобрести эту книгу.

- Хорошо, Батюшка, вы поезжайте, а к тому времени, когда вернетесь, я ее найду. Будет случай сделать вам небольшой подарок, а то вы всегда отказываетесь, не желая от меня ничего принимать…

- Господь с тобой! Что ты говоришь? Я ведь знаю, что ты студент, к тому же безработный. Так как же ты хочешь, чтобы я от тебя что-то принял? Когда ты с Божией помощью закончишь учебу и начнешь работать, тогда сможешь сделать мне какой-нибудь подарок. Тогда я его не только приму, но и буду гордиться тем, что у меня есть подарок от тебя, моего чада!

- Если вы не примете мой подарок теперь, я пойму ваш отказ по-своему.

- Ну и что ты хочешь этим сказать?

- Что вы меня не любите.

- А ты веришь в то, что говоришь?

- Да, верю.

- Тогда прав твой отец Яннис, когда говорит, что ты упрямец. Делай что хочешь, и да просветит тебя Бог.

Я запомнил название книги и, как только Батюшка уехал на Афон, стал искать ее, нашел и купил. Это была большая книга, в несколько сотен страниц. Из любопытства я начал ее читать, так как, с одной

стороны, мне было интересно узнать, о чем она, а с другой — хотелось посмотреть, какого рода книги читает Батюшка.

С первых же страниц я убедился, что написана книга достаточно сложно. Разумеется, в ней заключалось много глубочайших мыслей, но поскольку она была написана на древнем языке, то для ее понимания требовались университетские знания. Но ведь их как раз и не было у Батюшки!

Чем дальше я читал, тем труднее мне это давалось. Некоторые фразы я разбирал, прибегая к правилам грамматики, и все же понять их суть мне было нелегко. Не выдержав, я вступил в мысленный диалог с отцом Порфирием: "Ах, Батюшка, зачем тебе эта книга? Даже я затрудняюсь ее понять, имея экономическое образование и теперь вот заканчивая юридический факультет. Как же ты ее поймешь, когда ты и за партой не сидел?".

Так я думал и рассуждал, пока не закончил читать всю книгу.

Когда Батюшка вернулся, я сразу побежал к нему. Дал ему книгу без всяких комментариев. Он принял подарок с каким-то особым чувством и много раз благодарил меня, как будто я подарил ему что-то очень важное и ценное. Я же все время говорил про себя: "Читай, Батюшка, и если что-нибудь поймешь, объяснишь мне".

Так я думал и был глубоко убежден, что образование определяется красивыми дипломами, а не мудростью. Именно это маловерие и обнаружил во мне "неграмотный" представитель Бога на земле и духовный отец мой Порфирий.

При следующей же встрече он начал пересказывать мне буквально слово в слово большие отрывки из книги Иоанна Лествичника! Это было поразительно! Комментарии, которые он давал, были не только интересны, но и достаточно обширны. Из каждого слова он извлекал более глубокий смысл, чем простые объяснения на основе грамматики.

Я с большим трудом мог уследить за его мыслью. Мне было очень стыдно перед Батюшкой, что я позволил себе с такой иронией подумать, что он "малограмотный"! Я был готов припасть к его ногам! А он, словно намеренно, продолжал бомбардировать меня длинными отрывками из "Лествицы" и давал к ним такие мудрые комментарии, что я от удивления не мог вымолвить ни слова.

С другой стороны, в этом не было ничего удивительного. Именно "неграмотный" мудрец и должен был изобличить убожество моих

знаний о предметах духовных. И вместе с тем меня следовало лишний раз одернуть, чтобы я не смел в будущем ставить на одну доску человеческие знания и знания, источником которых была Премудрость Святаго Духа.

После полученного мной урока мне больше и в голову не приходило не только ставить себя выше отца Порфирия, но дерзать даже на какое-либо сравнение с ним.

ОН ПРЕДВИДЕЛ ВРЕМЯ КОНЧИНЫ СВОЕЙ МАТЕРИ

В Афинской Поликлинике уже несколько дней лежала больная мать отца Порфирия. Врачи ему говорили, что она выздоравливает, но Батюшка благодатью Божией предвидел, что живой из больницы она уже не выйдет.

Однажды пошел навестить свою больную мать батюшкин брат по имени Антоний (он скончался на год раньше Батюшки). Когда он спросил врачей, как здоровье его матери, те ответили:

- Отлично! Завтра она выйдет из больницы, а сегодня вечером мы приготовим выписку из истории болезни.

Антоний, которого отец Порфирий очень любил, пришел домой успокоенным. Внезапно зазвонил телефон. Это был Батюшка.

- Антоний, — сказал он ему, — немедленно поезжай в больницу, наша мать умирает, и нам надо успеть взять ее благословение!

- Да что ты говоришь?! Я только что оттуда, с нашей мамой все в порядке, и завтра, как мне сказали, она уже будет дома.

- Я не знаю, что тебе сказали врачи. Я знаю, что наша мать умирает и нам надо торопиться.

И действительно, как только они приехали в поликлинику, мать едва успела их благословить. Господь призвал ее к себе, а батюшкин дар прозорливости подтвердился и на сей раз.

"ТВОЙ ОТЕЦ ПРАВ…"

Отец Порфирий имел обыкновение проводить свой отпуск на Святой Горе. В это время его должен был заменять другой иерей. Поэтому Батюшка обратился ко мне с просьбой, чтобы я поговорил со своим отцом, не может ли он заменить его в августе и послужить в его храме (было это, как мне помнится, в 1964 году). Мой отец, очень любивший Батюшку, с удовольствием согласился.

Однако он должен был обратиться за разрешением к приходскому совету при церкви Святого Иоанна Богослова (отец был приходским священником в двух деревнях). Ему ответили резким отказом. Но, памятуя об обещании, данном старцу Порфирию, отец все же поехал в Афины, чтобы временно заменить Батюшку.

Церковный совет был не на шутку рассержен. Отцу угрожали, что пожалуются на него владыке Фтиотидскому за самовольную отлучку.

По возвращении Батюшки мы с отцом немедленно отправились к нему, и по дороге обеспокоенный отец повторял мне:

- Мы оба с тобой являемся государственными служащими, поэтому мы не имеем права самовольно отсутствовать на работе. И я не имею права оставить две деревни на месяц без священника.

Мы продолжали обсуждать эту тему до тех пор, пока не оказались возле церкви Святого Герасима при Афинской Поликлинике, где нас ждал Батюшка. Когда мы вошли в храм, Батюшка вышел нам навстречу из алтаря, обнял нас и поцеловал. Немного поговорили, и отец пошел приложиться к иконе святого Герасима. В это время Батюшка, улучив минутку, упрекнул меня в том, что я расстроил своего отца. Я сделал вид, что не понял, о чем он говорит. Он же подробнейшим образом описал мне наш разговор. Я был вынужден с ним согласиться. Под конец он открыто принял сторону моего отца и начал говорить о той ответственности, которую несет священник перед своей паствой.

- Твой отец прав, — заключил он.

Я молчал и больше никогда не смел ничего скрывать от Батюшки, даже свои помыслы!

"ВСТРЕЧА" ВО ВРЕМЯ МОЛИТВЫ

Батюшка сам молился подолгу и желал, чтобы его духовные чада делали то же. Особенно меня он в этом всячески убеждал, поэтому часто говорил мне о силе молитвы.

- Молитва, чадо мое, означает беседу с Самим Богом, являющимся Творцом и Создателем вселенной! Он — Тот, Который создал человека по Своему образу и подобию. Он — Тот, Который сотворил все, что мы видим, и то, чего мы не видим нашими человеческими очами. Он никогда нам ни в чем не отказывает. Наоборот, Он всегда готов выслушать нас со вниманием и любовью, как это делает добрый отец, когда у него что-то просит ребенок. Он нам дает то, что мы просим у Него, если только это идет на пользу нашей душе.

В самом деле, думал ли ты, чадо мое, поговорить хотя бы раз с кем-либо из теперешних наших правителей так, чтобы получить просимое? Если нет, то я тебе советую, попробуй! И ты уверишься, что твое желание останется лишь желанием! Они не захотят разговаривать с тобой. Самое большее, что они сделают, — это пошлют тебя к кому-либо из нижестоящих чиновников, чтобы отделаться от тебя.

Господь же наш, Который является Царем царей, никогда не пошлет тебя к кому-то другому и никогда не откажет тебе в беседе с Ним через молитву.

Затем, помню, Батюшка меня спросил:

- Ты понимаешь то, что я тебе говорю, и почему я тебе это говорю?

- Конечно, Батюшка, — ответил я.

- И однако, что-то мне кажется, что ты не хочешь этого понять. Потому что, если бы ты понял, ты бы больше молился.

- Ну, молитесь вы за меня.

- А когда я ем, ты насыщаешься? — спросил он.

Это меня совсем обезоружило.

- Слушай, — говорит, — я хочу сделать тебе одно предложение, но прежде обещай мне, что ты его примешь и выполнишь.

- Обещаю, Батюшка. Я готов сделать все, что вы скажете.

- Тогда я тебе предложу молиться вместе со мной в одно и то же время. И один будет молиться за другого.

Мы договорились, дав друг другу обещание, и назначили час молитвы — десять часов вечера. Батюшка мне объяснил, что он очень верит в такую совместную молитву. Плоды такой молитвы удивительны!

- Ты убедишься в этом сам, но я хочу, чтобы ты точно соблюдал время нашей "встречи" — десять часов вечера. И смотри, постарайся ни разу не пропустить, сдержи свое обещание. И я сдержу.

Весь этот разговор происходил во время нашей прогулки до автобусной остановки. На сей раз Батюшка даже не позволил проводить себя домой, как обычно.

- Нет, — сказал он, — ты не пойдешь со мной, а поедешь домой. И, как мы условились, начнешь молитву сегодня же вечером.

Я послушался. Батюшка сел в автобус, а я остался ждать, пока автобус отойдет. Как только автобус тронулся, Батюшка постучал в окошко и повторил:

- Ровно в десять!

Мне и сейчас кажется, что я вижу его в окошке автобуса и слышу его голос. Лицо его сияло, и был он подобен Ангелу! Тогда он был на тридцать лет моложе, в самом расцвете сил.

Я ждал на остановке до тех пор, пока автобус не скрылся из глаз в хаосе машин гигантского города, увозя с собой никому не известного тогда святого служителя Церкви Владыки Христа. Потом я быстро отправился домой, чтобы не опоздать к нашей молитвенной "встрече".

В десять вечера я закрылся в своей комнате и начал молиться. С первой же минуты мое тело стал как бы пронизывать сильный ток, проходя от конечностей до головы. Мою комнату озарил ослепительный свет. Мне показалось, что я весь объят пламенем, которое, однако, меня не сжигало.

Поначалу я испугался и был близок к панике. Но вскоре понял, что все эти явления происходят от силы молитв Батюшки, и тогда я не только успокоился, но меня охватила такая великая радость, что мне показалось, будто я покинул пределы Земли! И так продолжалось до конца молитвы.

На следующий день первым моим желанием было пообщаться с Батюшкой. Я решил, что ничего о случившемся ему не скажу. Так я и

сделал. Но Батюшка заговорил об этом сам. Как только я попросил у него благословения, он, улыбаясь, спросил:

- Что, испугался, а? Не хватало тебе только свалиться со страху! Но я видел тебя в ярком свете, который наполнил твою комнату, а ты, ликующий, поднимался и поднимался, словно хотел достигнуть Престола Господня! Видишь теперь, какую силу имеет такая молитва? Продолжай, и ты меня вспомнишь.

И действительно, я его помню, и не только в этой жизни, но и в будущей буду помнить. Ибо я пережил тогда опыт, который не в силах описать!

ЯРКАЯ ЗВЕЗДА

Когда отец Порфирий перестал служить в должности священника церкви Святого Герасима при Афинской Поликлинике, он обосновался в одном из районов Аттики при храме Святителя Николая. Там он служил каждое воскресенье. Помогал ему псаломщик — один из его духовных чад. Десятки верующих приезжали к Батюшке помолиться на литургии и получить его благословение.

Однажды служили всенощную[29] в храме Святителя Николая в канун праздника Благовещения, и Старец попросил, чтобы ему принесли все необходимое для помазания прихожан от лампадки, горевшей у образа святого.

Одна женщина вышла из церкви, чтобы принести то, о чем просил Батюшка. Возвращаясь, она увидела нечто, что было похоже на яркую звезду, которая парила над куполом, то взлетая, то опускаясь на восточную часть храма. Позже она спросила, что это было. Батюшка смиренно, как всегда, ответил:

- Да ничего особенного. Это сила, исходящая от псаломщиков, которые и вправду в тот день пели с большим усердием.

О себе он ничего не сказал. Как будто его и не было в церкви во время литургии.

Святая душа, как мне тебя не хватает!

ТАИНСТВО СОБОРОВАНИЯ И "РЕНТГЕНОСКОПИЯ" ПРИСУТСТВУЮЩИХ НА НЕМ

Множество народу обращалось к отцу Порфирию с просьбами совершить Таинство Соборования или освятить дом. Но поскольку Батюшка всегда был очень занят и очень уставал, то не часто откликался на эти бесчисленные приглашения.

Так что мало, очень мало было счастливчиков, которые сподобились видеть Батюшку в своем доме. Среди этих немногих был и я! Большая честь для меня!

Двадцать пять лет назад, когда я был студентом юридического факультета Афинского Университета и еще не был женат, мои сестры, Екатерина и Елена, попросили меня, чтобы я уговорил Батюшку совершить Таинство Елеосвящения в одном из наших домов, где бы собрались все наши родственники, с тем чтобы Батюшке не ходить в каждый дом отдельно.

Я согласился, но с осторожностью, потому что знал жизнь Батюшки и понимал, какое бремя забот лежит на нем. Он много исповедовал, часто до ночи, не имея возможности даже перекусить. Когда же он приходил домой, то и здесь его ждала работа. Много работы!

Помимо того что Батюшка писал иконы, он работал также и на ткацком станке. Вместе со своей сестрой и племянницей они ткали разные красивые вещи, продавали их на базаре и жили на эти деньги. То же, что оставалось от их заработка, отец Порфирий откладывал для того, чтобы приступить к некой гигантской работе.

У Батюшки уже давно зародилась идея построить женский монастырь. Он начал воплощать ее в жизнь, основав скит в Милеси, районе, расположенном в Аттике.

Во многом ему сопутствовала удача. Когда Батюшка приехал на место строительства, там еще не было ничего, кроме маленькой комнатки с ванной и кухней. Все было построено временно из цементных плит. В дальнейшем строительные работы стали

выполняться исключительно по чертежам отца Порфирия и под его неусыпным и мудрым присмотром.

Итак, Батюшка был одновременно "и попом, и пахарем", как говорит народная пословица. И в том, и в другом он преуспел. Конечно, он работал так, что никакое дело не терпело ущерба, но, наоборот, одно служило дополнением другого. Все это, несомненно, требовало большого труда, жертв, борьбы и, главное, умелого планирования и горячего желания.

Больше всего блаженный Старец ненавидел лень и проволочки. Он требовал от всех своих духовных чад, чтобы они трудились физически и духовно. Он требовал рассудительности, серьезности, решительности и, главное, ответственности! Если человек не имел этих качеств, ему было не место среди батюшкиной паствы. Это не говорилось, но подразумевалось.

Итак, по причине такой занятости Старца моя осторожность в отношении просьбы моих сестер была обоснованна и абсолютно оправданна. Однако при этом Батюшка всех нас принимал, стоило нам встать на путь исправления. Был он долготерпелив, по примеру нашего Господа. Вот и я, рассчитывая на его доброту, решился его побеспокоить и в тот же день передал ему просьбу моих родных.

Ответ, который я получил, признаться, меня озадачил.

- У вас, дитя мое, есть ваш отец Иоанн. Это святой человек! И вы просите меня вас пособоровать? Разве не стыдно?!

- Но ведь мой отец сейчас в далекой епархии. Его нет здесь, — заметил я.

- Но и оттуда, где он находится, дойдет благодать Божия. Ты только попроси его, чтобы он обо мне помолился, — добавил Батюшка, желая закончить разговор.

Однако я был настойчив, и вскоре мы с Батюшкой оказались в доме моей сестры Екатерины. Она приготовила все необходимое для совершения Таинства и собрала в доме всех наших родственников.

Отца Порфирия все встретили с неописуемым восторгом. Каждый пытался его обнять, поцеловать, пожать ему руку и встать поближе к нему. Батюшка был очень взволнован таким проявлением любви.

- Господь да благословит всех вас, — говорил он. — Все вы такие хорошие! И так похожи на отца Иоанна! Кроме того, вы унаследовали

его чувствительность, и поэтому в жизни вам всем придется много страдать.

И вот началось соборование. Псаломщиком был я. Но, прежде чем приступить к Таинству, Батюшка приказал всем встать полукругом так, чтобы один не закрывал другого. Мы так и встали, как он велел, но не в один ряд, иначе бы мы не поместились.

Когда все было готово, отец Порфирий начал соборование. В абсолютной тишине слышны были только голос Батюшки и мой, псаломщика. Наблюдая за совершением Таинства, мы заметили, что Батюшка как-то странно всех осматривает с головы до пят. Впечатление было такое, что каждый из нас подвергается рентгеновскому осмотру. Тогда только мы догадались (что и подтвердилось впоследствии), зачем он нас поставил полукругом… Оказывается, для того, чтобы провести "рентгеновское обследование" с помощью благодати Божией! И вовсе не потому, что какой-то предмет мог послужить препятствием для его духовного взора (ибо у Батюшки был дар прозорливости), но чтобы кто-нибудь не подумал, что тут задействована некая человеческая сила. Батюшка подчеркивал действие Божественной благодати в такого рода явлениях. Для него, впрочем, это было делом привычным. И, думаю, совсем не случайно, что, когда я заканчивал чтение Апостола, Батюшка не спешил с чтением Евангелия. Он был занят, как я полагаю, "рентгеноскопией" присутствующих на Таинстве Соборования.

- Такой-то, — говорил он, — страдает от увеличения щитовидки, а у такого-то болит желудок; у такого-то — проблема с дыхательной системой, а у такой-то — расшатаны нервы… Я буду за всех молиться.

Таким образом, вместе с Таинством Елеосвящения совершилось и "рентгеновское обследование" всех, кто был в доме! Что ж, дай Бог, чтобы Батюшка так же помогал нам и оттуда, где он теперь находится!

ОТЕЦ ПОРФИРИЙ ЧИТАЕТ МЫСЛИ

Чем дольше длилось наше знакомство, тем больше Батюшка любил нашу семью, и в особенности меня. Так что, несмотря на бремя своих трудов, ему очень нравилось бывать у нас: с одной стороны, чтобы нас наставлять, а с другой — чтобы принимать нашу безграничную любовь и нежность, так как он очень радовался всякому проявлению любви. Поэтому мы часто виделись с ним, что и нам доставляло чрезвычайную радость. Мы стали считать его членом своей семьи, совсем-совсем родным.

Однажды я пригласил Батюшку в дом моей сестры (где жил тогда и я) и просил его пробыть с нами весь день до вечера, чтобы мы вдоволь насладились общением с ним. Батюшка согласился принять это предложение, и мы провели незабываемый день! Он нам рассказывал о своей жизни, о чудесах, о прошлом, о будущем, о вере, о любви, о милосердии и о Боге. Мы буквально не спускали с него глаз, вслушиваясь в каждое его слово. Все молились об одном: чтобы этот день никогда не кончался, чтобы ночь никогда не наступала.

К сожалению, все хорошее быстро проходит. Закончился и этот чудный день; ночь была у порога, но никто и не думал расставаться с Батюшкой. В полночь отец Порфирий собрался уходить. Но кто же его отпустит? Все окружили его, а мои племянники буквально повисли на нем, ухватившись за рясу.

- Нет, Батюшка, вы не уйдете, оставайтесь у нас сегодня на ночь! — кричали дети.

Но Батюшка настаивал на своем:

- Я не могу остаться. Я пробыл весь день с вами, а теперь должен идти домой. Я никогда ни у кого не оставался.

Наконец наши настойчивые просьбы заставили Батюшку покориться, и он остался. Возглас "ура!" потряс дом. Батюшка, явно взволнованный, отдал мне камилавку и рясу, чтобы я их отнес в ту комнату, где он будет спать. И сразу же, еще с большим удовольствием, продолжил свой рассказ.

Мы были готовы слушать его до утра, а Батюшка — рассказывать. Вдруг видим: Батюшка поднимается и направляется к выходу. Мы

очень удивились, ибо было уже далеко за полночь. Все бросились снова его уговаривать, но безуспешно.

Что же произошло? Все оказалось очень просто. Мой зять Георгий, который работал инспектором на государственном авиационном заводе, должен был вставать в пять утра, чтобы успеть на аэродром. Он подумал, что народу у нас много и спальных комнат недостаточно, а тут еще отцу Порфирию надо уступить отдельную спальню.

Конечно, Батюшка, имевший Божий дар читать мысли, понял все и решил немедленно уйти, освободив нас от этой проблемы. Мы очень опечалились. А больше всех расстроился мой зять. Он понял, что стал причиной того, что так неудачно и бесславно заканчивается столь приятная и поучительная встреча с нашим святым отцом.

Батюшка увидел, как сильно огорчился Георгий, и попытался смягчить сложившуюся ситуацию. Он сказал, что решение об уходе он принял давно и что на него никоим образом не повлияли мысли моего родственника. Но все же на зятя обрушилось всеобщее негодование и возмущение (в особенности ему досталось от жены — моей сестры).

Я проводил Батюшку до дома, и, когда вернулся, в доме все еще продолжались пререкания. Желая прекратить споры, я сказал, что все произошло так, потому что Сам Бог хотел нам показать, какую силу имеет наш Батюшка, что даже мысли может читать!

Я и теперь убежден в справедливости этих слов. Такова была воля Божия.

"ТЫ НЕ ПОЕДЕШЬ В АМЕРИКУ!"

В 1966 году меня пригласил к себе знакомый профессор Афинского Университета для того, чтобы сообщить очень приятную новость. Речь шла о том, что он ждет в гости своего друга — ректора одного американского университета. Профессор уже говорил с ним обо мне, и ректор согласился помочь мне продолжить образование в Америке, после чего он собирался оставить меня у себя в качестве помощника, а потом определить на одну из университетских кафедр. Единственное, что требовалось от меня, — это знание английского языка.

С большой радостью я принял предложение профессора, несмотря на то что имел хорошую работу в Афинах. Я горячо его поблагодарил и обещал тотчас же приняться за изучение английского. У меня оставалось всего несколько месяцев, и я рассчитывал усовершенствовать язык уже на месте. Такого же мнения придерживался и мой профессор, который посоветовал мне выучить язык хотя бы настолько, чтобы понимать его американского друга.

Я еще раз поблагодарил моего профессора и ушел от него радостный и счастливый. После этого я отправился к Батюшке в церковь Святого Герасима, чтобы сообщить ему приятную новость.

Всю дорогу я размышлял о предстоящей поездке, о своей будущей университетской карьере, в успехе которой мой профессор нисколько не сомневался. Да и сам я был в этом убежден и не видел причины, почему задуманное может не осуществиться, когда обо всем уже договорились.

В церкви я разыскал Батюшку, и у меня сложилось впечатление, что он только меня и ждал. Я начал рассказывать ему свои новости со всеми подробностями. Но Батюшка почему-то не радовался, слушая меня. Я спросил в недоумении:

- Может быть, вы расстраиваетесь, что я уеду? Не расстраивайтесь! Я вас не забуду. По крайней мере один раз в году я буду к вам приезжать. Скажите мне только ваше мнение и дайте благословение на эту поездку.

- Я не знаю, что тебе говорят профессора, но я вижу дело иначе. Ты не поедешь в Америку!..

В одну минуту все мои планы рухнули, как карточный домик. Уж я-то хорошо знал: если Батюшка что-то предрекает, то так и случается.

- Так что же мне, не учить английский? — спросил я его.

- Делай так, как вразумит и просветит тебя Господь. Но я вижу большое препятствие. Иди теперь, а я буду молиться за тебя, чтобы все совершилось во спасение твоей души.

Ушел я опечаленный. В том, что Батюшка не ошибается, я убеждался десятки, сотни раз. И действительно, в дальнейшем все обернулось так, как предсказал Батюшка.

Мое огорчение в тот день невозможно описать! Я был в отчаянии! В таком состоянии не хотелось идти домой. Я предпочел прогуляться по центральным улицам Афин, желая таким образом отвлечься и немного прийти в себя.

Не выходило из головы и обещание, данное моему профессору, что я сделаю все возможное, чтобы быстрее приступить к изучению английского языка. Итак, я должен был согласовать два прямо противоположных обязательства. Одно из них проистекало из данного мною устного обещания уважаемому человеку, а другое вынуждало меня слушаться своего духовного отца, который к тому же был не рядовым духовником, но известным святым старцем!

Так я вернулся домой, усталый и расстроенный.

Дни шли, а я все еще находился в нерешительности. К тому же из-за финансовых затруднений я был вынужден работать в нескольких местах. С семи утра до трех я работал в страховой компании, после чего сразу же отправлялся поочередно на три предприятия, чтобы вести там бухгалтерские книги. Следовательно, на английский язык времени уже не оставалось.

Однако, чтобы не ударить в грязь лицом перед профессором, я был вынужден один час в день брать частные уроки английского языка. Преподаватель был доволен мною, я — им. Но я понимал, что слова Батюшки должны были исполниться и на сей раз.

Через три месяца американский ректор приехал в Грецию. Мой профессор позвонил мне и предложил назначить встречу. Я решительно отказался, так как не желал опозориться.

- Давай приходи, — настаивал мой собеседник. — Поговорите, обменяетесь мнениями — и конец. Не теряй такой возможности, подобные предложения делают нечасто.

- Я очень сожалею, господин профессор, но я совершенно не готов и не могу к вам прийти. Я вам очень благодарен. Простите за все.

Таким был мой ответ. И вместе с ним закрылись двери моей, быть может, блестящей карьеры. Глубоко опечаленный, я опустился в кресло и вспомнил слова Батюшки: "Я вижу препятствие. Ты не поедешь в Америку!". О, если бы на сей раз слова его не оправдались!..

ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА И НЕРВНЫЙ ИЕРЕЙ

В течение многих лет я проводил Страстную Седмицу вместе с отцом Порфирием (как он благословил), переживая с умилением каждый ее день. В то же время я и сам имел желание стоять рядом с ним и внимательно слушать псалмы и тропари, которые так проникновенно и с такой великой верой пел приснопамятный Старец.

Так же, по обычаю своему, я проводил Страстную Седмицу и в 1959 году. Все службы проходили в церкви Святого Герасима.

В Великую Пятницу, войдя в храм, я заметил, что кроме Батюшки в алтаре находится какой-то другой священник. Этот факт меня не особенно удивил, так как я знал от моего отца, что Страстная Неделя очень тяжела и утомительна для священнослужителей и потому они по мере возможности помогают друг другу.

Все шло хорошо до тех пор, пока оба священника не вышли из алтаря и не начали петь Чин Погребения. Тут я заметил, что новый иерей ведет себя по отношению к Батюшке неподобающим образом. И это заметили все, кто находился тогда в церкви. То он обрывал его, то делал какие-то бессмысленные замечания — и все это в непозволительно грубой форме: "Перестань! Остановись! Давай продолжай!". Под конец он даже стал толкать Батюшку.

Все мы были так возмущены поведением этого священника, что, если бы он не был служителем Всевышнего и все это не происходило в святом храме, дело кончилось бы плохо. Я же, сильно любивший Батюшку, был глубоко убежден, что все, что делается против него, напрямую касается меня! И подумать только, как мог это делать иерей, находившийся в подчинении у настоятеля?! К тому же отец Порфирий был не просто священником, но и архимандритом! Более того, этот человек продолжал вести себя таким же образом и во время крестного хода с Плащаницей.

По окончании службы я немедленно вошел в алтарь, чтобы выразить протест по поводу поведения священника. Батюшка, увидев меня разгневанным, избегал разговора. Я же, ничтоже сумняшеся, заметил ему, что непозволительно давать своему подчиненному вести

себя столь неподобающим образом. В ответ Батюшка рассмеялся и смеялся долго, почти до слез! Успокоившись, он сказал:

— Не сердись, чудак, ведь он неврастеник…

Я стоял молча с одной только мыслью: "Либо этот человек святой, либо у него отсутствуют нервы, либо в его жилах течет не кровь, а водица!".

Время показало, что он действительно святой!

О, если бы мы могли быть такими же, как он! Тогда бы врата Царствия Небесного широко распахнулись для всех нас, и кто бы другой нас там встречал, как не наш отец Порфирий!

Сие да буди!

КАК БАТЮШКА СОВЕРШАЛ БОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТУРГИЮ

Во время Божественной литургии я всегда старался быть в храме и молился в алтаре, потому что мне хотелось находиться рядом с Батюшкой, когда он совершал Бескровное Жертвоприношение.

Впоследствии я не пожалел об этом. Более того, если бы и теперь был жив приснопамятный Старец, я поступал бы так же. Потому что именно там, в алтаре, я познал все величие нашей веры! Там я пережил волнующие и непередаваемые минуты! Там я сподобился слышать тайную беседу между Ангельскими Небесными Силами и земными людьми! Там я видел Батюшку, который, словно маленький ребенок, воздевал святые свои руки к Небесному Отцу! Там я наблюдал, с каким благоговением и страхом Божиим готовился он во время проскомидии к совершению Божественной Евхаристии!

Все это глубоко волновало меня, потому что отец Порфирий сие Божественное Таинство переживал как глубочайшую реальность. Когда он держал в руках просфору, для него она была самим Телом Христовым. Каждый раз, когда он разрезал ее, душа его болела, ибо он твердо верил, что в этот момент разрезает само Тело Иисуса!

А молитвы, читаемые им обычно во время проскомидии, были столь выразительны и действовали с такой силой, что могли перевернуть даже самую черствую, неверующую, варварскую душу! Не могу забыть, как Батюшка молился за живых и усопших! Когда он произносил: "Помяни, Господи, раба Твоего…" — он просил с такой мольбой и таким состраданием, что не только всемилостивый, долготерпеливый и полный любви Господь не мог ему отказать, но даже самый отпетый преступник не сделал бы этого!

Совершая Божественную литургию, Батюшка полностью отрешался от сего суетного мира. Казалось, он не слышит, не видит и никак не соприкасается с ним. Он жил в своем духовном мире. И вот, несмотря на это, я и там не оставлял его в покое. Я все старался подойти к нему поближе, чтобы выказать ему свою любовь. И он, всем сердцем на нее отвечая, крестил мне лоб то святой лжицей, то крестом,

то каким-либо другим священным предметом, который он в тот момент держал в руках.

И когда Батюшка кого-либо осенял крестным знамением, то вкладывал в него всю крепость своей веры: он с такой силой касался лба, головы или плеч, что человеку становилось больно. Однако всякий чувствовал, что это делалось для его же пользы!

Я лично много раз подвергался такому испытанию, когда находился в алтаре во время Божественной литургии, и каждый раз у меня создавалось впечатление, что от чрезмерного давления святым предметом мой лоб кровоточит, хотя на самом деле никогда ничего подобного не было.

Однажды, когда я стоял у Святого престола и наблюдал за тем, как Батюшка возлагает звездицу на дискос, он меня ею перекрестил с такой силой, что мне было не просто больно, но казалось, что мой лоб разламывается на части! Я попытался вытереть кровь рукой, но, как и следовало ожидать, там не было ни малейшей царапины. Тем не менее глаза мои были полны слез от боли, которую я испытывал, и только чувство стыда удерживало меня, чтобы не расплакаться. После этого случая я уже не смел так близко подходить к Батюшке. Следил за ним, стоя поодаль.

И еще: меня в высшей степени поражало, как отец Порфирий собирал "Божественные жемчужины" (крошки от Причастия). Он делал это с таким тщанием, благоговением и страхом, что ни одна крошка не могла упасть. От сильного напряжения с него градом катился пот.

И наконец, было бы большим упущением не рассказать (хотя бы в двух словах) о том, как Батюшка пел.

Церковные гимны, исполняемые отцом Порфирием, совершенно не походили на те песнопения, которые мы слышим в большинстве святых храмов. В его манере пения не было ничего искусственного, никаких украшательств, никаких кульминаций, действующих возбуждающе на человека и так напоминающих восточные мотивы. Он пел сдержанно, тихо, молитвенно, избегая демонстрировать свои голосовые способности, хотя это вовсе не значит, что ему их не хватало.

"ТВОЯ МАТЬ НЕ СМОЖЕТ ПРИНИМАТЬ ВАННЫ"

Всегда, прежде чем ехать в какое-либо путешествие или принять какое-либо решение, я испрашивал благословения у Батюшки.

Так же я поступил и в июле 1964 года, когда должен был сопровождать маму на бальнеологический курорт, так как по совету лечащего врача ей необходимо было пройти курс лечения. Я полагал, что и для меня представился хороший случай провести отпуск в прекрасно обустроенном для отдыха и лечения месте.

Поэтому я заранее заказал гостиницу и договорился о предоставлении мне очередного отпуска. А когда пришло время ехать, я, как всегда, отправился к Батюшке, чтобы взять его благословение и попрощаться.

Батюшка попросил меня подождать. Я сказал, что спешу, так как должен еще зайти домой, а затем ехать в деревню, чтобы на следующий день нам с мамой отправиться в лечебницу.

- Ну что ж, пойдем до твоего дома вместе, мне надо с тобой поговорить.

Правду сказать, это меня удивило. Тем более что и времени-то для разговора почти не было. Поэтому я стал убеждать Батюшку не утруждать себя зря, но он настаивал на своем:

- Ты всегда провожаешь меня до дому. Дай мне хоть раз тебя проводить.

Я сдался при такой постановке вопроса, и мы пошли к моему дому. Отец Порфирий начал разговор с каких-то странных, совершенно мне непонятных аллегорий. Дошли мы до автобусной остановки, что рядом с храмом Богородицы. Батюшка спросил меня, что это за церковь. Я сказал:

- Божией Матери.

- Да просветит Она твой разум, чтобы ты не ездил в эту поездку, так как мать твоя не сможет принимать ванны.

- Но, Батюшка, они ей необходимы. Мы едем по рекомендации лечащего врача, который годами наблюдает за ее здоровьем.

- Я не знаю, что ей сказал врач, и врача того не знаю, но благодатью, данной мне от Господа, предвижу, что напрасно вы туда едете, потому что, повторяю, твоя мать не будет принимать ванны.

Последовало краткое молчание, и Батюшка спросил, что я думаю делать. Я ему ответил, что никогда еще не был в таком затруднительном положении.

- Потому что если я вас ослушаюсь, то более чем уверен, что горько раскаюсь в этом, так как еще не было случая, чтобы ваши слова были сказаны зря. А если я вас послушаюсь, то не знаю, что сказать матери, которая уже готова к отъезду и только ждет меня, чтобы отправиться в путь. К тому же хозяин гостиницы держит для нас двухместный номер. Он наш добрый знакомый, и мне не хотелось бы его подводить.

Батюшка понимал мои затруднения и всю обоснованность приводимых мною доводов, но поскольку он предвидел препятствия, то желал нас отговорить и потому настаивал на своем.

Я же, будучи человеком совестливым, не хотел подвергать опасности свою репутацию, хотя и понимал, что только зря пущусь в дорогу, требующую немалых денежных затрат для рядового служащего, каким я был в то время. У меня мелькнула мысль: "Не лучше ли мне поехать в свою деревню, где шумят вековые сосны и текут холодные ручьи, где я смогу провести время со своим отцом и где у меня множество друзей и родственников?".

Но совесть побуждала меня позаботиться о лечении матери, и на следующий день мы все-таки отправились в лечебницу. Мы отыскали знаменитые ванны, но оттуда нас направили к врачу. Тот, осмотрев мою мать, спросил, не перенесла ли она недавно какое-либо серьезное заболевание. Мать ответила, что восемь месяцев назад страдала от желудочных кровотечений. Заключение врача было категоричным:

- Вам запрещается принимать ванны!

После столь строгого запрета мы вынуждены были в тот же день вернуться в наше село, где я и провел свой отпуск. В моей голове еще долго звучали слова Батюшки: "Напрасно вы едете в лечебницу. Твоя мать не сможет принимать ванны!".

Отче святый! Какой удивительный был у тебя дар прозорливости, и каким же я был маловером!

ОТЕЦ ПОРФИРИЙ ИСЦЕЛЯЕТ МОЙ ГЛАЗ

Однажды утром, весной 1972 года, я проснулся от сильной боли в левом глазу. Подойдя к зеркалу, я увидел, что глаз сильно воспален и зрение резко ухудшилось.

Я очень встревожился. Быстро оделся и пошел в поликлинику, в отделение офтальмологии. Врачи поставили диагноз: острое воспаление радужной оболочки глаза. Меня тут же направили в афинскую офтальмологическую больницу. Там мой диагноз подтвердили. Так как глаз был в критическом состоянии, лечение начали немедленно.

Проходили дни, однако улучшения не наступало; более того, состояние ухудшилось. Тогда мне предложили сделать укол и ввести кортизон прямо в глаз! Меня это очень напугало, и я стал мысленно призывать на помощь Батюшку. Когда врач уже готов был сделать укол, в палату вошел другой врач, который категорически воспротивился решению своего коллеги. Он сказал, что, поскольку я его больной, он будет продолжать консервативное лечение. Спор перешел в перебранку, но в этот момент в дверях появился известный в Афинах профессор офтальмологии, которого уже информировали о причине расхождений во мнениях двух его ассистентов.

Войдя, он сказал:

- Давайте-ка я посмотрю супруга нашей коллеги (моя жена — врач-педиатр), а потом посмотрим, что будем делать.

Очень внимательно осмотрев мой глаз, он пришел к заключению, что сейчас нет необходимости вводить кортизон, а лучше продолжать консервативное лечение. Так и сделали. И поскольку это лечение могла проводить моя жена, то на следующий день я выписался из больницы.

Первым же делом я решил пойти к отцу Порфирию, который служил в это время в храме Святого Герасима. Я все ему рассказал о происшедшем, на что он ответил:

- Хорошо сделал, что ушел, иначе не удалось бы избежать укола, который причинил бы тебе сильнейшую боль, и, кроме того, он опасен, если делается неопытной рукой.

Затем Батюшка пошел со мной в исповедальню, надел епитрахиль, поставил меня на колени и, крепко держа мою голову двумя руками, начал медленно и громко читать молитву. Он читал ее более двадцати минут, и хотя я — сын священника, я слышал ее впервые.

Заканчивая молитву словами: "Молитвами преблагословенной, славной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, световидных Архангелов…" — он стал перечислять имена многих святых, среди которых упомянул святого Герасима и преподобномученицу Параскеву. Затем минут пять отец Порфирий молчал, все сильнее сжимая мою голову. Наконец он убежденно сказал:

— Не бойся, с глазом у тебя все будет в порядке, только имей в виду, что весной и осенью существует опасность рецидива. Будь осторожен!

С каждым днем мне становилось все лучше. Глаз мой совершенно поправился и стал таким, каким был до болезни. Батюшка опять сотворил чудо!

Пухом да будет земля, которая покрывает его святые мощи!

"ГОСПОДЬ ПРИЗЫВАЕТ ТВОЕГО ОТЦА К СЕБЕ!"

Как я уже упоминал, отец мой был служителем Всевышнего и с отцом Порфирием его связывала большая братская дружба. Они друг друга считали святыми. Оба молили Бога, чтобы быть похожими друг на друга. Отец Порфирий часто говорил мне:

- Напомни отцу Иоанну, чтобы он поминал меня в своих молитвах, потому что он — святой и имеет большое дерзновение перед Богом.

И мой отец звонил по телефону и говорил:

- Попроси Батюшку, чтобы он поминал меня в своих молитвах, потому что я сталкиваюсь со множеством трудностей и его молитвы мне необходимы.

Что сказать об этих двух рабах Божиих? Я десятки лет вынужденно исполнял роль "посла" между ними. Только специфика моего положения заключалась в том, что я не мог говорить им неправду. Если бы я лгал отцу, то лгал бы и священнику, что стыдно и позорно. А если бы я посмел подобным образом вести себя с Батюшкой, то и здесь я бы лгал не только иерею Божию, но и моему духовнику. А кроме того, Батюшка благодатью Божией всегда мог распознать, действительно ли я говорю правду.

Таким образом, желал я того или нет, я вынужден был всегда говорить правду, что я и делал, а посему и духовный мой отец, и отец по плоти проявляли ко мне любовь и уважение, ибо я всегда с точностью передавал слова моего отца Батюшке и наоборот.

Как известно, в жизни много не только радостей, но и печалей; последних, пожалуй, больше. Так, 1972 год принес мне много страданий, горя и душевных мук. Это был год, когда скончался мой отец. Отец, который вместе с матерью был нашей надеждой и опорой, благодаря которому мы чувствовали уверенность в завтрашнем дне и от которого всегда получали помощь. Родители были в жизни каждого из нас альфой и омегой. Отец делал все возможное, чтобы его дети не испытывали лишений, отдавая нам всего себя.

Вот почему его потеря для нас, его детей, была столь трагичной, ибо все мы не просто обожали отца, но готовы были пожертвовать ради него всем, даже жизнью. Именно так было в нашей семье.

Его всегда и во всем поддерживала моя мать, которая ни в чем от него не отставала. Оба они боролись за то, чтобы дать детям хорошее образование, помочь крепко стать на ноги. И с Божией помощью они в этом преуспели несмотря на то, что это стоило им многих жертв и самоотвержения. Такие родители встречаются нечасто.

Хорошо зная жизнь моего отца, его любовь и привязанность к нам, детям, видя бесчисленные жертвы, совершаемые им ради нас, и в то же время видя и нашу к нему любовь и уважение (в особенности это касалось меня, унаследовавшего от отца чрезмерную чувствительность), — видя все это, Батюшка, предузнав, вероятно, его скорую кончину, желал подготовить меня, насколько это было в его силах, к предстоящему трагическому событию.

В начале ноября 1972 года отец Порфирий пригласил меня в церковь Святого Герасима, и мы с ним долго разговаривали на самые различные темы. Когда беседа подходила к концу, Батюшка вдруг завел речь о здоровье моего отца. Я насторожился и стал слушать еще внимательней. А Батюшка сказал:

- Знаешь ли ты, дитя мое, в каком состоянии твой отец? Его здоровье в опасности! Жив Бог, и только Он держит его в этой жизни, которая висит на тоненькой ниточке и готова вот-вот оборваться. И это может произойти в любой момент, даже сегодня, а если не сегодня, то через несколько дней. Господь желает призвать его к Себе, потому что Он очень любит его. Отец твой — святой человек, и Господь не хочет, чтобы он так страдал, а он ужасно страдает! Но он этого не показывает, не желая вас расстраивать. Я вижу, ты очень огорчен. Но мы, христиане, не должны чрезмерно скорбеть, и нас не должна пугать близкая смерть.

Как ты думаешь, что есть смерть? Смерть — это просто дверь, через которую мы проходим в вечность. Вот что такое смерть. И через эту дверь все мы пройдем. Это единственное, в чем мы можем быть уверены. А с нас довольно одного — быть к ней готовыми. Тогда в день Страшного Суда мы окажемся по правую руку Господа нашего Иисуса Христа. Там все мы встретимся и будем наслаждаться благами

рая. Сюда мы пришли не навсегда, а для того, чтобы, пройдя через все испытания, уйти в вечную жизнь.

Итак, не печалься о том, чему суждено случиться. Многие не хотят этого осознавать и говорят: "Здесь — и ад, и рай". Но это не так. И те, кто так говорит, сами это знают и в глубине души не верят в то, что говорят. Однако, когда они встретятся лицом к лицу со смертью, кто спасет их? Разве ты не слышал, что те, кто считают себя неверующими, при первой же опасности призывают на помощь Господа? Разве мы не слышим их крик: "Боже мой! Матерь Божия!"? И не взывают ли они к какому-нибудь святому, которого считают своим заступником?

Ты можешь спросить, зачем я все это тебе говорю? А затем, что, зная, насколько ты чувствителен, я хотел бы подготовить тебя к неизбежному. Иди теперь с Богом, а я помолюсь о тебе, чтобы Господь укрепил тебя. И смотри, ничего не говори ни отцу, ни кому-либо из родственников, потому что все вы очень легкоранимы.

Я ушел. Душа моя пребывала в великой печали. С того момента для меня мой отец уже умер… надежды не было. Даже в мыслях нельзя было сомневаться в том, что сказал отец Порфирий!

Все последующие дни проходили в тягостном ожидании. Работать я почти не мог и постарался предельно уменьшить свои расходы, чтобы провести, насколько это возможно, вместе с отцом те недолгие дни, которые ему оставались в этой жизни. Я часами сидел около него, стараясь на всю жизнь запомнить его глаза, лицо, весь его облик.

Я прилагал все усилия, чтобы он не испытывал нужды ни в чем и ушел из этой временной жизни довольным. Но вместе с тем я старался, чтобы отец не заметил моего особенного внимания к нему, поскольку до этого наши отношения были не столь уж нежными.

Дни шли, и положение отца ухудшалось. Однажды, вернувшись с работы, я застал его горько и безутешно плачущим. Я очень испугался. Таким я его еще никогда не видел. Он смотрел на стену, даже не замечая меня. Я стоял в дверях, не зная, как поступить. Он продолжал плакать, и я вынужден был заметить ему довольно строго, что мужчины не плачут.

- Слезы — женское дело, — говорил я. — Настоящие мужчины все события в жизни, даже смерть, встречают мужественно. Вспомни, с каким мужеством ты переносил все трудности, несправедливые

нападки… Ведь ты — настоящий герой! Почему же сегодня ты пытаешься вычеркнуть из памяти своего сына столь светлые воспоминания?

Эти и подобные слова я вынужден был сказать тогда моему отцу для того, чтобы поднять его настроение. Теперь, правда, я раскаиваюсь в этом. Несмотря на все мои старания, он так и не открыл мне, какова была причина, заставившая его так горько плакать, словно в мире случилось самое великое горе. Однако то, что мне не удалось узнать от него самого, я впоследствии узнал от матери.

Вот что она мне рассказала. В тот день отец доверил ей самую последнюю и великую тайну своей жизни — тайну смерти! Позвав ее, он доверительно сказал ей, что умрет в этом году, до праздника Рождества Христова. И добавил:

- Только очень тебя прошу, ничего не говори детям, чтобы их не расстраивать! Это последняя моя просьба.

Так вот почему так горько плакал мой отец! Потому что, как и Батюшка, он сам знал о приближении своей смерти. Плакал и скорбел он не о себе, а о нас, своих детях, которых он оставляет сиротами.

Далее я расскажу о трагическом "театре любви", который разыгрывался между двумя любящими людьми — отцом и сыном. У нас обоих была общая тайна. И ни один из нас не знал о том, что она известна другому. Мы оба прилагали все усилия, дабы скрыть эту тайну друг от друга.

Итак, мы с отцом, не желая этого, разыгрывали некий спектакль. И оба достаточно хорошо играли свою роль. Мы оказались прекрасными актерами.

Между тем приближались роковые дни. Я потерял сон. Только в утренние часы мне удавалось немного задремать. И вот я увидел пророческий, весьма знаменательный сон, от которого в страхе проснулся.

Этот сон имел непосредственное отношение к смерти моего отца. Я увидел Владыку Христа, Который дотронулся Своей правой рукой до моего левого плеча и сказал:

- Довольно. Больше никакой отсрочки для твоего отца! Я и так исполнил твое пожелание. Даю ему еще три дня. Вот, возьми это!

И Он вложил в мою правую руку бумагу с разрешением о продлении жизни отца на три дня. В это время из моей левой руки

выскользнула бутылка со страшным ядом, упала на пол и разбилась вдребезги. Я вдруг увидел перед собой свою жену Софию (тогда еще мою невесту). Она была вся в черном, а между нами стоял Спаситель.

Теперь я окончательно уверился, что роковой момент наступил. Первой моей мыслью было провести оставшиеся три дня рядом с отцом. Поэтому я предупредил на работе, что три дня буду отсутствовать, и оформил трехдневный отпуск. Никто никогда не узнал причины моего отсутствия в те дни на работе. А когда меня спрашивали, я говорил, что внезапно заболел.

Между тем у отца развилась сердечная недостаточность. Я немедленно вызвал моих друзей-врачей, кардиологов и терапевтов, которые, оказав первую помощь, посоветовали ему немедленно лечь в больницу. Отец наотрез отказался:

— Я никуда не поеду. Хочу умереть дома. Рядом с женой и детьми.

После такого решительного отказа я был вынужден превратить его спальню в больничную палату. Постоянно требовался кислород. Когда он заканчивался, немедленно привозили новые кислородные подушки. Часто меняли и кардиологические средства. Во всяком случае, врачи всегда были у постели больного.

Я прилагал все усилия, несмотря на то что прекрасно знал: никакого результата это лечение не даст. Однако я был обязан ему помочь, потому что это был мой отец! Кроме того, я всегда верил и верю, что иногда есть надежда даже в самой глубокой безнадежности!

Вот с такими заботами, мыслями, надеждами и одновременно молитвами к Богу и Божией Матери дожили мы до рокового дня — 17 ноября 1972 года. Ночь отец провел спокойно. Утром был в хорошем настроении. Чувствовал себя счастливым и радостным, так как вся семья была при нем и все поддерживали его! Он хотел с нами говорить, с каждым из нас. Рассказывал про малоазийскую катастрофу: о борьбе в Эскишехир, в Кютахья, на реке Сакарья[30]. Говорил очень образно. Мы радовались, слушая его. Казалось, что все будет прекрасно и что сон мой, возможно, не был пророческим. Да и Батюшка на сей раз, быть может, ошибся?.. Но, как известно, радость и счастье продолжаются недолго. Наша семья не была в данном случае исключением.

Итак, в пятницу, 17 ноября, когда время подошло к полудню, отец сказал:

- Идите, дети, возвращайтесь к своим делам. Я и так вас утомил. А я останусь с матушкой. Кроме того, все, что вы могли для меня сделать, вы сделали даже с избытком. Всех вас я благодарю. Всех благословляю.

Уважив его просьбу, мы удалились, так как последние минуты жизни он пожелал провести наедине со своей верной подругой! Очевидно, он хотел закончить свою жизнь с той, с которой прожил большую ее часть, — с матушкой! Кто знает, какие напутствия он ей давал? Кто знает, о чем он ее просил? Кто знает, какие тайны он ей доверил? Мы обо всем этом так и не узнали. Оба они унесли свою тайну в иной мир…

Стрелка часов, по словам матери, показывала пять минут второго. Тут отец в последний раз взглянул на мать, повернул голову и скончался.

Мой отец ушел в иной мир… Занавес его земной жизни задернулся навсегда. Человек, который около полувека служил Церкви Христовой с верой, жертвенностью, любовью, обожанием и страхом Божиим, покинул этот временный мир и отправился на встречу со своим Творцом! Иерей, который крестил, венчал, приобщал Святых Христовых Таин и отпевал тысячи верующих, лежал теперь бездыханным.

Мужественный воин, прослуживший восемьдесят два месяца в греческой армии, он воевал всегда в первых ее рядах и дошел до глубин Малой Азии, преследуя врага; его миновали тысячи пуль и снарядов, и он вернулся в свою семью целым и невредимым! А теперь он предал свою святую душу Тому, Кто ее ему дал, — Богу!

Смерть моего отца ранила меня так глубоко (я это понял лишь спустя двадцать лет), что я стал еще ближе к Церкви и, конечно же, сильно повзрослел.

Впрочем, смерть — естественное явление, ибо биологический закон таков: все, что рождается, рано или поздно умирает. Единственное, что я не считал, да и теперь не считаю естественным, — это предвидение отца Порфирия! Это нечто сверхъестественное! И следовательно, божественное, даже если бы и случилось ему хоть раз ошибиться в своих предсказаниях! Но, к

сожалению, и в подобных печальных обстоятельствах Батюшка не ошибался, так как его устами говорил Дух Божий.

Конечно, после всех этих событий во мне уже не оставалось ни крупицы сомнений, что Батюшка действительно имел благодать Божию, которая столь щедро проявляла себя в нем многоразличными дарами прозорливости, проницательности и исцеления.

А в отношении моего отца Батюшка четко заявил:

- Он находится среди первых! Он пребывает во свете!

О, если бы и нам иметь такую же участь!

СМЕРТЬ МОЕЙ МАТЕРИ И ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК ОТЦА ПОРФИРИЯ

В 70-80-е годы я потерял обоих родителей. Первым 17 ноября 1972 года скончался мой отец, а моя мать умерла 6 января 1985 года. Эти две даты запечатлелись в моей памяти неизгладимо.

Особенно глубоко меня поразила смерть матери, так как это случилось внезапно и я совершенно не был подготовлен к этому. Отец Порфирий, благодатью Божией зная мою чрезмерную чувствительность и особую нежность, которую я питал к матери, всячески поддерживал меня и мою семью в это трудное для нас время.

Батюшка позвонил в дом наших родителей, который находился в деревне, примерно за час до начала отпевания. Он был также очень опечален, но старался духовно меня поддержать.

- Что я вижу! — бодро воскликнул он. — Отец Иоанн вместе с матушкой находятся во свете! Они теперь в раю! И обнимаются, и целуются, и радуются радостью великой! Какая радость у них! Вот если бы и нас Господь сподобил приобщиться этой радости! Чего еще можно желать?!

Когда Батюшка говорил все это, у меня было такое ощущение, что он говорит из потустороннего мира. Голос его звучал столь оглушительно, что я думал, у меня лопнут барабанные перепонки! Поэтому я держал трубку на расстоянии от уха. За все время нашего многолетнего знакомства, когда сотни раз приходилось общаться по телефону, я никогда не слышал, чтобы он разговаривал так громко.

Между тем его молитвы принесли свои плоды. Мое душевное состояние изменилось. И когда началось отпевание, я, который до этого еле дышал, встал у аналоя и начал петь! Такова была сила молитв отца Порфирия!

О, если бы и теперь он так же молился о нас!

"БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА"

1985 год очень плохо начался, а кончился еще хуже! Через несколько месяцев после смерти матери последовала смерть моего брата. Конечно, смерть есть смерть, и боль, которую она вызывает, всегда боль. Но моя мать прожила немало лет, видела не только "сынов своих сыновей", но и правнуков и умерла, дожив до "полноты дней". Брат же мой умер очень рано, оставив молодую жену с двумя маленькими детьми. Вот почему я говорю, что год кончился еще хуже.

Брат мой страдал от болезни сердца и пережил один инфаркт. К тому же его очень потрясла смерть матери, после которой состояние его резко ухудшилось. И хотя мать дожила до весьма преклонных лет, но ведь родители в глазах своих детей не имеют возраста!

Мы с женой решили отправить брата за границу, чтобы там ему сделали операцию на открытом сердце. Решение наше было твердым. Единственное, что нам оставалось, — это определить время и страну, где могли бы сделать операцию, и, конечно же, получить на это согласие отца Порфирия. Как вы уже знаете, без его совета и молитвы мы никогда ничего не начинали.

Мы посетили Батюшку, кажется, в мае 1985 года, рассказали ему обо всем. Он, немного подумав, произнес:

- Операция не потребуется!

Такое решительное заявление Батюшки мы восприняли как весть о будущем исцелении брата по его молитвам. Мы торжествовали! Я стал целовать его руки, голову! Однако я заметил, что отец Порфирий не только не разделял нашей радости, но был очень грустен. Довольно скоро время показало, что его печаль была оправданна.

Через несколько недель, когда мой брат проводил отпуск вместе с семьей в деревне, у него начался отек горла (его укусила пчела), и он мгновенно скончался. Это произошло 18 июля 1985 года.

Таким образом, операция не потребовалась… К сожалению, предсказание Батюшки и на сей раз подтвердилось.

Здесь следует заметить, что обычно мы с братом проводили отпуск в деревне в августе, чтобы побыть с матерью и дать ей возможность "насытиться" нашим обществом. А в тот год брат

впервые уехал в отпуск в июле, так как нашей матери уже не было в живых. Вот так и оказалось, что "беда не приходит одна".

САМЫЙ БОЛЬШОЙ И САМЫЙ ЛУЧШИЙ МОНАСТЫРЬ

Смерть матери заставила меня на несколько дней покинуть Афины, и потому я оказался далеко от отца Порфирия в то время, когда нуждался в нем больше обычного.

По возвращении в Афины первой моей заботой было навестить Батюшку всей семьей. Он нас принял с особой любовью и всячески проявлял свое сочувствие нашему горю.

И хотя отец Порфирий сам был очень опечален, он тем не менее прилагал все усилия для того, чтобы убедить нас в естественности всего случившегося, приводил множество доводов и примеров из жизни. Под конец он произнес свое любимое изречение, что смерть есть не что иное, как дверь, открывающая для нас вечность. Он в это верил и исповедовал это с большим дерзновением!

Когда беседа подошла к концу, моя сестра обратилась к Батюшке с просьбой помочь ей в решении одной очень беспокоившей ее проблемы, которая касалась всей семьи.

Отец Порфирий ответил ей:

- Вы имеете такую мощную скалу, как отец Иоанн, а у меня просите помощи? Знаете ли вы, что там, высоко, где он сейчас находится, он имеет большой и прекрасный монастырь? Его облачения светятся и сияют так, что на них невозможно смотреть! Дерзновение же его у Бога очень велико! Я вам говорю, что у него самый большой и самый лучший монастырь!

Услышав, что Батюшка дважды повторил эту фразу, я улыбнулся. Батюшка спросил, почему я улыбаюсь.

- Потому что не могу помыслить о том, что и там есть различие. Еще менее я могу представить себе, чтобы там были монастыри или кущи!

- Почему? Разве ты не слышал, что "в селениих праведных учинит"[31]? Почему же ты тогда сомневаешься в том, что я тебе говорю? Разве я говорил когда-нибудь неправду? Все, что я вам говорю, — истина. В самом деле, у вашего отца там есть самый большой и самый лучший монастырь! И он вас всех любит, очень

любит! И хочет вас видеть рядом с собой. Но не берет вас к себе, так как у вас еще здесь есть обязанности.

Услышав это, моя сестра, со свойственной ей непосредственностью, обратившись к Батюшке, воскликнула:

- Передайте отцу, чтобы он там сидел, где он есть, а нас пусть оставит здесь, где мы есть! Нам не нужна такая любовь! Пусть лучше не любит! Нам и здесь хорошо.

Батюшка разразился безудержным смехом, он смеялся до слез.

- Ты меня так рассмешила, — сказал он, — что у меня разболелась грыжа. Господь тебя да благословит!

ПОКЛОНЫ И ТРЕНИРОВКА МЫШЦ ЖИВОТА

Отец Порфирий всегда сопровождал свои молитвы многочисленными поклонами. Это он делал с детства. Конечно, в юности он мог класть гораздо больше поклонов, чем в старости. К сожалению, у него, как и у всех нас, с возрастом появилось множество болезней, по причине которых он не мог дать людям столько, сколько хотел.

От своих духовных чад Батюшка требовал, чтобы во время молитвы они клали как можно больше поклонов. Поскольку благодатью Божией ему было открыто, что я не могу выполнять его пожелание, он не говорил со мной на эту тему. В силу своего природного благородства он не хотел напрямик спрашивать меня, кладу ли я поклоны. Я был тогда очень молод, и он начинал подобные разговоры издалека, не касаясь темы молитвы, а просто рассуждая о гимнастике и ее благотворном воздействии на человеческий организм. Он научно обосновывал каждый вид упражнений и объяснял, каким образом и какие части тела задействованы в том или ином упражнении.

Как-то, когда речь зашла о мышцах живота, он спросил меня, знаю ли я, как можно их укрепить.

Я, конечно, заявил, что ничего такого не знаю.

- Ты должен это знать, поскольку ты ученый, — сказал отец Порфирий. — Но так как ты этого не знаешь, я тебе об этом расскажу. Для начала ответь мне: ты кладешь поклоны?

- Батюшка, ведь вы же знаете, что я этого не делаю, зачем же вы меня спрашиваете?

- Я тебя спрашиваю, во-первых, для того, чтобы ты сам это подтвердил, а во-вторых, чтобы тебе сказать о том, что самой лучшей гимнастикой для мышц живота являются поклоны! Не смейся, это так. Когда кладешь поклоны, получаешь двойную пользу: они приносят пользу и душе, и телу. Главное — не класть поклоны только ради тренировки тела.

Польза от них для души заключается в том, что таким образом душа просит прощения у Бога, тогда как тело наилучшим образом тренируется и укрепляются мышцы живота, хотя об этом многие не знают. Разумеется, я этого не говорю никому, кроме тебя, ты меня понимаешь, и не хочу, чтобы ты рассказывал об этом другим. Тебе я, однако, советую по мере возможности класть поклоны. Сначала клади понемногу каждый день, потом слегка прибавляй, пока не почувствуешь предел. Сам организм подскажет тебе, сколько он может выдержать, и соответственно с этим определи для себя количество поклонов. Оно может меняться в зависимости от множества обстоятельств: от душевного расположения, усталости и, наконец, от состояния здоровья. Но важно одно: необходимо класть поклоны с чувством глубокого покаяния, сожаления о содеянных нами грехах. Нужно от всей души просить Господа, чтобы Он нас простил.

Кроме того, с каждым поклоном не забывай произносить: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Сочетание того и другого — самое лучшее, что может быть. И Господь нас не только услышит, но и простит, если мы будем просить у Него не одними лишь устами, но из глубины нашей души. И независимо от того, находится ли эта душа вместе с Христом или же она грешит и находится в сетях сатаны, Господь простит, потому что все мы прекрасно знаем, что Иисус распялся не за верующих и безгрешных, но за неверных и грешников[32].

Можно только восхищаться мудростью Батюшки: как тонко он воздействовал на нас! Он мог бы своей властью приказать класть поклоны в качестве обязательного правила любому из своих духовных чад или кому угодно, не беспокоясь о том, какое действие, а вернее, противодействие это могло бы вызвать.

Но отец Порфирий никогда ничего подобного не делал. Он очень деликатно побуждал человека подражать ему. Этим и объясняется, как Батюшке удавалось спасать множество погибающих душ. Он всегда убеждал, но никогда не приказывал.

Такие выражения, как "я решил" или "я приказываю", никогда не слетали с уст Батюшки.

Будем же ему подражать! Аминь!

ПОДАРОК В ДЕНЬ МОЕГО АНГЕЛА

Отец Порфирий очень меня любил. И любовь эту он доказывал на деле. Он не ограничивался только молитвами, молебнами и канонами, которые совершал за меня и в которых я так нуждался, но каждый раз старался мне подарить что-то такое, что напоминало бы о нем. И это "что-то" всегда было связано с ним самим.

Однажды, 1 июля 1960 года, когда мы вместе с ним праздновали день моего Ангела — день памяти святых бессребреников, Батюшка приготовил для меня сюрприз! Он своими руками написал для меня прекрасную и довольно большую икону святых бессребреников Космы и Дамиана. Этот образ уже за несколько месяцев до праздника Батюшка поставил для освящения в алтаре храма Святого Герасима.

И вот 1 июля, когда закончилась литургия, Батюшка вышел через южные двери и подозвал меня. Я вошел в алтарь, а Батюшка взял с престола сей дивный образ и, благословив меня им, сказал:

- Эту икону я написал для тебя сам. Я тебе ее дарю в день твоего Ангела и желаю тебе многая и благоденственная лета. Святые бессребреники, имя которых ты носишь[33], суть исцелители всех недугов, и я желаю, чтобы они тебя хранили и даровали тебе доброе здравие. Всегда призывай их в молитвах, и они поспешат к тебе на помощь.

Затем он меня отечески поцеловал, еще раз благословил и подарил святую икону. Я его от всей души поблагодарил, поклонился, поцеловал его руку и дрожащими от волнения губами произнес:

- Это прекраснейший и ценнейший дар из всех, какие я когда-либо получал в моей жизни. Я буду его беречь как зеницу ока всю мою жизнь. Он будет всегда со мной, до самой смерти. Если бы вы мне подарили весь мир, то не доставили бы мне столько радости, сколько доставил сей святой образ!

Преисполненный чувства гордости, волнения и счастья, духовно удовлетворенный, я вышел из храма Святого Герасима и направился домой, крепко держа в руках этот драгоценный дар, как бы опасаясь, чтобы у меня его не отняли.

Когда я пришел домой и показал икону, мои близкие тотчас поспешили приложиться к ней. Это было настоящее паломничество!

С того самого дня я никогда не расставался с батюшкиной иконой и впредь не расстанусь. Женившись, я взял ее с собой, и с тех пор она украшает мой иконостас. И, как обещал отец Порфирий, когда бы я ни попросил помощи святых бессребреников, я неизменно ее получал.

Благодеяния, оказанные мне святыми бессребрениками и святителем Василием, были так велики, что в знак моей к ним величайшей благодарности я построил в своей деревне часовенку в честь святых бессребреников рядом с церковью Святителя Нектария, построенной когда-то приснопамятным моим отцом.

Внутри этой часовни я поставил большую икону трех моих покровителей и сделал надпись на мраморной плите у входа:

ЧАСОВНЯ
СВЯТЫХ БЕССРЕБРЕНИКОВ
И СВЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ
1.01.1972

КРЕСТ С ЧЕСТНЫМ И ЖИВОТВОРЯЩИМ ДРЕВОМ

Милостью Божией я сподобился жить рядом с отцом Порфирием в течение многих лет. Я столько услышал, узнал и пережил вместе с ним, что сейчас мне очень трудно, почти невозможно рассказать обо всем в какой-то четкой хронологической последовательности.

Поэтому вполне вероятно, что, говоря о времени, когда происходили те или иные события, я в некоторых случаях могу ошибаться. Конечно, я не преследую этим какую-то определенную цель, но, наоборот, всячески напрягаю свою память, чтобы вспомнить не только годы, но и дни и часы описанных событий. И у меня такое чувство, что до сих пор мне это удавалось. По крайней мере, приблизительно.

В дальнейшем я намерен вести свой рассказ в том же духе. Уверен, что в этом мне поможет и сам Батюшка, который, я думаю, не только одобряет, но и поддерживает меня в попытке осветить его личность, что я и совершаю во славу Отца и Сына и Святаго Духа, то есть во славу Пресвятой Троицы, Которой приснопамятный Старец с такой верой, любовью, самоотвержением и страхом Божиим служил начиная с двенадцати лет и до самой своей блаженной кончины.

Если же читатель отыщет в моем рассказе какую-либо нелогичность, прошу приписать ее мне, многогрешному, но никак не нашему Батюшке.

В конце концов, я полагаю, не так уж важно знать, когда произошло то или иное событие, важно то, как оно произошло, с кем и при каких обстоятельствах.

Примером может послужить евангельское повествование, ибо если внимательно читать Святое Евангелие, то легко можно убедиться в том, что евангелисты, как правило, не указывают точной даты, когда совершилось чудо, или когда Христос вел ту или иную беседу, или же когда произошло какое-то событие, имевшее место в земной жизни Богочеловека. Лишь изредка они приводят день и час некоторых

весьма важных событий, скажем, таких, как страдания Господа на Кресте и Его Воскресение.

Итак, если даже евангелисты не стали излагать евангельские события в хронологическом порядке, я тем более не берусь за точное изложение событий в какой-то временной последовательности.

Ибо мог ли я когда-либо подумать, что Господь сподобит меня приступить к такой работе, как описание жизни и деяний старца Порфирия — святого человека?!

Вдобавок ко всему сам Батюшка невольно оказался виновником того, что многое ушло из моей памяти. Он знал, как я его люблю. Всякий раз, когда он заболевал, я боялся, как бы он не умер, и невольно думал, что я буду без него делать, ведь нет у меня без Батюшки ни сил, ни мужества… Зная это, отец Порфирий прибегал к невинной лжи и нередко говорил мне:

- Не бойся, я скоро не умру, я проживу сто тридцать лет!

И вопреки всему я верил в это, потому что это меня… устраивало. Таким образом я спасался от постоянного чувства неуверенности в себе и в своих силах. Да, к сожалению, меня успокаивала эта невинная ложь Батюшки, которую он говорил для того, чтобы меня поддержать, но говорил он об этом весьма сдержанно.

Я делал подсчеты и на их основании полагал, что он проживет еще полвека и моя смерть наступит раньше. Следовательно, думал я, нет смысла делать какие-либо записи и вести дневник. Поэтому многого я не запомнил, а то, о чем забыл, теперь напоминает мне сам Батюшка, и даже со многими подробностями, которые порой приводят меня в изумление. И я ничуть не преувеличиваю, все именно так!

Решив написать об отце Порфирии, сначала я почти ничего не мог восстановить в памяти. Казалось, у меня настоящая амнезия. Но это меня не остановило. Понемногу я начал вспоминать и записывать. И как только занялся этой работой, все события постепенно выстроились в некий временной ряд. Этот факт я счел за одобрение и помощь моего духовного отца, старца Порфирия. Да и как иначе я мог это объяснить? В моменты, когда я был не в силах припомнить даже самые важные вещи и приходил в отчаяние, вдруг в моей памяти воскресали те или иные его высказывания, примеры из жизни, те или иные факты и, главное, — пророчества и чудеса. Я заново переживал их с такой

силой, словно жив был отец Порфирий и все это он только что сам мне рассказал.

Материала было достаточно, чтобы продолжить начатую работу. Итак, надеюсь, с помощью Батюшки и благодати Святаго Духа, Которого я часто призываю, мне удастся описать хотя бы некоторые из тех событий, свидетелем которых я был, и осветить образ святого нашей Церкви — старца Порфирия.

Сам того не желая, я, быть может, несколько увлекся. Это неудивительно, поскольку я рассказываю о жизни не простого мирянина, а блаженного старца Порфирия. Полагаю, что любой человек, которому довелось хотя бы недолго, пусть несколько часов, побывать в обществе Старца, сочтет мои воспоминания недостаточными. И конечно же, такой человек будет прав, потому что обрисовать личность отца Порфирия во всей полноте невозможно. Для полного изложения всех фактов его жизни и деятельности потребовались бы сотни страниц, тонны бумаги и чернил.

Вероятно, когда-нибудь это и осуществится, если, к примеру, все его бесчисленные духовные чада пожелают сложить воедино свой опыт общения с Батюшкой и описать его, с тем чтобы, во-первых, почтить память своего духовного отца, который так много сделал для них, молясь и сострадая вместе с ними, поддерживая каждого в критические минуты жизни, и, во-вторых, чтобы их опыт стал достоянием всех верующих, чтобы все знали, каким был Батюшка, что делал, как поступал, что проповедовал и, наконец, что требовал от своих духовных чад.

Только тогда, когда все эти материалы будут опубликованы, все мы, как и каждый в отдельности, сможем отдать Батюшке должное. Ибо он, в свою очередь, никогда не обращал внимания на критическое состояние своего здоровья и, несмотря на строгие запреты врачей, отдавал нам всю свою жизнь, ведя нас ко Христу, Которому был так верен и Которого так возлюбил!

Только тогда мы сможем ему доказать, что труд его не напрасен, что семя, посеянное им, укоренилось, возросло и принесло плоды. Увидев это оттуда, с небес, возрадуется душа его!..

Однако вернемся к нашему повествованию. Событие, о котором я хочу рассказать, произошло тридцать лет назад. Отец Порфирий, вернувшись из поездки на Святую Гору и по святым местам

Палестины, пожелал мне показать что-то весьма ценное, что он привез с собой. Для этого Батюшка пригласил меня в алтарь церкви Святого Герасима и, проверив, не видит ли нас кто другой, вынул из глубокого кармана большой сверток, перекрестился и три раза его поцеловал. Потом, обратившись ко мне, спросил, знаю ли я, что в этом свертке. Я ответил, что, разумеется, не знаю. Он с большим благоговением вновь перекрестился и развернул сверток.

Вдруг все наполнилось благоуханием. Это был такой аромат, которого я никогда раньше не ощущал. Когда Батюшка разворачивал сверток, я сразу заметил, что в нем был деревянный резной, очень красивый крест длиной с большую мужскую ладонь и шириной в два-три сантиметра. Такого красивого креста я никогда не видел. Как произведение искусства он был бесценен. Я молчал, пораженный.

Отец Порфирий взял крест в руки и трижды им себя перекрестил, приложился к нему истово и благоговейно, а потом начал долго меня им крестить, в то время как уста его шептали молитвы.

Когда он закончил, то дал мне поцеловать и рассмотреть крест. Я долго и внимательно его рассматривал и восхищался тонкой работой и мудростью мастера, который его сотворил. Я также пытался понять, откуда идет такой удивительный аромат. Но мне не удалось это выяснить, так как Батюшка поспешил вывести меня из состояния праздного любопытства.

- Что ты смотришь? Знаешь ли ты, что держишь в руках?

- Нет.

- Что бы я тебе ни сказал, этого будет недостаточно. Ты держишь Древо Жизни! Держишь Честной Животворящий Крест! Древо, к которому прикасалось тело Самого Бога! Древо, политое кровью нашего Христа! Древо, воскрешающее мертвых и заставляющее бежать легионы демонов! Вот почему оно издает такой аромат. Ты столько времени и так внимательно рассматриваешь и оцениваешь его внешние достоинства и не замечаешь главного. Здесь же важна суть, а не внешний вид. Как тебе пришло в голову, что я тебя позвал сюда просто для праздного разглядывания сей святыни? И если бы дело было в этом, зачем мне принимать меры предосторожности, чтобы его никто не увидел? Дело в том, что очень мало счастливцев, державших в своих руках то, что держишь теперь ты. Но самый счастливый из

всех вас я, грешный. Не могу поверить, что Господь послал мне этот чудесный дар. Буди благословенно имя Его!

Теперь же, чтобы ты уверился в силе и Божественной благодати Честного Древа, я попрошу тебя сделать в точности то, что я тебе сейчас скажу. Ты будешь крепко держать Крест, затем положишь его в рот. Потом накроешь его двумя руками и крепко прижмешь к губам так, чтобы не проникал воздух. Затем ты постараешься вдохнуть как можно глубже, задержишь дыхание как можно дольше и, после того как выдохнешь, скажешь мне, что ты почувствовал. То есть ты повторишь все то, что сначала сделаю я.

И в самом деле, он показал мне, что от меня требовалось. В тот момент, когда Батюшка глубоко вдохнул, я увидел, что он совершенно изменился. Лицо его сияло! Полузакрытые глаза сверкали. Ум его, должно быть, витал где-то далеко, да и сам он, как я полагаю, был в другом мире! Я же, маловерный, как всегда, не хотел верить собственным глазам. "Вероятно, это плод моего воображения", — подумал я.

И вот наконец Батюшка, помолодевший и радостный, дал мне Крест с Честным Древом и сказал, чтобы я в точности повторил все за ним. И я действительно повторил все так, как он мне показал. Когда я закончил, он спросил:

- Что ты почувствовал?

- Ничего, — ответил я.

Это была правда. Разве я мог сказать ему неправду? Кроме того, как я уже говорил, даже если бы я захотел его обмануть, я не смог бы этого сделать, потому что Батюшка по благодати Божией знал, когда ему говорят правду, а когда лгут. Следовательно, если бы я попытался соврать, то упал бы в его глазах и Батюшка утратил бы доверие ко мне. Итак, я вынужден был сказать ему правду.

- Давай, дитя мое, повтори то же самое, — попросил Батюшка.

И я покорился. Но опять ничего не почувствовал. Затем я повторял "опыт" еще и еще раз, даже с закрытыми глазами, — и все безрезультатно.

Я был крайне огорчен. Отец Порфирий понял это и пытался сгладить мое огорчение. Однако, что бы он ни говорил, что бы ни делал, я все равно ничего не чувствовал. Этого и следовало ожидать. В тот момент я ощутил всю свою греховность, все недостатки и всю

нищету моей христианской жизни, оказавшись лицом к лицу с моим духовным отцом.

Все происходящее вызывало у меня стыд и страх. Стыд потому, что я упал в глазах Батюшки, так как при нем обнаружилось мое недостоинство называться его духовным чадом. Страх же я испытывал потому, что убедился, на какой ступени святости находится отец Порфирий и как далек от него я.

Нас с ним разделяла такая пропасть, что мне не суждено, видимо, никогда перекинуть через нее мост. Я говорю "никогда", потому что именно в тот момент явилась возможность сопоставить нас, двух столь противоположных, столь непохожих друг на друга людей.

На одном краю пропасти находился отец Порфирий, то есть святой, с его глубочайшим смиренномудрием, незлобием, любовью к ближним и верою во Христа!

А на другом был я, молодой человек, каким я был тогда, обремененный непомерным эгоизмом, надменный и развращенный, не имеющий должного уважения к Богу, к тому же маловер, что уж никак не подобало сыну священника.

Итак, когда в ту минуту я сопоставил нас, двух столь разных людей, я испытал такое потрясение, что с трудом мог удержаться на ногах.

Батюшка же, который всегда проявлял понимание и доброту и находил решение там, где, казалось, его не могло быть, как только заметил мое отчаяние, сразу поспешил ко мне на помощь. Он погладил меня по голове и сказал:

- Не расстраивайся, чадо мое. Ты такой же легкоранимый и чувствительный, как твой отец. У тебя хорошая душа. То, что тебе не удалось здесь, удастся дома. Вот, сейчас я сделаю для тебя нечто такое, чего ни для кого другого никогда бы не сделал. Я дам тебе Крест с Честным Древом. Ты возьмешь его домой и будешь держать у себя, сколько захочешь. Постепенно тебе удастся сделать то, что не удалось теперь. Только прошу тебя, будь осторожен, не потеряй его, ибо это то, что не продается и не покупается! Того, чего стоит этот Крест, не стоит весь мир! Но чтобы ты знал, как я тебя люблю, я тебе его даю. И я уверен, что уже сегодня вечером ты почувствуешь то, что чувствую я, и воспримешь его благодать.

Я не верил ушам своим! Чтобы я взял Крест к себе домой? И чтобы я держал его, сколько захочу?! Матерь Божия, что я слышу? Я стоял в растерянности. Когда же пришел в себя, схватил батюшкины руки и покрыл их поцелуями. Я еще много раз горячо благодарил его, целовал его руки и его самого, наконец попросил благословения и бегом побежал домой.

Если бы меня спросили, что я чувствовал по дороге домой, я бы не в силах был ответить. Думаю, что и никто другой, находясь на моем месте, не смог бы описать свои чувства. Я в этом уверен. Переживания были слишком сильны, а чувства — в полном смятении.

С одной стороны, я парил в небесах, потому что держал в своих грешных руках Древо Жизни! Весь мир! Самого Бога, как точно сказал отец Порфирий. И мог оставить эту святыню у себя не на несколько минут, но на много дней!

С другой стороны, меня охватывал неописуемый страх, как только я представлял, что этот драгоценный Божий дар может каким-либо образом оказаться в чужих руках. Как я тогда оправдаюсь перед Батюшкой? К тому же он наказывал мне хранить его как зеницу ока, ибо это нечто такое, что не продается и не покупается.

Обуреваемый подобными мыслями и чувствами, я дошел до дома, крепко держа сверток с бесценным сокровищем. Я сразу же прошел в свою комнату и заперся там. Затем поставил Крест на ровную поверхность стола. Встал на колени и начал горячо молиться. Молился я довольно долго, и единственное, о чем я просил Господа, — чтобы Он дал мне почувствовать то, что ощущал Батюшка, когда вдыхал в себя Честное Древо.

Закончив молитву, я был уверен, что просьба моя услышана. В этом мне, конечно же, помогла и батюшкина молитва, и его обещание: "Дома ты добьешься того, что здесь тебе не удалось!".

Итак, веря в действенность своих и батюшкиных молитв и в его предвидение, я перекрестился и приступил к "опыту". И чудо произошло! С первым же вдохом я ощутил, как в мою гортань влилось животворное дыхание, которое, охватив мои легкие, далее распространилось по всему телу. Я внезапно почувствовал такой прилив сил и здоровья, какого раньше никогда не ощущал. Это было нечто сверхъестественное, нечто такое, что, признаюсь, у меня нет слов описать.

Преисполненный радости, волнения и страха Божия, еще более укрепленный в своей вере, я продолжал делать "опыты". И что удивительно, с каждым разом благодать Божия ощущалась все сильней. В конце концов я так и заснул с Крестом в руках.

На следующее утро, едва проснувшись, я отправился к отцу Порфирию. Увидев меня, он сказал:

- Видишь теперь, что ты напрасно расстраивался? Разве я тебе не говорил, что то, что тебе не удалось здесь, удастся дома? Ты почувствовал…

И он стал описывать мне именно то состояние, которое я пережил, и посоветовал мне повторять "опыт" ежедневно.

С тех пор Крест сопровождал меня повсюду. Исходящая от него благодать помогала мне на экзаменах, которые я в то время держал в институте, во всех моих делах и начинаниях, охраняя меня к тому же от множества опасностей.

Каждый раз, когда Батюшка просил, чтобы я вернул ему Крест, я находил какие-то доводы, чтобы его задержать. И он, зная о том, как я нуждался в благодати святого Креста, все время давал мне отсрочку…

Так шли дни, недели, месяцы. И как знать, если бы я проявил бóльшую настойчивость, Крест, может, и теперь находился бы в моих руках… Но как только он от меня ушел, я вновь обессилел, став немощным, как обезоруженный воин.

ПРИМЕР ПОСЛУШАНИЯ

Старец Порфирий был украшен многими духовными дарами. Одним из этих даров было послушание. Однажды, чтобы напрямую не начинать разговора о ценности послушания, Батюшка рассказал мне следующее:

"Когда я был еще молодым монахом, примерно в твоем возрасте, я узнал, что в одной келье живет некий старец. Кто бы из послушников ни приходил к нему, чтобы ему послужить, никто не выдерживал его капризного характера и через два-три дня уходил. И так продолжалось долго. В конце концов случилось так, что никто из братии не выразил желания его посещать. Тогда я решил к нему пойти. Я рассказал об этом решении другим монахам, и они попытались меня отговорить.

- Не дерзай, — говорили они мне, — потому что ты не выдержишь, разочаруешься. Ты еще слишком молод и тебе не следует начинать монашескую жизнь с такого негативного опыта. Уже столько монахов, известных своим терпением и добротой, перебывали у него, но и они не выдержали. А ты думаешь, тебе удастся ужиться с этим привередой? И не пытайся. Ты только подвергнешь себя мучениям и ничего не добьешься.

Однако напрасно они старались меня разубедить. Я им сказал:

- Я пойду к нему и пусть разочаруюсь.

И, не теряя времени, я направился к старцу и постучал в дверь. Он пригласил войти. Я поздоровался с ним и поклонился, прося святых молитв.

- Что тебе здесь нужно?

- Да вот, узнал я, что вы тут один, к тому же болеете. Вот я и пришел послужить вам.

- Отправляйся туда, откуда пришел. Уходи давай, быстро!

Проговорив это, он указал мне на окно, то есть чтобы я вышел через окно, а не через дверь. И я, как всегда, проявляя крайнее послушание, выпрыгнул в окно".

Вот что значит послушание!

Батюшка часто обращался к теме послушания, считая его долгом и обязанностью каждого своего духовного чада.

Желая показать то огромное значение, которое для него самого имело послушание, вот что он написал в своем последнем письме-завещании, оставленном своим духовным чадам: "…я тайно убежал из дома, отправился на Святую Гору в скит Кавсокаливия и стал там послушником у двух родных братьев-старцев, Пантелеимона и Иоанникия. Мне посчастливилось, так как они были весьма благочестивы и добродетельны. Я их очень полюбил и потому, по их молитвам, оказывал им крайнее послушание. Это мне очень помогло: я почувствовал великую любовь к Богу и жилось мне очень хорошо".

УМЕРШАЯ ДОЧЬ СВЯЩЕННИКА

В небольшом городке более тридцати лет служил священник — отец Дионисий. Это был чрезвычайно умный человек, отличавшийся безграничной добротой, и ему легко удавалось дружить со всеми.

С отцом моим их связывала тесная дружба, соединенная с искренним и взаимным уважением. Этой дружбе немало содействовало то, что оба они были служителями Всевышнего. Кроме того, обе деревни, где они служили, находились неподалеку друг от друга и составляли одну общину. Естественно, что священники виделись почти ежедневно и могли обсуждать сообща проблемы своей паствы и вместе принимать решения.

Была и еще одна причина, побуждавшая их часто встречаться. И это было не что иное, как горячее желание отца Дионисия узнать от отца Иоанна о жизни и чудесах старца Порфирия.

Приснопамятный отец мой, как правило, получал кое-какие сведения от меня, и этого было достаточно, чтобы у двух священников ежедневно была тема для беседы.

Словом, отец Дионисий все знал про Батюшку, хотя никогда его не видел. Спустя некоторое время он наконец попросил моего отца познакомить его с Батюшкой. Отец обещал это сделать и при первой же возможности, когда Старец посетил нашу деревню, представил ему отца Дионисия. Последний, находясь под большим впечатлением от встречи со Старцем, пригласил его домой.

Они беседовали много и на разные темы, и их взаимный интерес возрастал во время разговора. Отец Дионисий полностью верил словам Батюшки, но, будучи весьма рассудительным священником, не захотел довольствоваться одними лишь словами. Ему нужны были "вещественные доказательства", чтобы проверить батюшкины способности. Он решил испытать действие в нем Божественной благодати. И результат был удивителен!

Отец Дионисий показал старцу Порфирию одну семейную фотографию, на которой были изображены он сам, его матушка и все их дети. Затем он попросил Батюшку сказать ему что-нибудь о каждом. Батюшка, который обычно избегал рассматривать фотографии, чтобы

не быть понятым превратно (по мнению некоторых прельщенных, можно многое узнать по фотографии), взял этот снимок в руки, внимательно посмотрел на него и через некоторое время стал говорить о каждом, кто был изображен на нем. Начал с отца Дионисия, потом рассказал о матушке, о двух девочках, сидящих рядом с родителями, потом дошел до сына, с которым мы вместе учились и были друзьями. Теперь их сын Николай — священник в одном небольшом городке Греции.

- Этот твой сын далеко от тебя, — сказал отец Порфирий, — но ты не беспокойся, с ним все в порядке.

Недоверчивый иерей ожидал еще более точных сведений и потому спросил:

- Очень ли далеко мой сын, Батюшка?

- Да. Очень далеко. Где-то за границей.

И действительно, сын отца Дионисия учился в то время за границей, в Италии, на инженера.

Но главная цель, с которой отец Дионисий показал фотографию Батюшке, была несколько иная. Поэтому все, о чем говорилось до сих пор, было для него безразлично или почти безразлично.

На душе у отца Дионисия была одна мысль, и если бы старец Порфирий не открыл ему того, что он более всего жаждал услышать, то он начал бы сомневаться в прозорливости Старца.

Итак, священника более всего интересовало одно лицо — его третья дочь, которая тоже была на фотографии и о которой Батюшка еще ничего не сказал. Именно о ней он жаждал услышать от Батюшки и втайне надеялся, что Старец ошибется.

Но *дивен Бог во святых своих*[34]! Отец Порфирий не только не ошибся, но ответ его поразил маловерного священника, словно гром небесный.

Все еще держа в руках фотографию, Старец очень внимательно рассматривал лицо девушки, а в это время отец Дионисий повторял:

- Об этой, об этой моей дочери хочу, чтобы ты мне сказал.

Приснопамятный Батюшка некоторое время молчал, затем, глубоко вздохнув, с печалью произнес:

- К сожалению, так должно было случиться! Ее Господь призвал к себе.

Отец Дионисий со слезами на глазах обнял Батюшку и все спрашивал:

- Так должно было случиться? Так должно было случиться, Батюшка?

- Да. Так должно…

Действительно, дочь священника умерла много лет назад. Ее унесла неизлечимая болезнь — рак. Она очень страдала. Так страдала, что сами родители просили Бога упокоить ее…

Вот и опять Божия благодать, почивавшая на Старце, восторжествовала над неверием, в чем и убедился искавший доказательств отец Дионисий.

ИДЕЖЕ ХОЩЕТ БОГ

Тридцать шесть лет назад с одной маленькой и красивой девочкой случилось ужасное несчастье, которое взволновало всю нашу деревню, а особенно нашу семью, так как нас связывали с ней родственные узы.

Она попала в автомобильную катастрофу, в результате которой у нее была травмирована нижняя часть живота и пострадали женские органы. Потеряв много крови, девочка была без сознания, и все уже считали ее умершей. Находившиеся при ней родители и родственники были в панике и могли только взывать к небу о помощи. Более хладнокровные отвезли девочку в ближайшую больницу в городке Ливадия.

Врачи, убедившись в том, что девочка в критическом состоянии, не стали ее госпитализировать, а, оказав первую помощь, на санитарной машине отправили в афинскую больницу. Там немедленно приступили к операции, которая продолжалась несколько часов. В течение этого времени больная находилась между жизнью и смертью.

О случившемся в тот же день сообщили отцу Порфирию, и он подтвердил серьезность ситуации.

- Однако, — сказал Батюшка, — будем молиться, и Господь нам поможет: в конце концов девочка выздоровеет.

По мнению врачей, оперировавших ребенка, ее могло спасти только чудо.

На следующий день я встретил Батюшку в церкви и сообщил ему о благополучном исходе операции. Выслушав это, он добавил:

- У нее поднимется высокая температура, и ей понадобится повторная операция. Только не говори ее родителям, чтобы их не волновать. А я буду молиться, и все будет по молитвам нашим.

Так и случилось! На следующий день, возвращаясь из университета, я снова собирался зайти к Батюшке. Неожиданно на противоположной стороне улицы я увидел отца девочки. Глаза его были прикованы к храму Святого Герасима. Я подошел к нему очень близко и стал ждать, когда он меня заметит. Лицо этого человека было печально, и выглядел он столь несчастным, что сердце мое сжалось. Я заговорил, и он вздрогнул, как бы придя в себя.

Я спросил о здоровье его маленькой дочери, и он с горечью сообщил, что у нее высокая температура, которая очень беспокоит лечащих врачей. Я сразу же поспешил сказать, что все это предвидел Батюшка и что в конце концов все будет хорошо. Он успокоился, и мы оба направились к церкви Святого Герасима.

К сожалению, Батюшки там не оказалось. Случилось так, что хозяева одного большого земельного участка пригласили его для того, чтобы он нашел на участке место, где есть вода, с тем чтобы начать бурить скважину. Об этом на следующий день сообщил мне сам Батюшка, когда мы встретились.

Я долго говорил с отцом Порфирием о несчастной девочке и просил его поподробнее рассказать о ее здоровье, а также о тех неизбежных осложнениях, которые ее ожидают. Ответ Батюшки был категоричен:

- Я тебе сказал, чтобы ты не беспокоился. То же передай ее родителям. Я постоянно молюсь о ней, и все будет хорошо. Не слушайте, что вам говорят. Опасность миновала! Господь возложил Свою святую Десницу. Через некоторое время все забудется, и девочка совершенно поправится. Она выздоровеет, выйдет замуж, и у нее будет двое детей! Обо всем этом расскажи ее отцу.

После таких утешительных слов я пошел на занятия очень радостным. Время в точности оправдало пророчество Батюшки.

Девочка поправилась, выросла, вышла замуж и родила двоих детей, как и предсказывал отец Порфирий! А дети ее — девочка и мальчик — поступили в политехнический институт и, по молитвам Батюшки, стали выдающимися учеными. В особенности дочь — она первая поступила в институт и оказалась самой успешной абитуриенткой: на следующий день после вступительных экзаменов ее фотография украшала первые страницы газет!

"Идеже бо хощет Бог, побеждается естества чин", то есть если того хочет Бог, Он изменяет естественный ход событий. Так говорил Батюшка.

"ЛИБО СВЯТОЙ, ЛИБО ПРОРОК!"

Глава эта имеет отношение к предыдущей, так как здесь мы упомянем об отце той девочки, с которой произошел несчастный случай, описанный выше. Это был прекрасный семьянин, серьезный человек, работяга и крупный землевладелец. Несчастье, постигшее его дочь, стало для него большим жизненным испытанием. Впоследствии Батюшка всякий раз при встрече справлялся об этом человеке и его семье. То же было и со стороны отца девочки.

Он знал, что отец Порфирий наряду со множеством талантов, дарованных ему от Господа, имел дар узнавать, где находятся подземные воды. Когда Батюшка посетил нашу деревню, он воспользовался случаем, чтобы поводить его по всем своим земельным участкам и узнать его мнение, где лучше бурить скважины, так как намеревался устроить систему орошения своих безводных земель.

Проезжая на машине с хозяином земли по его владениям, Батюшка сообщал ему, сколько воды имеется внизу, какого она качества, на какой глубине находится и в каком направлении течет. Все это впоследствии подтвердилось.

Отец Порфирий указал на три подземных источника: один спускался к нашей деревне, второй бил сильным ключом в курортном городке Лутраки, а третий вытекал в местечке Агиа Марина.

Во время этой поездки их сопровождал родственник землевладельца по имени Христос[35]. Последний земельный участок находился на месте, называемом Хилиаду, — это древнее название города, который когда-то здесь был и от которого сохранилось множество древних построек. А место названо так потому, что когда-то в городе было тысяча два дома.

Здесь случилась небольшая неприятность, причиной которой оказался Христос. Это был исключительно добрый и хороший человек, к тому же мой близкий родственник, и я его очень любил. Так что же произошло?

В то время как Батюшка с отцом девочки отошли метров на сто — сто пятьдесят от Христоса, этот молодой человек начал рассказывать

своему приятелю анекдоты про священников, конечно же, негромко. Оба, уверенные, что их не слышат, смеялись.

Батюшка их и в самом деле не слышал. Однако они не знали, что Батюшка не имеет никакого отношения к такого рода священникам, о которых ходили анекдоты, — это с одной стороны, а с другой — божественные "антенны", которыми располагал Старец, делали свое дело.

Итак, отец Порфирий знал все, о чем думал и что говорил Христос, и очень расстроился. Так расстроился, что был не в состоянии продолжать поиски. Обернувшись к хозяину с таким выражением лица, которое не допускало никаких возражений, он сказал:

- Если этот (то есть Христос) не уйдет, я не стану продолжать поиски!

- Но почему? Что он вам сделал?

- Он знает. Или ты его выгонишь, или уйду я.

Хозяин, сразу же покорившись воле Батюшки, попросил Христоса уйти. Предварительно он поинтересовался, о чем думал и что говорил Христос о Батюшке. И тот ему рассказал. После такого признания все стало ясно. Ни у кого не оставалось сомнения, что отец Порфирий обладает от Бога сверхъестественным даром прозорливости. В этом убедились все, и время показало, что они были абсолютно правы.

После того как инцидент был исчерпан, Батюшка отправился на соседний земельный участок, принадлежавший некоему Василию. Когда-то человек этот был очень тихим и покладистым. Стремясь извлечь пользу из своего участка, он тратил большие деньги на бурение скважин, следуя указаниям специалистов, но все безуспешно.

Результатом такого рода бесплодной деятельности стало то, что человек начал постепенно спиваться, находя в вине выход из безвыходного положения. Можно понять его отчаяние от безуспешных поисков воды, но, увы, путь, который он избрал для противостояния этой ситуации, самым пагубным образом сказался не только на нем самом, но и на его семье.

В тот момент, когда отец Порфирий подошел к нему, он был пьян. Батюшка спокойно поздоровался с ним, поговорил немного и направился к колодцу. Заглянув в него, спросил:

- На какую глубину ты его выкопал?

- Сто с чем-то метров.

- Если ты и еще столько же выкопаешь, ничего не найдешь. Здесь есть родник чуть правее, в пяти-шести метрах, но и там воды очень мало. Через некоторое время она уйдет в другом направлении. На своем участке ты воду не найдешь.

- Откуда ты знаешь? Ты ведь поп, а не водовоз! Я столько денег отдал специалистам-геологам, и они сказали, что я найду много воды!

- Я не знаю, что тебе сказали геологи. Я же вижу, что на твоем участке нет воды. И если у тебя есть деньги, которые ты намерен выбросить, то можешь выбросить их в колодец, который выкопал. Если хочешь, продолжай, но ты меня еще вспомнишь. Однако будет поздно.

Василий очень рассердился и, находясь под действием спиртного, начал нести всякую чепуху, будто Батюшка был виноват в том, что на его участке не было воды. Отец Порфирий спокойно реагировал на эти нападки и все же старался убедить его прекратить работы. Но, поняв бесполезность своих попыток, сказал:

- Я понимаю: что бы я тебе ни говорил, ты своего мнения не изменишь и будешь продолжать бурить скважины. Однако я тебе все же кое-что скажу. Посмотрим, сможешь ли ты это отрицать. Ты перенес две операции. Одну недавно, а вторую — давно. Так это или нет?

- Нет. Мне сделали всего одну операцию. Вот видишь, ты не угадал. Так же и с колодцем. Ничего ты не знаешь про воду, батюшка…

Все, кто находился рядом в этот момент, насторожились. Дело в том, что свидетелями этого разговора были родственники Василия, и они очень хорошо знали (да и все жители маленькой деревни), что Василий перенес только операцию на желудке.

Собравшиеся стали перешептываться между собой, ибо у всех зародилось сомнение в прозорливости Батюшки: "Ну и наивные же мы люди, что поверили всему, что он нам наговорил! Хорошо еще, что мы проявили осторожность и не начали копать. Нас бы постигла неудача. Бог нас пожалел и сегодня. Он открыл нам глаза!".

Так говорили между собой собравшиеся селяне, а Батюшка, как всегда, все понимая благодатью Божией, был очень огорчен их

маловерием. И для того, чтобы их разубедить, он вновь обратился к Василию:

- Подними рубашку, и я тебе покажу два шрама, оставшихся на твоем теле после операций. Ты их увидишь, и, главное, их увидят те, которые собрались здесь.

- Не знаешь, чего требуешь, поп. Ты промахнулся и пытаешься выкрутиться. Ты много тут нам наврал. Только мы тебя "раскусили".

Расстроившись еще больше, отец Порфирий угрожающе произнес:

- Или ты поднимешь одежду, или я это сделаю сам.

Василий категорически отказался. Тогда все присутствующие увидели Батюшку таким, каким до сих пор его никто и никогда не видел. Одним стремительным и ловким движением он остановил пытавшегося увернуться Василия и с силой поднял его одежду так высоко, что почти раздел его. Затем, держа одной рукой его одежду, другой указал на два шрама на его теле. Первый шрам остался после операции желудка, а второй — после аппендицита.

Все присутствующие просто онемели. О второй операции никто не знал. Он ее сделал, когда служил в армии, и по неизвестным причинам скрывал этот факт.

Василий побледнел и не мог произнести ни слова. Он только смотрел в глаза Батюшке и с удивлением слушал, что тот ему говорил. Батюшка же, продолжая держать его полураздетым, рассказывал всю его прошлую личную жизнь, еще больше удивляя как самого Василия, так и присутствующих.

Наконец Василий, согласившись со всем, что говорил о нем отец Порфирий, попросил у Батюшки прощения и тут же удалился, отправившись пешком в нашу деревню, которая находилась от его земельного участка на расстоянии более двух километров.

Придя туда, Василий сразу же направился в кафе. Там его увидел Анастасий Тзаварас — один из лучших друзей моих детских лет, а теперь мой близкий родственник по линии жены. Каждый раз, описывая появление Василия в тот день в кафе, он умирал со смеху, заставляя смеяться и меня.

По словам Анастасия, когда Василий вошел в кафе, черты его лица были искажены до неузнаваемости. Он был похож на загнанного зверя. Взбудораженный, дрожащий и бледный, он вот-вот готов был

упасть. С большим трудом им удалось заставить его отвечать на вопросы.

- Что вам сказать, ребята! Этот поп, которого привели ко мне в Хилиаду, все во мне обнаружил. Все, понимаете? Со дня моего рождения до сегодняшнего дня… Представьте себе, что от него не скрылись даже те две операции, которые я когда-то сделал, об одной из них не знаете даже вы, живущие вместе со мной в деревне с детства! И то, о чем он сказал, чрезвычайно меня напугало, и я бежал по дороге как сумасшедший! Теперь я не скоро приду в себя после всего случившегося! Это не поп. Это, должно быть, кто-то другой! Либо святой, либо пророк!

БАТЮШКА ПРОБУЕТ ПОДЗЕМНЫЕ ВОДЫ И НАХОДИТ ИХ СЛИШКОМ СОЛЕНЫМИ

В то время как Василий с ужасом рассказывал в кафе обо всем происшедшем, отец Порфирий уже исследовал другой большой земельный участок, находившийся в соседнем районе. Этот участок был засажен соснами и являлся как бы продолжением территории известной туристической базы Святого Иоанна Богослова, расположенной неподалеку от моря и потому всегда обеспеченной свежей рыбой. Вокруг все было застроено прекрасными и богатыми виллами.

Свой участок хозяин также хотел использовать в качестве туристической базы. И его желание понятно, так как место словно было создано для отдыха: окруженный горами и морем, этот уголок земли отличался редкой красотой.

Одного не хватало на этом зеленом, поросшем соснами участке — воды. А как известно, без воды нет жизни. Вот почему хозяин не мог приступить к строительству туристического комплекса. И Батюшку пригласили сюда, чтобы он определил, где проходят подземные воды и где бурить скважины.

Во время первого осмотра отец Порфирий убедился, что вода на участке имеется.

- Внизу, — сказал он, — вода течет подобно бурной реке. И самое главное, она находится на небольшой глубине, всего лишь в нескольких метрах от поверхности земли.

Хозяин не мог скрыть своего удовольствия и радости. Его мечта вот-вот сбудется: теперь этот великолепный приморский участок можно будет употребить с пользой. Спустя некоторое время он разобьет его на стреммы[36] и возведет на них гостиничные сооружения вдоль всего берега моря. В результате местность превратится в новый Майами!

Но, как правило, радость не бывает продолжительной. Та же судьба постигла и этот проект.

Итак, Батюшка сосредоточился и попросил хозяина оставаться на месте, а сам пошел по направлению к белой церквушке Живоносного Источника, откуда открывался вид на всю округу. Церквушку эту посещали бедные рыбаки, которые и днем и ночью заботились о хлебе насущном.

Пройдя еще несколько метров, Батюшка вдруг свернул к огромным скалам, поросшим густым кустарником. У хозяина участка возникали различные предположения (правда, далекие от истины), ради чего Батюшка мог отправиться в ту сторону. Поэтому он ждал довольно спокойно. Но когда время ожидания перешло все границы, он начал беспокоиться за Батюшку, даже за его жизнь. Стараясь ступать бесшумно, он направился туда, где скрылся отец Порфирий.

Однако Старца нигде не было. Это еще больше обеспокоило хозяина. Он принялся за активные поиски, уже не заботясь о собственной безопасности и не предпринимая никаких мер предосторожности.

Спустя какое-то время он наконец нашел Батюшку в зарослях кустарника среди огромных скал. Отец Порфирий стоял на коленях с высоко поднятыми руками и молился. Успокоившись, человек не стал его тревожить и отрывать от молитвы. Спрятавшись за деревом, чтобы его не увидел Батюшка, он мог спокойно наблюдать за всем происходящим.

Когда закончилась горячая молитва отца Порфирия, хозяин участка увидел нечто странное: Батюшка, совершая крестное знамение, прикасался ладонью правой руки к земле и затем подносил ее ко рту и как будто пил из нее! То есть он делал то, что мы обычно делаем, когда пьем воду из источника. Проделав это несколько раз, Батюшка поднял руки к небу, как бы желая выразить свою благодарность Богу, и замер на некоторое время в этой позе, а затем, благоговейно перекрестившись, встал с колен.

Убедившись, что отец Порфирий закончил свое священнодействие, хозяин поспешил вернуться на прежнее место, чтобы Батюшка не подумал, что он за ним подсматривал. Именно этого очень не любил Старец. Через некоторое время подошел и Батюшка. Он казался расстроенным.

- Где ты был столько времени? Я очень беспокоился. Я вижу, ты грустен. Что случилось? — спросил его хозяин.

- Антрацит — это сокровище, — ответил Батюшка.

- Почему антрацит? Разве ты не говорил, что здесь очень много воды? Целая река?

- Воды много, но хорошей воды нет.

- Откуда ты знаешь?

- Я только что в этом убедился. Иначе откуда бы мне это знать, грешному? Господь позволил, и я несколько раз пробовал воду и нашел ее соленой…

- То есть…

- Я тебе сказал. Она очень соленая, почти как морская. Пить ее невозможно. Если ты возражаешь — вырой колодец. Совсем неглубоко ты найдешь чистую воду, но она будет соленой. Ее можно использовать только для поливки садов и огородов. И на сей раз тебе не повезло. Будь она питьевой, это бы решило проблему водоснабжения всех деревень района. Теперь пойдем — я очень устал. Есть Бог. И там, где нет надежды, Он посылает нечто такое, чего ты совсем не ждешь… Лишь бы только мы Ему верили и Его любили. Он же всех нас любит и заботится о нас. Все мы — дети Божии. Если и есть в нас что-то достойное — это от Него. Все — Его дар… Разве ты не слышал в церкви слова: "яко всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе, Отца светов"[37]?..

И как всегда, время подтвердило правоту слов отца Порфирия. Много народу приезжало в тот район, многие бурили землю и находили много воды, но она была непригодной для питья. Отец Порфирий не ошибся и на сей раз!

ИСЦЕЛЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО ЖИТЕЛЯ САЛОНИК И ДЕНЕЖНЫЙ ПЕРЕВОД НА СТО ТЫСЯЧ ДРАХМ

Приблизительно пятнадцать лет назад то место, где теперь скит в Милеси, находилось в сильном запустении. Для того чтобы привести его в порядок, требовались весьма значительные расходы. И когда Батюшка приступил к реализации своего плана по постройке скита, его ждали большие экономические трудности.

Мы с ним неоднократно беседовали об этом, но не находили выхода. Ибо, как говорили еще древние греки: "Имеется нужда в деньгах, о мужи афинейские, и без них ничего нельзя сделать из того, что должно сделать".

Но Батюшку не так-то просто было заставить отказаться от задуманного. Он никогда легко не сдавался. Ведь у него была великая вера в Бога! Все свои чаяния и надежды он возлагал на Него.

— Что невозможно у человека, то возможно у Бога! — часто повторял Старец.

И это так, но тем не менее денежные затруднения его крайне беспокоили.

Главное препятствие возникло в тот момент, когда потребовалось дорогостоящее разрешение на строительство. Оно могло стоить еще дороже, если бы составление плана постройки не взял на себя (причем совершенно бескорыстно) один из духовных чад Батюшки.

Обсуждая с отцом Порфирием, где найти деньги, я обещал сделать все возможное. Уходя, я понимал, что он очень удручен. Быть может, я видел его в таком состоянии впервые.

Дней через десять я вновь посетил Батюшку. Уже издалека он мне заулыбался. Видно было, что он в хорошем настроении и полон энтузиазма. Совсем не таким я оставил его десять дней назад.

- Батюшка, я вижу вас довольным! Что случилось?

- Как же ты меня понимаешь! Ты издалека читаешь мои мысли и чувства!

- Но ведь в последний раз я оставил вас в большом огорчении. Что случилось теперь: решилась проблема, которая вас так занимала?

- Бог ее разрешил! Для Него нет неразрешимых проблем. Единственное, чего нам не хватает, это терпения. А нет терпения, потому что нет веры. Имей мы глубокую веру, и терпения у нас хватило бы, и проблемы бы наши решались. Да что я тебе говорю, когда сам не имею великой веры. Да и как ожидать от такого грешника, как я, великой веры?

- Если вы, Батюшка, грешник, то что нам остается делать? Кем себя считать? Нам остается только камень на шею и в море, благо оно рядом.

- У всех нас одинаковая судьба. И всех нас милость Божия спасает. Сами мы не можем спастись. А теперь я тебе расскажу нечто очень важное, чтобы и ты, в свою очередь, восхитился величием Господа Бога нашего.

На следующий день после твоего ухода пришла ко мне одна неизвестная благородная госпожа. Увидев меня, она спросила: "Это вы отец Порфирий?". И когда я сказал, что это я, она упала мне в ноги и стала их обнимать и целовать! Она целовала даже мои туфли! Она громко рыдала и умоляла меня вылечить ее умирающего ребенка.

Крики этой женщины раздирали мое сердце. Кроме того, вера ее была так сильна, что я заплакал от волнения. Неожиданно, сам того не осознавая, я поднял руки к небесам и попросил Господа пожалеть несчастную и исцелить ее больного ребенка. Ответ был быстрым и обнадеживающим.

"Вставай, — говорю ей, — не плачь. Ребенок твой выздоровел!". Женщина, однако, продолжала целовать мои ноги, не веря в столь скорое исцеление. Я всячески старался ее убедить, но она продолжала кричать: "Отче святый, спаси моего ребенка! Я с ним объездила весь мир, обошла лучших профессоров, посетила самые крупные и престижные больницы, и никто не мог его вылечить! Никто не дал мне даже надежды! Все в один голос говорили, что он умрет. Ребенок мой умрет! Помоги ему, святый отче…".

Когда я увидел ее в таком состоянии, опечалилась душа моя! Я склонился над ней и, взяв ее за плечи, попытался поднять с пола, но безуспешно. Она так ухватилась за мои ноги, что я никак не мог ее оторвать!

Между тем я не уставал повторять, что ребенок ее здоров, но она либо не слышала, потому что громко кричала, либо не верила в то, что я говорю правду. Скорее всего, второе.

Тогда Господь меня просветил и я назвал имя ее ребенка, которого не знал, ибо имени его мне никто и никогда не называл. Мать дитяти сразу же поднялась с колен и в слезах бросилась целовать мои руки. Уста ее исторгали слова благодарности, а из глаз лился нескончаемый поток слез.

Долго еще женщина не могла прийти в себя, но чудо совершилось! Ребенок ее выздоровел! Когда она вернулась в Салоники, она нашла своего ребенка здоровым!!!

Врачи обследовали его и подтвердили выздоровление. Болезнь отступила. Смерть миновала. Родители и родственники умиравшего малыша, радуясь случившемуся, отпраздновали это величайшее событие, ибо дитя их было возвращено к жизни! И первым делом они немедленно сообщили мне о совершившемся чуде. О чуде, в которое они еще сами с трудом верили. Однако обреченный на смерть ребенок ожил!

Прогноз врачей, который был вполне обоснован, не оправдался. Ребенок должен был умереть, но "идеже бо хощет Бог, побеждается естества чин"!

- И поскольку это произошло в Салониках, чадо мое, — продолжал Батюшка, — я здесь день и ночь поминал Святое имя Великого Бога нашего, услышавшего меня, грешного, и спасшего от верной смерти больного ребенка.

Сегодня рано утром пришел человек (один из моих духовных чад) и принес разрешение на строительство и чек на сумму сто тысяч драхм. Ты понимаешь, как это важно для меня! Ведь ты помнишь, что, когда ты был у меня в последний раз, у меня не было денег даже на самые насущные нужды, которых, как известно, тоже немало.

И вот, в то время как я ломал голову над тем, где бы достать денег для разрешения на строительство, меня извещают о том, что на мое имя пришел денежный перевод на сто тысяч драхм, то есть ровно столько, сколько стоит разрешение на постройку! Велие чудо!

Как же это произошло? Очень просто! Та женщина из Салоник, убедившись в том, что с ее умирающим ребенком произошло чудо,

пожелала таким образом выразить свою благодарность Всеблагому Богу, даровавшему здравие и вернувшему к жизни ее ребенка.

Почтовым переводом она отправила сто тысяч драхм, и по Божию Промыслу эта сумма точно совпала с той, какая требовалась для получения разрешения на строительство.

Это подлинное проявление величия Божия: с одной стороны, исцеление дитяти, а с другой — начало строительных работ, угодных Господу, поскольку в будущем в этом скиту найдут себе пристанище множество страждущих душ и это место станет истинным оплотом православия! Или ты сомневаешься в том, что я говорю?

Вспомнишь меня потом, через несколько лет, когда все это сбудется. И тогда ты скажешь: "Прав был Батюшка…".

Пророческие слова!

Да сподобит нас Господь убедиться в этом!

"СКОРАЯ ПОМОЩЬ" ОТЦА ПОРФИРИЯ

Я очень хорошо помню, как 27 июля (к сожалению, не помню, какого года) город Афины оплакивал сотни и даже тысячи людей, погибших от ужасной жары. В этот день к моей жене — врачу-педиатру — срочно обратились с просьбой, чтобы она помогла одному ребенку, жизнь которого находилась в опасности, возможно, из-за сильной жары.

Поскольку профессия врача — это фактически служение, выбора у нас не было. Мы не имели права отказать в помощи. Поэтому, пренебрегая опасностью, грозившей нам самим, и не считаясь со строгими предупреждениями со стороны средств массовой информации, настаивавших на том, чтобы люди по возможности не выходили на улицу и чаще принимали душ, мы немедленно отправились по указанному адресу.

Когда мы приехали, моя жена вошла в многоэтажный дом и скрылась в одной из многочисленных квартир. Я в поисках парковки неимоверно страдал от прямых солнечных лучей (было два-три часа дня). Сидеть в машине я просто не мог, так как это было опасно для жизни. Поэтому я вышел из нее и спрятался в тени дерева. Однако воздух так раскалился, что нечем было дышать. Он буквально обжигал лицо и неприкрытые части тела. В поисках спасения я вернулся в машину. Посмотрев в зеркало, я увидел, что мои лицо и уши были явно обожжены, и очень испугался.

В это время по радио передавали тревожные вести о том, что количество умерших от жары установить пока не удается. Во всяком случае, народу погибло столько, что, по словам диктора, на одном лишь кладбище в районе Перистери из-за недостатка места остались незахороненными сотни трупов и что возникает опасность эпидемии. Не могу сказать, что эти известия оставили меня равнодушным.

Между тем ужасающая жара еще больше усиливалась в машине, стоявшей на солнце, и превращала ее в раскаленную печь. Мне сделалось совсем плохо, так плохо, что я перестал контролировать свои действия.

Огромным усилием воли я заставил себя встать и попытался найти кого-нибудь поблизости, кто мог бы оказать помощь. К несчастью, на всем проспекте не было ни души, а окна и двери многоэтажных домов были плотно закрыты. Такое чувство, что город совершенно вымер!

Я с ужасом осознал, что положение мое безнадежно. Оказавшись в такой критической ситуации, я воззвал о помощи к отцу Порфирию, моля его горячо и страстно — ведь опасность была так велика!

И чудо произошло!!!

Быть может, впервые Батюшка вмешался так непосредственно и так решительно.

Я не знал ни в какой квартире, ни на каком этаже находилась тогда моя жена, но вдруг услышал ее голос. Она меня звала с веранды какой-то квартиры и спрашивала, не случилось ли чего со мной и не нужна ли мне помощь.

И я ей ответил, что все в порядке, потому что на самом деле помощь уже пришла, и пришла она от Батюшки. Я почувствовал себя вдруг окрепшим и сильным как никогда! Невероятно! На меня произвело особое впечатление то, что одновременно вмешались и Батюшка, и моя жена, а такой сверхъестественной чуткости с ее стороны я не припомню за всю нашу двадцатилетнюю совместно прожитую жизнь.

Я знаю множество чудес, совершенных отцом Порфирием, но такой "оперативности" и столь быстрого результата я не ожидал. Мне не забыть об этом никогда. Я благодарен тебе, Батюшка!

ОТЕЦ ПОРФИРИЙ… ДИЕТОЛОГ

Каждый раз, когда я публиковал свои работы — либо в научных изданиях, либо в периодической печати, — всегда первой моей заботой было посвятить их моему духовному отцу — старцу Порфирию. И он принимал такие посвящения с огромной радостью. Он внимательно их читал, бывал очень доволен и благословлял мои труды.

Я, однако, никогда и предположить не смел, что Батюшка станет тратить свое столь драгоценное время на чтение моих работ, не имевших порой никакого отношения к религии. Поэтому каждый раз, когда я давал ему экземпляр той или иной книги, то делал это просто для того, чтобы выразить мое к нему уважение.

Когда в журнале "Организации социального страхования" была опубликована моя статья о свободном выборе профессии врача как у нас, так и за рубежом, я отправился к Батюшке, чтобы передать статью ему лично. Я всегда так делал. Как только я вошел в его келью, он встретил меня радостными возгласами.

- С приездом! Я тебя ждал! Девочки, что я вам говорил утром? Разве я не говорил, что приедет господин Анаргирос со своей семьей? Позовите-ка сюда такую-то.

- Пожалуйста, Старче.

- Что я тебе говорил утром, когда проснулся?

- Что приедет господин Анаргирос с госпожой Софией и сыном Яннисом.

- Ты слышишь? Я знал, что ты сегодня приедешь. И я тебя с утра ждал. Почему ты опоздал?

- Была небольшая проблема с машиной. Но я не собирался сегодня к вам, Батюшка! Мы с женой в последнюю минуту решились на эту поездку.

- Оставь, что ты говоришь? Каждый раз, когда ты собираешься сюда приехать, я уже с утра говорю об этом своим женщинам[38]. Только ты приезжай почаще, потому что всем вам это очень полезно. И тебе, и госпоже Софии, а особенно ребенку. Здесь, среди сосен, вы освежите свои легкие. Афины в скором времени станут городом, в

котором невозможно будет жить… Пойдем пройдемся немного, нам обоим это нужно.

И мы пошли. По дороге я отдал ему экземпляр моей новой статьи. Он меня поблагодарил, прочел мое посвящение и улыбнулся:

- Все премудрости пишешь… Ты очень устаешь, дитя мое! Откуда ты берешь все эти материалы? Если все твои работы так содержательны, ты заслуживаешь горячих поздравлений.

- Вы их прочли, Батюшка?

- Все! Разве мог я их не прочесть? Как это тебе в голову пришло? Разве могу я не знать о работе моего чада? Я горжусь, когда дети мои растут и делают успехи. Мне это приносит большое удовлетворение, ибо это служит доказательством, что молитвы мои доходят до Господа.

Как читал мои статьи Батюшка, не знаю. Читал ли он так, как мы обычно читаем, или как-то по-своему? Тогда мне не приходило в голову, что он читает как-то иначе. Теперь я вижу, что все возможно.

А Батюшка продолжал:

- На меня особое впечатление произвело то место, где ты обращаешься к совести застрахованного рабочего и работодателя. Все, дитя мое, есть вопрос совести. Давай посмотрим, помню ли я название твоей статьи? Думаю, что она как-то так называлась: "Совесть застрахованного служащего или рабочего и работодателя как главное условие успеха в деле". Разве не так?

Я, по правде сказать, забыл. Ведь столько лет прошло, что я и сам не помнил названий своих статей. Так я получил еще один урок по поводу своих сомнений, приходивших мне в голову всякий раз, когда я давал Батюшке экземпляр той или иной статьи, опубликованной мною.

Затем Батюшка продолжил разговор о совести и, к моему великому изумлению, остал осыпать меня похвалами. В конце концов он заключил:

- Ну ты молодец! Ты мудр. Ты это и сам знаешь?

Я сделал вид, что не слышу.

- Ты слышишь, что я тебе говорю? Ты знаешь, что ты мудр?

Я опять сделал вид, что не слышу, и постарался заговорить на другую тему. Увидев огромное количество лука в огороде скита, я воскликнул:

- Сколько лука! Что вы с ним будете делать, Батюшка?

- Я тебе одно говорю, а ты мне другое. Тебя интересует, что я буду делать с луком, дитя мое? Да разве есть лучшее лекарство, чем лук? Знаешь, какими свойствами он обладает?

- Как же не знаю? Он улучшает работу сосудов, расширяет их…

- Вот видишь, разве я не прав? Откуда ты это знаешь? Кто тебе сказал? Ведь на самом деле лук — прекрасное сосудорасширяющее средство. Он очень помогает работе сердца, сосудов, нормализует артериальное давление и так далее. Он тонизирует организм человека. Скажи своей жене, чтобы она побольше его употребляла.

Когда мы оказались перед полем, засаженным латуком, он спросил меня:

- А ты знаешь, каким витамином богат латук?

- Я слышал, что в нем очень много витамина Е.

- Да. Именно так. Ешьте больше салата из латука. А чтобы не травмировать желудок, надо обдать листья кипятком, чтобы они размягчились. Потом слегка отварить — и они готовы к употреблению. И для желудка это легче. А скажи, вы морковку едите?

- Не очень. Жена добавляет ее в некоторые блюда. Я избегаю есть морковь, так как она плохо действует на желудок.

- И плохо делаете! Нужно есть как можно больше моркови, потому что в ней содержится много витамина А, а он очень укрепляет организм и предохраняет от заболеваний. Даже от рака.

До сих пор я знал, что Батюшка наш — врач, архитектор, инженер, электрик, геолог и многое другое. А в тот день я узнал, что он еще и диетолог! К тому же, вне всякого сомнения, прекрасный!

ИСЦЕЛЕНИЕ СТУДЕНТКИ, СТРАДАВШЕЙ РАКОМ

Одна студентка весьма почитала и очень любила отца Порфирия. Поэтому он стал считать ее своим духовным чадом. И не только ее, но и ее подругу, тоже студентку. Батюшка, как он сам говорил мне неоднократно, очень их любил. Да и кого он не любил?! Не было человека, которого бы он не любил! Разве только диавола ненавидел. И не только ненавидел, но и боролся с ним. А чаще всего он им просто пренебрегал.

- Оставь его, — говорил он мне, — не придавай ему никакого значения. Чем больше придаешь ему значения, тем больше он приближается. Если ты хочешь от него избавиться, прогнать, то лучше не обращать на него никакого внимания. Пренебрегай им. Он только этого и заслуживает. Как только он это увидит, он начнет удаляться и в конце концов обратится в бегство. Пренебрежение является вторым оружием после Честного Креста, которого диавол так боится, что дрожит и в страхе бежит от него. Пренебрежения к себе не терпит, потому что он высокомерен и его душит злоба. Именно из-за гордыни он и был низвержен. Ну что ж, он заслужил свое наказание…

Отец Порфирий в это верил, этому учил нас, своих духовных чад, именно так он представлял себе диавола и именно этим оружием боролся с ним: крестом и пренебрежением! Батюшка и от нас того же требовал. И настаивал, чтобы мы ему подражали. Тот же, кто ему подражал, не только ощущал пользу, но и Батюшке доставлял большую радость и удовольствие, так как этим оказывал крайнее послушание Старцу.

Такой была и вышеупомянутая студентка. Она была одной из тех, кто во всем подражал Батюшке и проявлял по отношению к нему полное послушание. И именно поэтому Батюшка очень ее привечал.

Случилось, однако, так, что у этой девушки, когда она отправилась к себе на родину, чтобы провести там каникулы, обнаружилась неизлечимая болезнь — рак. Опухоль размером с яйцо прощупывалась где-то в области груди или под мышкой (точно не помню, ведь столько лет прошло). Девушка была в ужасе.

Первым делом она решила сообщить об этом отцу Порфирию, конечно, по телефону. С трудом его отыскав, она рассказала ему во всех подробностях о своей болезни и ее симптомах. По телефону Батюшкой был поставлен диагноз: злокачественная опухоль!

- Это плохо, но ты не бойся. Будем молиться. Пока отдыхай, а как приедешь в Афины, приходи ко мне. Я прочту над тобой молитву, перекрещу тебя, и ты выздоровеешь. Молись, однако, и ты и причащайся каждое воскресенье. Велик Бог, и Он сотворит великое!.. Для Него нет неизлечимых больных. Есть только верующие и неверующие…

Сообщение, полученное от Батюшки, весьма обрадовало девушку. Одно лишь "плохо", что отец Порфирий никогда не ошибался в своих заключениях. Даже по телефону! Тем не менее, несмотря на свою великую веру в Бога и доверие к Батюшке, девушка не устояла перед искушением и пошла к местным врачам, надеясь, что они придут к другому заключению. Но, к сожалению, все в один голос подтвердили "диагноз" Батюшки!

Придя в ужас от такого совпадения, на следующее же утро она отправилась в Афины, чтобы встретиться… с кем же еще, как не с отцом Порфирием, ибо он был единственной надеждой и опорой для всех своих духовных чад!

- Я тебя ждал, но ты ведь не веришь ни моим словам, ни советам, ни даже молитвам. Ты прервала свой отдых, в котором ты так нуждаешься, и приехала сюда. Можно подумать, что мои молитвы не дошли бы до тебя там, где ты была…

Такими словами встретил Батюшка студентку, желая выказать свое неудовольствие ее маловерием.

- Ну, давай рассказывай, что тебе сказали врачи?

- Точно то же, что и вы, отец Порфирий. Плохо! Это рак! — И она заплакала.

- Почему ты плачешь? Так-то ты веришь в Бога? Ты уже забыла, что я тебе говорил по телефону? Или же тебе пришла в голову мысль, что рак… сильнее Бога? Если так, то ты ошибаешься! Нет ничего выше Господа нашего! Он, только Он превыше всего! И от Него зависит все! Итак, перестань плакать. Я не хочу видеть своих чад расстроенными и печальными. Пусть они всегда будут радостными и

счастливыми. А теперь давай-ка я прочту над тобой молитву, которую обещал. И ты увидишь, что ты поправишься, и к тому же скоро.

Так и случилось! Он долго читал над ней молитву и одновременно с силой крестил то место, где была опухоль. На местах, куда он прикладывал крест, оставались глубокие следы.

У него была такая вера в то, о чем он молился, что не оставалось никаких сомнений, что его святая просьба будет услышана.

Когда закончилась молитва, Батюшка получил весть свыше… Лицо его просияло. Великий Бог, в Которого святой Старец так глубоко верил, Которому служил и поклонялся, Которому посвятил десятки лет своего служения, услышал его горячую молитву и совершил великое чудо! Рак был побежден!

С той самой минуты больная исцелилась! Батюшка смотрел в ее глаза и видел, как слезы сменились неописуемой радостью, обреченность — надеждой, угрюмость — улыбкой, болезнь — здоровьем и, наконец, смерть — жизнью!

Как прекрасны плоды веры!!!

- А как же опухоль, которая была размером с яйцо, куда она девалась, Батюшка? — дерзнул я спросить его, как только он закончил свой рассказ.

- А ты что скажешь?

- Я вас спросил…

- А я тебя спрашиваю.

— …

— Что случилось с опухолью? Она исчезла, растворилась, превратилась в ничто! Ушла туда, откуда взялась. Через несколько дней даже и следа от нее не осталось… Знаешь, Кто есть Бог наш?

- Знаю. И очень хорошо знаю.

- Кто же?

- Тот, Кто все созидает, Тот, Кто все образует по Своему усмотрению.

- Браво! Он именно таков. Да почиет на тебе мое благословение!

ЛАМПАДА ЖИЗНИ

В один из воскресных дней мы опять оказались у отца Порфирия всей семьей. Мы провели вместе с ним несколько часов, а когда двор перед его кельей заполнился машинами и людьми, мы отправились в загородный дом моего брата Димитрия, который находится на берегу моря. Там мы чудно отдохнули и, когда наступила прохлада, отправились к морю.

Купающихся было очень много, так как солнце уже заходило. "Как вода?" — спросили мы. "Очень теплая", — был ответ. Мы попробовали рукой воду и убедились, что она на самом деле теплая. Всей нашей компанией мы отправились купаться. Плавая и играя в мяч с детьми, мы провели в море более двух часов, а береговое освещение помогало нам, потому что уже наступала ночь.

Когда мы наконец вышли из воды, то вдруг обнаружили, что погода сильно изменилась. Резко подул холодный ветер, никак не напоминающий морскую прохладу. Всех нас бросило в дрожь. Мы буквально зубами стучали от холода. Тогда мы решили растираться руками, чтобы как-то согреться. В результате этих манипуляций у меня порвалась цепочка и я потерял свой крестик, в котором хранилось Честное Древо Креста Господня. Я был вне себя от огорчения!

На следующий день мы все простудились. Что до меня, то я проболел целую неделю. Когда я снова поехал к Батюшке и рассказал о причине, вызвавшей простуду, он очень строго ответил мне, чтобы я этого больше никогда не делал.

- Ты знаешь, что мог умереть от сердечного приступа?

- Но ведь, Батюшка, когда мы с вами вместе ездили на экскурсию в один монастырь, вы тогда мне сказали, что я буду жить столько-то лет. Как же вы теперь говорите, что я мог умереть в тот день?

- То, что я тебе сказал, это верно. Ничего не изменилось. Лампада твоей жизни имеет масла на столько лет, сколько я тебе сказал. Но если ты ее уронишь, масло разольется и лампада погаснет! Такова жизнь! Бог нам дает многоценный дар жизни; мы его принимаем и обязаны оберегать, а вовсе не подвергать опасностям, да к тому же бессмысленным.

Бог даровал нам полную свободу, дабы мы пользовались ею по своему разумению. Но если по нашей вине наступит насильственный или преждевременный конец жизни, то в этом случае мы сами берем на себя всю тяжесть ответственности. И ответственность эта огромна. Поэтому будь осторожен!

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЫМЫЛСЯ СПУСТЯ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Поскольку я очень много времени проводил с отцом Порфирием, то был невольным свидетелем его телефонных разговоров. Звонили ему постоянно, и не только из города, но и по междугороднему телефону.

Это мое "подслушивание" — в общем-то, недопустимый факт — имело, однако, и свою хорошую сторону, ибо таким путем я слышал и узнавал очень важные вещи, о которых в противном случае так никогда бы и не узнал.

И вот однажды, когда я был у Батюшки в келье и мы вели очень важную беседу, нас прервал телефонный звонок. С одной стороны, это меня очень огорчило, а с другой — не будь этого звонка, я никогда бы не узнал еще об одном чуде отца Порфирия.

В продолжительном телефонном разговоре, происходившем между Батюшкой и его собеседником, открылось для меня нечто совершенно невероятное, волнующее и небывалое.

Как мне потом рассказал Батюшка, ему звонил человек, одержимый некой навязчивой идеей: он был убежден в том, что, как только он вымоет голову, его постигнет внезапная смерть.

Причиной возникновения болезненной идеи была его уверенность в том, что его заколдовали. Все это делало жизнь несчастного человека невыносимой. Мало того что сама по себе грязная голова — вещь не очень приятная, так он еще был вынужден безропотно выслушивать брань со стороны своих домашних и знакомых, которые, несмотря на сверхчеловеческие усилия, не могли убедить его в необходимости и безопасности купания.

Так проходили дни, недели, месяцы и годы, и никто, решительно никто не мог заставить этого страдальца полить немного Божией водички на свою грязную голову, запах от которой распространялся повсюду. Люди просто шарахались от него.

Человек этот очень глубоко переживал такую ситуацию, но, несмотря на собственные усилия, так и не мог преодолеть этот страх.

Он все больше отдалялся от людей и все больше погружался в свое несчастье.

И так продолжалось ни много ни мало — целых восемнадцать лет! Для нас восемнадцать лет — срок значительный, а для человека, переносившего все эти муки, они казались вечностью. Однако несчастный не переставал надеяться, что когда-нибудь, в один прекрасный день, он избавится от этой тирании. А это действительно была тирания.

И вот человек узнает о том, что есть один святой старец, которого зовут отец Порфирий, и что он творит чудеса. Больной немедленно принимает решение поехать к Старцу, рассказать ему обо всем и попросить помощи. Приехав к отцу Порфирию и "благоухая" своей немытой головой, он во всех подробностях рассказал ему о своих мучениях, о своем несчастье, которое тиранило его и занимало все его мысли в течение почти двух десятилетий.

- Я слушал его с большим вниманием и волнением, дитя мое, — говорил Батюшка. — В тот час я пережил вместе с ним всю его муку. Ведь на самом деле просто страшно подумать, как этот совершенно здоровый физически человек бОльшую часть жизни, свои самые творческие годы, прожил, будучи одержим таким недугом! И он был одинок в своем горе.

Сколько людей, охваченных различными страхами, мучают себя и своих близких! Такие семьи страдают вдвойне, так как видят близкого человека в несчастье и практически ничем не могут ему помочь. И знаешь, что характерно для такой ситуации? Большинство этих людей — интеллектуалы.

И нередко я говорил этим людям, что надо делать, и даже показывал им, как надо делать (при этом Батюшка встал и тряхнул плечами, как бы сбрасывая что-то), и все уйдет навсегда. Но они меня не слушали. Знаешь, почему они меня не слушали? Потому что не верили в Бога. Они обращались к магам, ворожеям и так далее и в конце концов не только не вылечивались, но и губили свои души. Потому что нельзя быть христианином и ожидать помощи от сатаны. Либо ты с Христом, либо с сатаной, ибо не можешь служить двум господам.

К счастью, этот человек не обращался к чародеям и колдунам. Просто не было у него веры в возможность преодоления страха.

Поэтому первым делом я постарался укрепить именно его веру. Отсюда все проистекает. Потом я ему объяснил, что маловерные с легкостью уступают сатане. И уж если он получил над тобой силу, то избавиться от него совсем непросто.

Я ему о многом еще говорил, и он слушал с большим вниманием. Когда же я убедился, что он готов сделать то, что я ему советую, то я прочел над ним молитву. И попросил Господа избавить этого человека от сатанинского духа. Так как здесь речь идет именно о сатанинской силе.

Закончив, я сказал ему: "Чадо мое, теперь, когда ты придешь домой, согрей воду и помойся. А я здесь буду молиться о тебе, постоянно буду молиться. Я буду находиться рядом с тобой! Прежде чем начать купаться, скажи так: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя". Пока ты будешь произносить слова молитвы, обрати свой ум ко мне. Как только ты выкупаешься, сразу же мне позвони и скажи, что ты искупался. Я буду ждать".

Уезжал этот человек, будучи исполнен веры и энтузиазма. Придя домой, он сделал все точно так, как я ему сказал. Сразу же после мытья он мне позвонил. Я поднял трубку и услышал: "Батюшка, я выкупался! Я выкупался!". Радость его была неописуема! Я многократно перекрестился, а из глаз моих потекли слезы. Потом я посоветовал ему проделывать то же самое ежедневно и сразу же после купания мне звонить. И он выполняет мои указания с точностью.

Вот и сейчас он мне звонил, чтобы сказать: "Батюшка, я выкупался!". Господь пожалел его и освободил от сатанинского наваждения.

Господь да освободит и нас от множества напастей по молитвам Батюшки, а мы в наших ежедневных молитвах будем сообщать ему о результатах, как делал этот человек.

"ЭТОТ РЕБЕНОК — ПЛОД МОЛИТВ"

Был март 1972 года, когда отца Порфирия посетил один из его духовных сыновей, чтобы посоветоваться по личному вопросу. Батюшка принял его с особой радостью, потому что очень его любил и считал членом своей семьи. Тем же отвечал ему его духовный сын.

Они беседовали с Батюшкой довольно долго и на разные темы, как это часто бывало. Вдруг отец Порфирий неожиданно спросил:

- А теперь скажи, какой вопрос тебя так сильно волнует?

- Откуда вы знаете? Я про это никому не говорил.

— Ну, давай, чадо, рассказывай…

Дело в том, что этот молодой человек познакомился в то время с одной девушкой и, прежде чем вступить в законный брак, хотел знать мнение Батюшки. Так он поступал всегда, если возникала какая-то жизненно важная ситуация. Если Батюшка не давал "зеленый свет", он ничего не предпринимал.

Итак, он рассказал Батюшке о своих обстоятельствах со всеми подробностями, чтобы получить его совет.

- У тебя есть фотография этой девушки? — спросил Батюшка. — Дай мне ее.

Тот дал. Батюшка долго молча рассматривал фотографию.

- Что вы видите, Батюшка? Почему ничего не говорите? Она хорошая или нет?

- Она очень хорошая. Только чересчур деятельная и беспокойная, и тебе трудно будет к ней приспособиться.

- Тогда я ей дам "увольнительную".

- Нет! Ты просил у Бога дать тебе врача, и Он дал тебе врача! То, что ты просил, Он тебе дал. О какой же "увольнительной" ты теперь говоришь? Да и твои родные ее очень любят. Они хотят прежде своей смерти видеть тебя счастливым и устроенным. Вы будете часто ко мне приходить, и я буду радоваться, любить вас и гордиться вами. Ведь ты знаешь, как я тебя люблю! И я знаю, как ты меня любишь. Будьте благословенны! С Богом все будет хорошо!

Так и случилось. Знакомство завершилось браком. Девушка стала одной из лучших духовных чад Батюшки, и он очень ее полюбил.

Однако совместная жизнь этой молодой четы началась со скорбей и мучений. Много они пережили, и как следствие этих волнений — невозможность девушки стать матерью, чего она так хотела.

Несмотря на уверения Батюшки, она обошла множество врачей, истратила массу денег, и все напрасно. Батюшка же постоянно говорил ей:

- У тебя будет ребенок! Не печалься и не трать зря деньги. Я тебе повторяю, у тебя будет ребенок!

И действительно, в скором времени она родила чудного мальчика, просвещенного от Бога и благословленного рукой самого Батюшки!

Следует заметить, что эта молодая чета имеет только одного ребенка. Ведь отец Порфирий говорил: "У тебя будет ребенок", но не говорил: "У тебя будут дети". Если внимательно прислушиваться к его словам, то можно самим постигать их глубинный смысл и делать правильные выводы.

Когда отец Порфирий впервые увидел новорожденного, он сказал его родителям:

- Этот ребенок — плод молитв!

БЕСЕДА О ВОСПИТАНИИ

В 1977 году моя жена забеременела. Мы были вне себя от радости. Первым делом мы отправились к отцу Порфирию, чтобы сообщить ему об этом, так как он разделял все наши радости и печали. Батюшка с первого же дня нашего знакомства поддерживал нас своими молитвами и советами, которые всегда были преисполнены мудрости и божественного вдохновения.

Получив столь радостное известие, отец Порфирий возрадовался, и его лицо просияло.

- Теперь радость ваша исполнилась! Наш добрый Бог все вам даровал! Так как вы добрые, то и Господь добрым рабам своим ни в чем не отказывает, ничего их не лишает. Я ведь вам говорил, что у вас будет ребенок. Но вы мне не верили, как Фома неверующий.

Я знаю, что вы меня любите, но вы маловеры… Вы легко поддаетесь слабостям и пасуете перед испытаниями. Приезжайте ко мне почаще, так как вы в этом имеете нужду. Когда вы ко мне приходите, я вижу вас хмурыми и мрачными, а когда уходите от меня, вы преображаетесь и уезжаете радостными, счастливыми, и вера ваша укрепляется! И автомобиль ваш не едет, а летит!

А пока садитесь-ка, и я вам кое-что скажу, так как вы в скором времени станете родителями. И то, о чем я вам скажу, запомните хорошенько, соблюдайте и выполняйте все в точности, если хотите видеть своего ребенка счастливым, да и самих себя тоже.

Сюда ко мне приходят сотни родителей и со слезами на глазах просят помочь их детям, так как те попали в дурное окружение, употребляют наркотики, с руганью набрасываются на родителей, требуя от них денег, чтобы потратить их на карты и другие азартные игры, а когда родителям нечего им дать, они не только угрожают, но и бьют их! Дело доходит до того, что родители проклинают своих детей и тот день и час, когда произвели их на свет Божий!

Я видел родителей, плакавших кровавыми слезами из-за своих детей, утративших всякие моральные устои. Нередко они говорили, что лучше бы совсем не иметь детей! Потому что тогда была бы у них одна беда, одна печаль, а теперь у них тысячи бед и несчастий. И

столько ужасающих проблем такие дети ежедневно создают родителям, что порой им стыдно появляться на людях!

Поэтому родители просят меня, чтобы я молился об их детях, дабы спасти их. Когда же я спрашиваю их: "Что же вы сами делаете для спасения своих несчастных созданий?" — то, как правило, получаю один и тот же ответ: "Мы ничего не можем поделать. Дети вышли из-под нашего контроля еще в подростковом возрасте!".

Этого и следовало ожидать. Поскольку в детские годы вы ничего не сделали для ваших детей, а ждали подросткового возраста, чтобы заняться их воспитанием. Чего же вы теперь хотите? Ждите худшего.

Ребенок — что тесто. Чем мягче тесто, тем легче из него лепить. Чем меньше ребенок, тем легче его исправить, научить чему-то.

Теперь, когда вы вспомнили, что у вас есть дети, а скорее, они сами вам об этом напомнили своим безобразным поведением, менять что-то уже поздно. Птичка улетела! И если птичка улетела из клетки, в которой мы ее держали, то ее не поймать!

Воспитание ребенка является альфой и омегой для родителей по отношению к тому маленькому человеческому существу, которое они, при Божием содействии, произвели на свет. Родители, которые не сумели правильно воспитать своего ребенка, потерпели крах во всем! Во всем!!! Вы меня слышите? Множество родителей посвящают свою жизнь расширению своих промышленных предприятий, увеличению денежных капиталов и ничего не делают для правильного воспитания детей. В таком случае, скажу я вам, они не только ничего не сделали для своих детей, но, наоборот, сделали все, чтобы те стали лентяями, бездельниками и преступниками. Они из детей сделали преступников! И знаете почему? Потому что, когда деньги находятся в руках испорченных людей, они приносят зло и тем, у кого они есть, и другим — тем, у кого их нет. Первые подкупают вторых и пользуются их услугами по своему усмотрению. И делают это никак не для добрых целей.

Знаете ли вы такое изречение: "Деньги портят совесть"? Эта мысль очень правильная! Деньги портят человека, позволяя, помимо прочего, подкупать его совесть. И это идет от сотворения мира. Зачем далеко ходить? Разве Иуда не предал Христа за деньги? За тридцать сребренников? Вам этого недостаточно? И это ли не аргумент, доказывающий развращающую роль денег, когда они употребляются

людьми, не имеющими внутри себя Бога? И следовательно, те, кто не воспитывает детей в вере, кого, вы думаете, они создают? Иуд! Да! Именно их! Горе таким родителям! Потому что они собирают сокровища здесь, на земле, и проявляют полное безразличие к Царствию Небесному.

Кроме того, поскольку они приобретают материальные блага здесь, ни сами они не могут ими вдоволь насладиться, ни дурно воспитанные дети, ибо они все истратят. И знаете, почему так происходит? Потому что родители заражены неизлечимой болезнью, которая называется сребролюбием. В объятиях этой болезни они и умрут!

Ибо все другие блага, которые даровал им Бог, оставляют их равнодушными. Так они и умрут, даже не успев насладиться своими сокровищами. А дети их, дойдя до жалкого состояния, будут неспособны сохранить приобретенное родителями! Почему? Да потому, что сохранять гораздо труднее, чем собирать!

Следовательно, правильное воспитание дается не тогда, когда мы хотим или когда нам это удобно. Чаще всего это не так. Для правильного воспитания нужно, чтобы совпали две вещи: чувство воспитательного долга у родителей по отношению к детям и время, благоприятное для воспитания ребенка, а оно точно совпадает с моментом его зачатия; воспитание продолжается в течение всего периода беременности и неуклонно усложняется со дня рождения ребенка до того момента, когда ребенок вырастет.

То, что я вам сейчас говорю, очень важно. Поэтому я хочу, чтобы вы были очень внимательны!

Забота родителей о ребенке начинается с момента, когда он еще находится во чреве своей матери! Да! С тех пор!

Как же можно воспитывать эмбрион, да и вообще ребенка, находящегося во чреве матери? А вот как. Сами мы сделать не можем ничего! Тот же, Который дал зачатие, Он может все! В самом деле, существует ли более великое чудо, чем чудо зачатия? Конечно нет!

Поэтому мы должны обращаться к Богу и горячо просить Его в молитвах, дабы Он позаботился о совершенстве тела и души зачатого ребенка. И Он благодатью Духа Святаго будет заботиться о двоих: и о матери, и о ребенке. Но на этом наши молитвы не заканчиваются.

Наоборот! После рождения младенца, по мере его роста, должны возрастать и наши молитвы.

Таким образом мы на самом деле доверяем Господу правильное воспитание нашего ребенка. А когда наш ребенок находится под непосредственным и постоянным Его наблюдением, когда Господь Сам его охраняет и покрывает, только тогда мы можем быть уверены, что ребенок никогда не собьется с пути.

"Я ТЕБЯ НЕ ЛЮБЛЮ. УХОДИ И НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ"

Если читатель внимательно читал эту книгу, то, вероятно, помнит о том примере послушания, о котором отец Порфирий мне рассказал, желая дать понять, что существует крайнее послушание. Но я все-таки сомневался в реальности этого происшествия.

Напомню вам об одном ворчливом старике аскете, который жил на Святой Горе и у которого ни один из послушников не мог продержаться более двух-трех дней. Когда же отец Порфирий пытался послужить ему, старый монах отправил его обратно, указав при этом на окно. И Батюшка, не теряя времени, выпрыгнул через окно!

В этот рассказ — да простит мне блаженный Старец! — я никогда не мог поверить. Не потому, что сомневался в его искренности — я далек от такого рода подозрений, — просто я не мог себе представить, чтобы Батюшка выпрыгнул в окно, проявляя крайнее послушание выжившему из ума старцу, который измучил всех его предшественников.

Мне это казалось чем-то абсолютно бессмысленным и в то же время недопустимым! Но Господь, так же любивший Батюшку, как и он возлюбил Его, не хотел, чтобы этот батюшкин поступок, совершенный им по послушанию, оставался тайным.

Много лет спустя, а именно в 1978 году, я сподобился увидеть, как Батюшка точно так же выпрыгнул из окна, с одной лишь разницей, что этот случай произошел не на Святой Горе, а в Афинах. И сделал он это не для того странного аскета-святогорца, но ради меня, маловера! Именно ради меня!

Хорошо помню: это был воскресный день 1978 года. Я поехал вместе с семьей навестить Батюшку и провести, как обычно, вместе с ним весь день. Когда мы приехали, там было столько народу, что мы едва могли подойти к нему и получить благословение. Я, правда, успел сказать, что мне очень нужно его видеть, крайне нужно! То же самое сказал и Батюшка, ибо он тоже хотел со мной поговорить.

Значит, надо было подождать, пока разойдется народ, и я хоть раз в жизни должен был проявить послушание. Однако народ все

прибывал и прибывал. Между тем приближалось время обеда. После обеда Батюшке необходимо было отдохнуть по совету лечащих врачей, так как совсем недавно он перенес первый инфаркт.

И в самом деле, отец Порфирий распорядился, чтобы все, кто приехал в скит, подошли к нему под благословение, затем пообедал и прилег отдохнуть, а одна из сестер заперла его в келье, которая тогда находилась на первом этаже. Ключ она унесла с собой, так как нередко Батюшку беспокоили даже в часы его короткого отдыха.

Жена с нашим десятимесячным ребенком отправилась погулять в лес, а я закрылся в своей машине, которую припарковал около кельи Батюшки под громадной сосной, чтобы получше укрыться в ее тени, так как солнце сильно припекало. Там я ждал, когда проснется Батюшка, чтобы его сразу встретить и успеть поговорить по поводу беспокоившей меня проблемы.

А проблема состояла в том, что моя служебная карьера требовала перехода на работу в область. При этом руководство не желало принимать в расчет ни мое семейное положение, ни сложности со здоровьем. Как известно, любое перемещение по службе создает проблемы даже там, где их нет. А уж если они есть, то начинают разрастаться, что и имело место в моем случае.

Итак, я сидел в машине и напряженно ждал, когда же проснется Батюшка. Мысленно я уже невольно осуждал… отца Порфирия за то, что он так долго не просыпается и этим продлевает мои мучения.

Вдруг вижу: отодвигается занавеска на окне в келье Батюшки, распахивается створка окна, оттуда выпрыгивает отец Порфирий и быстрыми шагами направляется ко мне. Видно было, что он очень сердит. Я оцепенел. Подойдя к моей машине, Батюшка начал с силой стучать в окно и громовым голосом требовать, чтобы я вышел.

- Ты чего заперся внутри, словно после родов, и не даешь мне поспать? Ты для того сюда приехал, чтобы запереться внутри машины? Сходи-ка прогуляйся в лесу да подыши свежим воздухом, чтобы легкие твои очистились и кровь прилила к мозгам. Пользуйся тем, что ты сейчас далеко от Афин, с их удушливым грязным воздухом, который настолько вреден человеческому организму, что больницы переполнены раковыми, сердечными и психическими больными! Походи по лесу да посмотри, как мудро создал Господь этот мир! Пойди, подивись величию природы, взгляни на холмы, поляны, лесные

ущелья, горы и оцени их совершенство и мудрость их Творца. Разве ни о чем не говорит тебе гармония, разлитая в природе?!

Я вот старик, больной, однако два-три часа в день хожу, причем быстро. Вот вчера ходил больше трех часов по лесу, меня уже искать собирались. Сегодня, конечно, болят ноги, потому что я был нездоров и не выходил несколько дней, однако я не сдаюсь, потому что знаю, что ходьба полезна для моего сердца, и ты должен знать, что ходьба — лучшее упражнение для сердца. Более того, при ходьбе улучшается работа не только сердца, но и всего человеческого организма, и нервная система приходит в равновесие. А ты тут сидишь столько времени, запершись в машине, и плачешься на свою судьбу, беспокоишь меня, не даешь мне поспать.

- Когда я вас беспокоил, Батюшка? Столько часов сидя в машине, я даже рта не раскрывал! Зачем вы все это мне говорите и огорчаете меня? Разве не довольно с меня других расстройств?

- Не знаю, о чем ты говоришь! Я знаю одно, что ты столько времени меня беспокоишь. Ты постоянно твердишь: "Когда же он проснется? Он все еще спит?". Какой сон? Разве ты дал мне поспать хоть минутку? Ты меня замучил. И не говори, что я тебя расстроил. Господь меня просветил прийти к тебе и сказать об этом, а поскольку дверь моей кельи была заперта, я был вынужден выпрыгнуть в окно, чтобы прийти к тебе. У меня не хватило терпения дождаться, когда откроют дверь, потому что я должен был сию же минуту все тебе сказать! Вот Господь меня и просветил! Ты меня очень расстроил! Поэтому я больше тебя не люблю! Уходи и не возвращайся!

Языком, как известно, можно убить человека, а в устах святого Батюшки такие слова звучали просто убийственно. И это те уста, которые всегда произносили слова сострадания и жалости всем, кто в них нуждался!

Дело приняло серьезный оборот: отец Порфирий не мог остановиться и продолжал сыпать свои безжалостные "обвинения" в мой адрес еще очень долго. Меня спасало то, что, пережив шок от его последней фразы, я пришел в такое замешательство, что уже не понимал его слов. Он все говорил и говорил, а я все слушал. Диалога, в сущности, не было.

Совершенно не помню, в чем он меня обвинял. Помню только, что был он очень жёсток по отношению ко мне, он просто кипел от

возмущения! Однако уважение и любовь к Батюшке запечатали мои уста, и я терпел, не сказав ни слова в свою защиту.

И еще помню, что, проходя вместе со мной по саду скита, который не был еще приведен в порядок, он с силой выдирал встречавшиеся сорняки, несмотря на заграждения, которые недавно были поставлены, желая таким образом показать мне, что работа и движение не только не вредят, но даже необходимы для поддержания здоровья.

И каждую мою попытку воспрепятствовать ему в этой "работе" он резко обрывал, говоря: "Когда имеешь Бога, то ничего не страшно!". И еще: "Тот, кто боится упасть, всегда плетется в хвосте!".

Уже солнце клонилось к закату, а отец Порфирий все продолжал читать мне нотации на ходу, пока мы не дошли до огромной сгоревшей сосны. Кто-то срубил часть дерева, а остальное оставил до следующего дня. Рядом лежал и топор. Как только Батюшка увидел топор, он взял его в руки и начал рубить это огромное дерево.

Тут уж я не выдержал! Я вырвал топор из его рук и закричал:

- Что вы делаете? Вы хотите покончить жизнь самоубийством?

Отец Порфирий не сопротивлялся, как я того ожидал. Он сел на обрубок дерева и внимательно и с большим любопытством стал меня разглядывать, потому что, как он позже мне признался, он никак не ожидал, что я с такой легкостью смогу вырвать из его рук столь острое и опасное оружие. Конечно, он не знал, что уже в раннем детстве я много занимался рубкой леса, обеспечивая дровами всю нашу деревню.

Я начал очень быстро, еще не остыв от полученного ужасного "нагоняя", орудовать топором, пока не срубил остатки дерева и не разрубил их на части. Отец Порфирий был очень доволен результатами моей работы, в которую вылились весь мой эгоизм и самолюбие. В любом случае мне нужна была разрядка, чтобы выйти из того ужасного состояния, в котором я тогда находился.

Батюшка встал, подошел ко мне и сказал:

- Смотри-ка, у тебя, оказывается, большие способности! Только ты, к сожалению, не хочешь их использовать. Так прекрасно нарубленных дров и так хорошо уложенных я еще никогда не видел. Даже самый лучший дровосек так бы не сделал. Это как раз то, что нужно для моей печки. Да ты и в самом деле способен на все! Только не делаешь того, чего тебе не хочется. Вот почему я так плохо с тобой

говорил. Я хотел, чтобы ты обрел свое прежнее состояние, освободившись от груза проблем. У меня не было другого выхода. Так меня просветил Господь! Я вижу, что ты "сложил оружие". И конечно, не вовремя! Разумеется, я тебя очень расстроил, знаю. Но я расстроился из-за тебя еще больше, и, как ты знаешь, я ведь очень болен. Чего ты хочешь от меня? Ты хочешь, чтобы я умер? Почему ты не отвечаешь? Я тебя спрашиваю! Ты хочешь, чтобы я умер?..

Я молчал.

- Уже темнеет. Прекрати работу, не то поранишь себя. Скажи правду, что ты сделал с крестом, который я тебе дал? Разве я тебе не говорил, чтобы он всегда был с тобой? Я сам его сделал. Своими руками. Дал тебе. Знаешь ли ты, что это за крест? Я так долго держал его на Святом Гробе Господнем! И столь же долго — на Честном Животворящем Кресте! Я тебе говорил, чтобы ты каждый раз, когда идешь ко мне, показывал мне его. Дай-ка я на него посмотрю.

Молча я извлек крест из кармана и показал ему. Он взял его, перекрестился, поцеловал и вернул мне.

Крест этот имеет свою историю. Когда меня перевели на работу в область, мне сообщили об этом телеграммой. В результате я вынужден был немедленно выехать, не успев сообщить об этом Батюшке (у него в то время не было телефона). Когда через месяц я вернулся в Афины, я стал искать Батюшку, но напрасно! Мне сообщили, что с ним случился инфаркт и после недолгого пребывания в больнице он поселился в доме у друзей, которые за ним ухаживают. Адрес этого дома от меня тщательно скрывали.

После того как, приложив сверхчеловеческие усилия, мне все же удалось отыскать отца Порфирия за пределами Афин, я вынужден был ему все рассказать на исповеди, которая длилась достаточно долго. Исповедовал он меня в лесу.

- Когда и кому я говорил, чтобы меня от тебя скрывали, дитя мое? Видишь ли, мои духовные чада делают все по своему усмотрению. И плохо делают, отчего страдают другие мои духовные дети. А сейчас подойди ко мне, я прочту над тобой молитву, и все будет хорошо.

Потом Батюшка сказал:

- Дай-ка мне ту вещицу, которую тебе кто-то подарил.

Я ему отдал. Он многократно начал крестить ее, шепча какую-то молитву, а потом с силой бросил в лес.

- Теперь возьми вот этот крест, и он будет тебя хранить. И смотри не потеряй его. Каждый раз, когда будешь у меня, ты мне его показывай. Ты слышишь?

И действительно, всякий раз он просил показывать ему крест! То же было и при нашей последней встрече, прежде чем Батюшка совершил свое последнее путешествие в вечность. Теперь у меня нет необходимости показывать ему крест… Он его видит оттуда сам!

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Многие, знавшие отца Порфирия, были убеждены в том, что я — его любимое духовное чадо. И действительно, нас с Батюшкой связывало многолетнее знакомство. Мы с ним встречались несчетное количество раз и подолгу беседовали, и так было на протяжении многих лет.

Однако у меня свой взгляд на этот вопрос. Я знаю, что Батюшка меня очень любил, но ничуть не сильнее, чем я его. Я согласен с тем, что он был ко мне очень внимателен и я пользовался его особым ко мне расположением, но я категорически отрицаю, что был его любимчиком. Скорее, я был самым трудновоспитуемым его чадом. Эксплуатируя его любовь, я злоупотреблял его добротой и очень потребительски к ней относился. Да простит он меня за это!

Кроме того, Батюшка не разделял своих чад на любимчиков и не любимчиков: он всех одинаково любил!

Другое дело, что мы все без исключения — и я первый — пытались заполучить… место Иоанна! Какого Иоанна? Да того ученика Иисуса, Иоанна Богослова, которого "Он любил"!

И, разумеется, одно дело — мечтать или горячо желать чего-то, а другое — то, что нам реально удается и что мы в конце концов получаем.

Таким образом, все мои помыслы и мечты были направлены на то, чтобы занять "место Иоанна" возле отца Порфирия. И так продолжалось ровно до того момента, когда блаженный Старец выпрыгнул из окна своей кельи в скиту, для того чтобы сказать мне то самое ужасное и незабываемое: "Уходи! И больше не возвращайся! Я тебя не люблю!".

После этого многое изменилось — ведь известно: кто был первым, будет последним, а последний — первым! Счастливым стал кто-то другой.

С того самого момента борьба за "первое место", как бы мы сказали, сменилась борьбой за сохранение звания духовного чада отца Порфирия. Ведь он ясно тогда сказал: "Убирайся и больше не приходи". То есть прогоняет не временно, но навсегда! Он как бы

говорит: "Я не желаю тебя больше видеть!". И объясняет почему. Потому что не любит! Очень жесткая постановка вопроса. Поэтому и принять ее было чрезвычайно трудно, ибо приказ исходил не от кого-нибудь, а от отца Порфирия, от святого человека!

Будь это мой родственник или друг, я бы легче ему противостоял или же дал соответствующий отпор, так как я с детства научился угощать каждого из той же чаши, из которой угощают меня[39]! Но как защищаться здесь и что при этом делать? Положение мое было не из легких.

Я решил испить эту горькую чашу до дна и потому отвечал молчанием, но оно, однако, говорило о многом. Очень о многом! И лучше всяких слов!

Итак, в тот злополучный день, погрузившись в молчание, переполненный чувствами печали, боли и гнева, я выехал поздно вечером из скита и вернулся в Афины. Как я тогда добрался до дома и в котором часу, лучше не спрашивать…

Фактически с того дня мои "дипломатические отношения" с Батюшкой прервались! Никакого контакта. Ни по телефону, ни в обычной общей с ним молитве! "Сущий албанец", как привык называть меня Батюшка, хотя и не верил в это.

С того дня я сам вынужден был действовать, вступив в борьбу за преодоление свалившихся на меня трудностей, связанных с моим переводом по службе. Поэтому я немедленно воспользовался положенным мне отпуском, чтобы попытаться разрешить их так, как мне это представлялось.

Но, увы, вдали от Бога и, конечно же, без молитв и предстательства Батюшки перед Господом решение не находилось. Так проходили дни и ночи, и все оставалось по-прежнему. Зато препятствий было предостаточно! Казалось, все двери для меня закрылись! В результате этих нервных потрясений у меня началась бессонница. К счастью, все тяготы мы делили вместе с женой, но с каждым днем положение наше только осложнялось.

Как-то раз, в одну из таких бессонных ночей, когда стрелки часов показывали далеко за три, жена, совершенно измучившись, наконец заснула. Заметив, что она спит, я внутренне высказал в ее адрес те слова, которые когда-то сказал Иисус Своим спящим ученикам на горе Елеонской, вернувшись после молитвы. Он просил их бодрствовать

вместе с Ним!.. Но, с другой стороны, сколько же она могла терпеть? Она столько выстрадала вместе со мной! Как сказал Господь, *дух бодр, плоть же немощна*[40].

Это последнее разочарование убедило меня наконец, что наступило время… возвращения "блудного сына". Иначе говоря, я должен вернуться к своему духовному отцу, к отцу Порфирию!

Но как вернуться чаду к отцу, который его прогнал самым жестоким образом и к тому же не желал его возвращения, заявив, что он его не любит? Однако другого выхода не было. Поэтому, уповая на батюшкино великодушие, которым я столько пользовался, я решил "рискнуть" вернуться к нему, надеясь, что и Господь Бог не оставит меня на пути моего подлинного покаяния.

Я начал с того, что стал призывать на помощь отца Порфирия, как он меня учил когда-то, в самом начале нашего знакомства. И — о чудо! — известие было принято! И ответ был незамедлительным! Мгновенным! Еще прежде чем я успел высказать свою просьбу, он поспешил ее исполнить! Он пришел ко мне немедленно, на деле проявив свою любовь, несмотря на то что сам в тот злосчастный день отрицал ее.

Он начал гладить мои руки и голову. Движения его рук спускались ото лба вниз, к основанию черепа. Они были такими безыскусными и мягкими, что напоминали ласку маленького ребенка, доставляя мне несказанную радость, упоение и счастье! В абсолютной тишине ночи я ощущал шелест моих волос, ниспадающих после батюшкиного поглаживания.

Я был совершенно неподвижен, боясь потерять эту тихую радость, это божественное объятие. Так продолжалось некоторое время. Придя в себя, я испугался. Внезапно меня охватил страх, и в тот же момент поглаживание прекратилось. В поисках объяснения происшедшего я было обратился к жене, но она спала глубоким сном, и, несмотря на все усилия, разбудить ее мне не удалось. Между тем напавший на меня страх перешел в панику!

Вообразите себя на моем месте и представьте, что две невидимые руки ласкают вашу голову в ночной тишине, и вы поймете, каково было мне тогда.

Вдруг перед моим мысленным взором возник образ отца Порфирия — точно такой, каким я его видел в последний раз. И как ни

странно, я внезапно успокоился. Все исчезло в мгновение ока! Страх сменился тишиной, покоем и радостью!

Остаток этой святой ночи, когда Батюшка посетил мой дом, я провел радостный и успокоенный. А ведь это я задумал прийти к нему, но, как говорится, "если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету"… Наконец я окончательно пришел в себя, осознав, как глубоко был не прав по отношению к Батюшке, осуждая его в мыслях и в тот злополучный день, и во все последующие дни.

Где-то в глубине души я понимал, что не мог Батюшка вот так, в одну минуту, вычеркнуть меня из своего сердца, да еще по той причине, что я его "беспокоил" не словом или делом, но просто мыслью! Это было бы в высшей степени несправедливо! Если Иисус не отринул Своего ученика Петра, который трижды от Него отрекся в одну ночь, так мог ли Батюшка отказаться от меня только потому, что я его мысленно "побеспокоил"?

Господь не только не отринул Петра, но и поспешил к нему на помощь, когда тот находился в отчаянии после своего отречения. *Скажите ученикам и Петру*[41],- были его слова.

Так и Батюшка своим ночным визитом хотел уберечь меня от отчаяния и сомнения в том, смогу ли я оставаться его духовным чадом. Верю, уповаю и надеюсь, что он меня простил, несмотря на то что я столько огорчал его, сам того не желая.

"ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА" И ПРОЕКТ СКИТА

После ночного визита отца Порфирия в мой дом мне ничего другого не оставалось, как вернуться к нему. В то же время возвращение означало, что я сдался. Однако такой поворот дела меня совершенно не беспокоил. Тем более что причиной прерванных отношений был не недостаток послушания, а то "мысленное" беспокойство, которое я причинил Батюшке без всякого злого умысла, по неведению.

Я ведь тогда еще не знал, что отец Порфирий в Духе Божием слышит все и что *от него ропот не скроется*[42]. даже тогда, когда он спит. Я-то полагал, что он действительно спит у себя в келье и не чувствует, как я с нетерпением ожидаю его выхода и дохожу до отчаяния.

Но, хотя здоровье Батюшки было подорвано, он не знал покоя ни днем ни ночью, ибо, как говорит Писание, *я сплю, а сердце мое бодрствует*[43]. Итак, препятствий для моего возвращения к духовному отцу не существовало! Я должен решиться!

И я решился.

В тот же день я отправился к Батюшке. Как я оказался в Милеси, сам не помню. Я прошел в его келью, но там его не было; поискал в других местах, где он часто бывал, — тоже нет. Тогда я спросил женщин, работающих при ските, и они сказали, что Батюшка находится на стройке и сам следит за строительными работами.

Я направился туда и увидел, что он сидит на камне и наблюдает, как ведутся работы по проекту, который он сам разработал. Я издали пытался угадать, в каком Батюшка настроении. Мне показалось, что в хорошем. По мере того как я к нему приближался, он становился все радостнее. Когда же я подошел к нему совсем близко, лицо его просияло!

Отец Порфирий встал и, улыбаясь, обнял меня; мы расцеловались. При этом оба очень волновались. Помолчали, потом я спросил:

— Вам что-нибудь напоминает эта сцена, Батюшка?

- Нет. А тебе?
- Напоминает.
- Что именно?
- "Возвращение блудного сына"…
- Ты к этому не имеешь никакого отношения. Ты никогда не был "блудным сыном" и никогда им не будешь. Единственный твой недостаток — твоя ранимость: ты совсем не выносишь, когда тебя обижают. Но ты в этом не виноват, это у тебя наследственное. Таким же был твой родитель, отец Иоанн.

Чрезмерная уязвимость устраивает тех, кто ею пользуется. И это, конечно, очень плохо. От излишней чувствительности — все болезни. Поэтому постарайся от нее избавиться. Или хотя бы ограничить ее. Иначе ты нанесешь вред не только себе, но и своей семье, которая, в конце концов, ни при чем. И тебе не следовало подвергать свою жену мучениям, к тому же совсем бессмысленным.

Что же касается оскорблений, то, конечно, кто же их принимает с удовольствием? А тем более ты, потому что ты горд и другие тебя почитают, а не оскорбляют. Ведь и ты не обижаешь и не оскорбляешь людей. Все мы — жертвы оскорблений, так как, когда нас оскорбляют, страдает наше самолюбие.

Что мы понимаем под словом "оскорбление"? Тебе это лучше известно — это когда тебе наносят нравственный урон, разрушают твой авторитет в глазах людей. А как предусмотреть, дитя мое, такую ситуацию? Конечно же, было бы справедливо, если бы никто никого не обижал и сам не обижался бы ни на кого. Однако это трудно. Но именно к этому стремится Христова Церковь.

Бывают, правда, случаи, когда Господь попускает испытание нашего терпения и веры. И знаешь, чадо мое, почему? Потому что теоретически все мы веруем и всем нам можно поставить одну оценку — "отлично". Тогда как практически мы расточаем себя в мелочах и терпим крах… И очень мало таких людей, кто постигает основу веры.

Ты теперь меня спросишь: ты-то, Батюшка, выполняешь волю Господа? Что мне тебе сказать, чадо мое? Я всю жизнь положил на это. И не знаю, достиг ли? Только Он знает. Я уже тебе говорил: только милосердие Его спасает нас!

Ну что, ты все еще продолжаешь верить, что я тебя не люблю? И это после стольких лет нашего знакомства?!

Я молчал, надеясь, что Батюшка продолжит свои откровения и скажет что-нибудь о своем ночном визите. Но он уклонился от дальнейшего разговора.

- Садись-ка вот тут, со мной рядом.

Я сел там, где он мне указал, прямо у его ног, и коснулся плечами его колен, как бы прося его любви, нежности, защиты и покровительства, в которых я так нуждался, особенно после того страшного испытания, которое перенес.

Так мы просидели около двух часов, наблюдая за работой экскаваторов, которые копали большую и глубокую яму.

Наконец я спросил отца Порфирия, что он собирается делать на этом месте. Он ответил:

- Здесь мы поставим цистерну для воды. Как видишь, она будет очень большая: шестьсот кубических метров. Вполне достаточно, чтобы покрыть нужды скита. Над цистерной будет здание с кельями, но основные кельи построят вон там, подальше, — и он указал место.

- После постройки келий начнется строительство церкви Преображения Господня. Храм планируется очень больших размеров, так что его купол будет виден с побережья. Внизу храма устроим большой актовый зал для чтения лекций. В центре зала поставим кафедру для выступающих: профессоров университета и других ученых специалистов и теологов. Надеюсь, их лекции принесут пользу слушателям.

Здесь мы создадим духовный центр, благодаря которому спасутся тысячи душ.

Вон там, напротив, будут построены туалеты для приезжих, так как сюда будет приезжать очень много народу со всей Греции и из-за границы. Как ездят теперь к Божией Матери на остров Тинос и на Эгину к святому Нектарию, так и сюда будут приезжать.

А вот тут построим усыпальницу. Она будет находиться почти под землей, и спуститься туда можно будет по ступеням. Она станет местом захоронения множества усопших святых, которые будут монашествовать в этом скиту. Знаешь, где именно? Как раз в том месте, где мы похоронили одного новорожденного младенца-ангелочка. Я тебе уже показывал это место во время одной из прогулок.

Но теперь самое главное — это постройка келий, чтобы мы могли принимать людей, потому что зимой начнутся снегопады, будет холодно и сыро. А так как церкви у нас нет, люди будут вынуждены из скита ездить в районный храм или в Милеси.

- Теперь, Батюшка, когда вы сказали, что здесь будет церковь, я хотел бы сделать вам одно предложение.

- Какое же? Послушаем.

- Позвольте мне сделать икону Преображения Господня для новой церкви.

- Нет! Потому что все иконы будут написаны на Афоне. Они должны быть выполнены в едином стиле. А теперь идем. Что-то я себя неважно чувствую. Очень устал. Пора обедать. А потом придет народ, и я не успею отдохнуть, а мне это необходимо.

Так не спеша мы дошли до домика на колесах. Батюшка поел, прилег отдохнуть, а мне дал книгу, чтобы я не скучал. Вскоре он заснул, а я стал читать и вместе с тем наблюдал за ним.

Прошло довольно много времени. Батюшка лежал неподвижно, я же чувствовал себя неловко. Подошел к нему ближе, чтобы посмотреть, дышит ли он. Но и дыхания не было слышно! Тогда я поискал пульс на его руке — пульса тоже не было!

Я начал волноваться. Вышел из кельи, надеясь найти кого-нибудь из скитских сестер, но, к несчастью, никого не было, так как в этот час все обычно отдыхали. Я вернулся в домик к Батюшке и нашел его все в том же состоянии. Я поднял его руку, но она упала, словно парализованная. Тогда мое беспокойство достигло апогея. Я изо всех сил начал его расталкивать, чтобы он проснулся, но и это не помогло.

Отец Порфирий проснулся тогда, когда сам захотел. Выглядел он посвежевшим и совершенно спокойным, словно ничего не произошло. Он улыбнулся мне и начал говорить с большим воодушевлением. Я же после пережитого шока не мог уловить ход его мыслей. Странный это был сон! Не физиологический, а, скорее, похожий на смерть. Я сам убедился, что ни один из основных органов его тела не работал. Конечно, я не врач, но все же я в состоянии понять, дышит ли человек и есть ли у него пульс!

У отца Порфирия отсутствовало и то, и другое: и дыхание, и пульс. Я до сих пор думаю, что в тот момент Батюшка находился в каком-то другом состоянии, в другом мире, в другой жизни. На кровати

лежало только его тело, а дух его отсутствовал! Я в этом абсолютно уверен.

Все эти события, включая его ночной визит в мой дом, страшно меня взволновали, и не просто взволновали, но и напугали. Поэтому, очевидно, отец Порфирий единственный раз в жизни настоял на том, чтобы я у него остался, несмотря на то что я торопился, надеясь добраться до дома засветло. Вот такой выдался денек!

Я намеренно избегал разговора о его ночном визите, хотя Батюшка этого ждал и вызывал меня на откровенность. Но то, что не произнесли уста, можно было понять по глазам. И если на самом деле отец Порфирий имел Божий дар читать мои мысли, то и я умел читать в его глазах больше того, что он говорил. В конце концов все закончилось очень хорошо. Наши недоразумения и размолвки ушли в прошлое.

НАСТОЙЧИВОСТЬ И "БУТЫЛЬ"

В течение многих лет меня занимал один очень важный вопрос личного характера. Я никак не мог его решить и Батюшке из-за этого не давал покоя. При каждой нашей встрече мы должны были хоть несколько слов сказать на тему, известную нам обоим.

Разумеется, каждый раз Батюшка пытался меня успокоить, несмотря на то что и сам видел все препятствия, которые стояли на пути разрешения этой проблемы.

Батюшкины отговорки меня не устраивали, хотя мы подолгу беседовали об этом. Батюшка приводил много серьезных и мудрых аргументов, а я имел дерзость возражать ему, говоря: "Батюшка, не убеждайте меня, все равно не убедите!".

Отец Порфирий тогда очень расстраивался, хотя и я расстраивался не меньше, чем он сам. Порой мое огорчение переходило границы разумного, и я впадал в отчаяние. Я понимал, что это моя личная проблема и решения в будущем не предвидится.

Батюшка с помощью благодати Божией видел, вернее, прозревал безнадежность моего положения. Однако моя настойчивость становилась требовательной, претензиям моим не было предела. Я доходил до того, что уже не просил у Бога, а требовал, чтобы Он разрешил мои трудности! Вдобавок я требовал еще и… отчета, почему Он "запаздывает"! Как ни печально, но все, к сожалению, было именно так.

Понимая ситуацию, старец Порфирий имел намерение меня образумить. Однажды он предложил прогуляться вместе с ним по лесу, так как, по его словам, он долго не выходил на воздух. Однако, как оказалось, цель у Батюшки была иная, а прогулка была лишь предлогом.

Итак, мы шли рядом по сосновому лесу, и отец Порфирий говорил мне о величии Божием, которое выражает вся природа; о том, что это величие проявляется и в самом малом кустике, и в высочайшем дереве. Вдруг, обернувшись ко мне, он спросил:

- Можешь ли ты мне сказать, сколько иголок на этой сосне?

- Миллионы…

- Миллионы. Да, но я хотел бы знать точно.

- Чтобы сказать точно, надобно их сосчитать.

- Никогда ты не сможешь их сосчитать, даже если всю свою жизнь посвятишь этому! И не только потому, что они бесчисленны, что их миллионы, как ты правильно заметил, но и потому, что каждый раз у тебя получались бы разные результаты! Так вот, ни ты, ни я этого знать не можем и не узнаем никогда. Только Бог знает, даже не считая их. И Он знает количество иголок не только на этой сосне, но и на каждой из них. Ему ведомо также, сколько листьев на каждом дереве, большом или малом. И, что самое важное, Он наблюдает за ними и хранит каждое из них со дня рождения до дня гибели. И Он знает, когда каждое из деревьев упадет. Так же точно Ему ведомо, сколько волос на твоей и моей голове, сколько волос на голове у каждого человека, и ни один волосок не упадет без того, чтобы Он этого не знал, а в особенности если не будет на то воли Его!

Итак, если Бог знает такие маловажные вещи, как число листьев на деревьях, число волос на голове каждого человека и заботится обо всем, то может ли быть, чтобы Он не знал о твоей проблеме? Более того, чтобы Он был безразличен к ней? Конечно нет! Тысячу раз нет! Следовательно, что происходит?

- Я не знаю, Батюшка. Вы мне скажите, что происходит?

- Почему я тебе должен это говорить и почему сам ты этого не понимаешь? Ты ученый, ты сын священника, ты вырос в церкви, твой родной отец — отец Иоанн, святой человек. Он ежедневно учил тебя нашей святой вере, ты столько книг прочел и столько лет являешься моим духовным сыном и, однако, до сих пор не понимаешь, почему в таких случаях Господь отказывается нам что-либо дать?

Я молчал.

- Так вот. Когда Бог нам чего-то не дает, а мы продолжаем от Него упорно требовать, то Он молчит. И это случается по двум причинам: либо Он нам не дает чего-то ради нашего блага, либо мы не знаем, что и когда просить у Него. Не исключено, что в данном случае обе причины имеют место.

Что касается первой причины, то никто не может сказать, почему Бог не откликается. Ибо пути Господни неисследимы и неисповедимы! Поэтому мне нечего тебе сказать. Что же касается второго, то я мог бы многое тебе объяснить.

Прежде всего, когда мы чего-то просим у Господа, мы не должны упорно говорить: "Сейчас я хочу этого". Это не только недопустимо, но и есть великое неуважение к Создателю нашему. Кто ты такой или, если хочешь, кто я такой, что могу требовать чего-либо от Господа, да еще назначать ему время, когда Он должен это сделать?

- Но, Батюшка, я не требовал и не ставил временных пределов, вы же знаете. Но вопрос этот так затянулся…

- Именно причину задержки я тебе и объясняю. В течение определенного времени мы чего-то просим у Бога, но когда видим, что Бог нам отказывает, мы перестаем просить и беспокоить Его, поскольку чем больше мы требуем, тем дальше Он отходит от нас. Поэтому мы должны перестать требовать. И когда мы уже почти забудем об этом, оно само придет, и мы даже не поймем откуда. Потому что Бог не забывает. Он принял от нас просьбу. Он ее знает, и, когда Сам увидит, что настало время исполнить ее, Он нам дарует просимое.

Итак, мы не должны требовать у Бога то, чего хотим, и тогда, когда хотим. Настойчивость в этих случаях противопоказана. Когда же человек упорствует, как ты например, это до добра не доведет. Вообще, чадо мое, я хочу, чтобы ты понял: мы не должны настаивать на том, чтобы Бог изменил Свою волю. Мы должны все предоставить Его святой воле.

Упорство же наше подобно погоне за тенью: сколько бы ты ни бежал за ней, ты ее не поймаешь. Бежишь ты — убегает она. Ты понял, чадо мое, что я тебе сказал об упорстве?

- Понял, Батюшка, но я не могу согласиться…

- Тогда я приведу тебе один пример, и ты согласишься со мной. Возьмем большую бутыль, имеющую такое отверстие, что туда свободно может войти твоя рука и, разумеется, выйти обратно. Но если ты, держа руку в бутыли, сожмешь ее в кулак, то, сколько бы ты ни старался вытащить ее из бутыли, ты не сможешь этого сделать. Ты можешь упорствовать дни, месяцы, годы, но безрезультатно. Однако как только ты разожмешь кулак и раскроешь пальцы, твоя рука выйдет из бутыли так же свободно, как и вошла внутрь!

То же и с твоей проблемой. Чем больше ты настаиваешь на ее решении, тем больше оно удаляется от тебя. И помни, что я тебе скажу: если ты хочешь, чтобы твоя проблема успешно разрешилась,

перестань упорствовать. Бог знает твои обстоятельства. Ты сделал "запрос". Ему решать. Жди Его ответа спокойно и с верой. Если ты будешь так поступать, то дождешься положительного результата. Если же будешь настаивать на своем, то результат будет обратным.

Я тебе советую: перестань заниматься своим вопросом сам, если ты хочешь, чтобы им занимался Бог!

- А как же: *стучите, и отворят вам, просите, и дано будет вам*[44]? Как с этим быть, Батюшка? Разве к моему случаю это не подходит? Если я перестану стучать в дверь Божию, то кто мне ее откроет? И если я перестану просить, кто мне даст?

- Это зависит от того, как ты стучишь, чтобы тебе открыли, и, опять же, как ты просишь, чтобы тебе дали. Если, например, ты стучишь нагло и с угрозами, будь уверен, что дверь для тебя не откроется никогда. И даже если она откроется, то не жди, что тебя примет хозяин, скорее всего, тебя изобьют! Если же ты будешь стучать в дверь деликатно и умоляюще, то она широко перед тобой распахнется, и хозяин дома окажет тебе всяческое гостеприимство!

Ведь так же и здесь, на грешной земле: если ты требуешь и угрожаешь, то никогда ничего не получишь! Если же ты просишь деликатно и умоляюще, то сразу получишь просимое.

В еще большей степени это относится к Богу. Он ни от кого не принимает ни давления, ни наглости, ни тем более угроз. Горе тому, с кем такое случается!

Теперь видишь, что недостаточно просто стучать, но надобно стучать так, чтобы нам открыли. Так и у Господа: дело не в количестве наших прошений, а в том, как мы подаем их Ему.

- Тогда, Батюшка, почему же вы не попросите у Бога удовлетворить мою просьбу, если вы так хорошо знаете, как надобно стучаться в дверь, как просить, и имеете перед Ним великое дерзновение?

- Потому что, чадо мое, и я не хочу настаивать перед Богом. И тебе не советую. Никогда в молитвах не принуждай Господа. Прояви выдержку и терпеливо жди — и увидишь, какую пользу тебе это принесет.

ОТЕЦ ПОРФИРИЙ ПРИМЕНЯЕТ "МЕСТНУЮ АНЕСТЕЗИЮ"

Когда отец Порфирий был еще молодым и служил в храме Святого Герасима при Афинской Поликлинике, у моей старшей сестры, Екатерины, случилась неприятность: на лице появился фурункул. Он ее очень беспокоил не только потому, что был болезненным, но и своей неэстетичностью, потому что образовался на самом видном месте. Увеличиваясь и кровоточа, он вызывал у сестры невыносимые страдания, не только физические, но и душевные, так как время шло, а болезнь не проходила, наводя ее на самые грустные размышления.

По этой причине она посетила множество врачей-дерматологов и врачей других специальностей, но результат был нулевым. Каждый из врачей либо соглашался, либо не соглашался с диагнозом других и ограничивался заменой одних лекарств и мазей на другие, настаивая при этом на повторном обследовании.

После таких мучительных процедур сестра наконец попросила меня, чтобы я отвел ее к отцу Порфирию. Ее настойчивость и беспокойство заставили меня исполнить ее просьбу, которая к тому же стала и моей просьбой.

На следующий же день мы отправились к нашему Батюшке. У него был такой вид, словно он нас ожидал:

- А, это ты, Екатерина? Какая же ты чувствительная, словно сам отец Иоанн! Ничего ты ему не оставила, да благословит тебя Господь! Что ты так расстраиваешься и беспокоишься? Имея в своем доме святого, своего отца, вы еще и боитесь. Тогда что же говорить о других? Теперь иди сюда, я прочту над тобой молитву, и все будет хорошо.

Он пошел с ней в исповедальню, перекрестил ее Крестом, в котором находилось Честное Древо, и сказал:

- Пойдем-ка с тобой в поликлинику, чтобы и врачи тебя посмотрели.

- Нет, Батюшка, больше не хочу к врачам. Я от них устала. Я пришла к вам, чтобы вы меня перекрестили, а вовсе не для того, чтобы

опять связываться с врачами.

- Да, Екатерина, но это новообразование следует удалить, иначе оно переродится в злокачественную опухоль, в данном случае — рак кожи.

- Но, Батюшка, раз вы его перекрестили, оно пройдет.

- Если бы это было в Божием плане, если бы его исцелила Божия благодать, тогда бы не благословил меня Господь вести тебя к врачу. Кроме того, вера наша совсем не против науки. Как наука не воюет с религией, так и наоборот. Наука и религия сосуществуют, дополняя одна другую.

Наука без веры осуждена на неудачу. Ученый, который не верит в Бога, может только зло причинить. Особенно тесно связана с нашей верой медицина. Вы не замечали, что некоторые врачи, выписывая рецепт, ставят две вертикальные и две горизонтальные линии? Знаете, что это означает?

Екатерина молчала.

- Ты, Анаргире, можешь нам это объяснить? — спросил он, обращаясь ко мне.

- Да, Батюшка.

- Что же?

- "Cum Deo"!

- То есть?

- "С Богом"!

- Да тебе нужно врачом быть, все-то ты знаешь… Видите, с чего начинают врачи? Дают вам лекарство, но прежде призывают на помощь Бога. А когда лекарства ничем не могут помочь, тогда не тело болит, а душа. А терапию души мы обретем только у Христа! Понимаешь, Екатерина? Душу нашу исцеляет только Христос! Идем теперь к врачу, чтобы сделать тебе прижигание.

Взяв нас обоих за руки, он повел нас через особый вход, соединявший храм с поликлиникой, в дерматологическое отделение. Пока мы шли, все встречные приветствовали Батюшку, выражая свою любовь и уважение. Врачи, медперсонал, служащие, а также больные спешили поцеловать его руку и получить благословение. Чтобы не мешать этим горячим проявлениям чувств, которые меня поразили, я был вынужден идти на некотором расстоянии от Батюшки.

Отец Порфирий вошел с моей сестрой в дерматологическое отделение, а мне посоветовал подождать в вестибюле, так как я, по его словам, "малодушен" и не смогу видеть операцию.

Врачи полностью подтвердили диагноз Батюшки: немедленно делать прижигание! Но не согласились с ним только в одном — каким образом делать эту операцию. Они настаивали на местной анестезии, потому что операция болезненная и довольно длительная. Сестра моя была не против. Батюшка же с ними не соглашался.

- Делайте операцию, — сказал он врачам, — я буду держать ее за руку, и она не будет чувствовать боли! Даже и не поймет ничего!

И действительно! Как потом мне рассказывала сестра, отец Порфирий встал со стула, подошел к операционному столу и с чувством полной уверенности в себе взял ее руку, пощупал пульс и предложил начать прижигание.

Врачи смотрели на него в остолбенении. Он, однако, настаивал. В конце концов они подчинились. Прижигание делали согласно указаниям Батюшки и без всякого наркоза. Скорее всего, анестезию… делал Батюшка, держа сестру за руку и наблюдая за пульсом во время операции. По словам Екатерины, с того момента, как Батюшка взял ее за руку, она почувствовала какое-то внутреннее изменение. Страх сменился необходимым мужеством, трепет — небывалым спокойствием. Быстрый пульс стал ритмичным. Что касается боли, то она ее не чувствовала. Скорее, появилось чувство эйфории, и она ощущала лишь запах гари от сжигаемой плоти. Вообще у нее было чувство полной отрешенности, как будто все происходит не с ней. И так — в продолжение всей операции.

Когда все закончилось, дверь дерматологического отделения открылась, и я увидел отца Порфирия, держащего за руку мою сестру. Оба были радостными и успокоенными.

- Все закончилось благополучно по твоим молитвам, Анаргире! Не понадобились ни анестезия, ни болеутоляющие уколы, ни что-либо другое. Бог был с нами и не дал ей почувствовать боли. Ну а теперь, с Богом! И да благословит вас Господь!

БАТЮШКА "НАБЛЮДАЕТ" ЗА НАШИМИ МОЛИТВАМИ

В письме-завещании, которое отец Порфирий оставил своим духовным чадам, он дважды обращается к теме молитвы. Он пишет: "Я очень много молился, когда мне было двенадцать — пятнадцать лет, — и далее, обращаясь ко всем нам, увещевает нас: — Прошу всех, кто меня знал, молиться обо мне, ибо и я, когда был в силах, смиренно возносил молитвы о вас к Богу… и своим духовным чадам я всегда желал, чтобы они любили Бога, Который есть все…".

Эти строки свидетельствуют о том, что Батюшка молился, и, конечно, очень много молился! И молился он не только за себя, но главным образом за других, особенно за своих духовных чад, дабы они сподобились войти в нерукотворный Храм Божий!

То, что Батюшка очень много молился, я могу утверждать с полной уверенностью, так как долгое время провел рядом с ним, многое видел и знаю. Сама его жизнь была непрестанной молитвой! Он молился в церкви, молился в дороге, молился дома — всюду и всегда.

Отец Порфирий был прежде всего делателем непрестанной молитвы. И главное, его молитвы всегда были о других и почти никогда о себе. Если он что-то просил у Господа, то просил для чад своих духовных, молился обо всем мире. "И в особенности, — говорил Батюшка, — я молился о тех, кто просил меня молиться о них".

Для себя же самого он просил только одного — спасения души. Ничего другого! Даже когда он тяжко страдал от многочисленных болезней, которые годами его мучили, он никогда не нарушал этого правила. Никогда, ни разу он не попросил Бога исцелить его, потому что, по его убеждению, "болезнь есть Божие посещение!". И горе тому, кого она не посетит! Такой человек уже здесь, на земле, погиб, потому что здоровому, так же как и богатому, далеко до Царствия Небесного. И богатый, и здоровый имеют равные возможности быть не принятыми в райские обители, оказаться вне чертога брачного.

- Молитесь обо мне, — говорил он нам, — потому что я — великий грешник и не могу сам поднять все бремя моих беззаконий и

тяжких недугов. Просите Бога, чтобы Он смилостивился надо мной и поддержал меня.

Однажды, войдя к отцу Порфирию, я увидел, как тяжко он страдает: он был не в состоянии ни поздороваться со мной, ни вытереть пот, от сильной боли градом катившийся с его святого чела. Тогда я сказал ему:

- Вы, Батюшка, совершили столько чудес! Вы излечили столько неизлечимых недугов, как мне известно, даже рак! Вы имеете такое великое дерзновение перед Богом, что сомневаюсь, чтобы кто-либо другой на земле имел такое же дерзновение. Почему же вы не используете его и не попросите у Бога, чтобы Он избавил вас от этих мучений?

- Этого, чадо мое, я никогда не сделаю!

- Но почему? Вы же не просите о чем-то плохом?

- Потому что я не хочу принуждать Бога!

Ответ отца Порфирия меня удивил и совершенно обезоружил. Я молча продолжал сидеть около него, чтобы как-то его поддержать в эти трудные минуты. Наблюдая за ним, я видел, как спокойно и терпеливо отец Порфирий переносил свою болезнь.

За все время этого тяжелейшего для него испытания я не услышал из его уст ни слова ропота, протеста или просьбы, ничего такого, что имело бы отношение к болезни и выражало бы его недовольство столь суровым обращением с ним со стороны Господа Иисуса. Наоборот, несчетное количество раз этот святой человек, насколько улавливал мой слух, повторял лишь два дорогих ему слова: "Иисусе мой! Иисусе мой! Иисусе мой!".

Сладость, печаль и боль, соединившиеся в этих двух словах, разрывали мое сердце! Казалось, что в эти тягостные часы Батюшка прилагал все усилия, дабы убедить Господа не избавлять его от болей и болезней, но только дать ему силы их перенести, укрепить его. И в конце концов это ему удавалось, как удавалось всякий раз, когда он оказывался в трудных ситуациях.

Вообще отец Порфирий встречал все трудности, предаваясь усиленным молитвам. То же он советовал и нам, своим духовным чадам. Обмануть его было невозможно. Он сразу же все понимал. Батюшка имел дар Божий не только на расстоянии "следить" за

нашими молитвами, но и знал, о чем мы молились! Словом, мы находились под полным его контролем.

Сколько раз он рассказывал мне, о чем я молился накануне, оставляя меня в безмолвном удивлении. Сколько раз он одергивал меня, когда я не следовал его указаниям, что бывало нередко: "Я тебе говорил: не принуждай Господа своими молитвами. Ты еще будешь указывать Богу?! Разве Он не знает, что нужно делать, а что нет?!".

Или же: "Не занимай Бога мелочами — пусть идут своим чередом. Пусть будет так, как хочет Он, а не как хотим мы".

Однажды он опять сказал:

- С чем это ты обращался к Богу вчера вечером? Разве я тебе не говорил — предоставь Богу делать Свое дело? Неужели ты думаешь, что Он не знает твоих проблем? Или ты знаешь их лучше, чем Он? А может быть, ты думаешь, что лучше Бога знаешь, что полезней для твоей души?

Таким образом, каждый из нас находился под контролем Батюшки даже во время молитвы. Поэтому, чтобы избежать частых замечаний, я однажды попросил его объяснить мне, как правильно молиться, и, если это возможно, рассказать, как молится он сам. Ответ был незамедлительным и исчерпывающим.

- Может, ты молитву считаешь едой, которую предлагают по твоему заказу? Или лекарством, которое выдается по рецепту? Я тебе говорил, что просить следует только об одном — о спасении души. Просить наследования вечного Царствия Небесного. Вот о чем можно просить! Все же остальное предоставь на суд Божий. Еще раз напомню тебе евангельские слова: *просите прежде Царствия Божия, все остальное приложится вам*[45]. Разве этого тебе недостаточно? Если тебя это не удовлетворяет, ограничься умной молитвой.

Для меня молитва "Господи Иисусе Христе, помилуй мя" вполне достаточна и исчерпывающа. И конечно же, она значит больше, чем все остальные молитвы. Надобно лишь произносить ее с глубокой верой и преданностью воле Божией, как бы перед тобой был Сам распятый Иисус.

И еще. Когда ты творишь эту молитву, ум свой обрати сюда, ко мне. Я же восприму твою мысль и буду молиться вместе с тобой за тебя. Это самое лучшее. И именно так я советую тебе делать.

- Да, Батюшка, но вы не говорите, что правильно.

- Я-то говорю, что правильно. Это ты понимаешь неправильно. И знаешь почему? Потому что ты отделяешь себя от других. Вот это как раз и неправильно. Так же, как мы любим самих себя, мы должны любить ближнего. Я люблю всех, весь мир, как самого себя. Поэтому я не вижу причины, почему бы мне не произносить: "Господи Иисусе Христе, помилуй нас", а не "помилуй меня". Потому что и я, и весь мир суть едины. Вот и ты произноси: "помилуй нас".

- Но ведь дело не только в этом. Не хватает чего-то…

- Чего же тебе не хватает такого, о чем тебе известно, а мне нет?

- Мне не хватает слов "Сыне Божий".

- Почему? Разве тебе известны многие сыновья, которые есть у Бога? Ведь это подразумевается. Один Сын у Бога, Единородный, Иисус Христос. Так же как един Отец и един Дух Святый. Едина Святая Троица! Где ты нашел "сыновей"?

- Да, Батюшка, един Сын Божий, это факт. Но в заповедях блаженств говорится: *Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся*[46]…

- "Нарекутся", говорит, то есть будут называться. Это не значит, что они станут сынами Божиими. Держись подальше от таких мыслей. Ты молись так, как я тебе говорю. А я, как всегда, буду следить за твоими молитвами и участвовать в них.

О, если бы и теперь он молился вместе с нами там, где он находится, — на небесах!

ФОНТАН БЕНЗИНА ИЗ ПУСТОГО БЕНЗОБАКА

Этот случай произошел с одной знакомой девушкой, которая выполняла самые разные поручения отца Порфирия. Для того чтобы везде поспевать, она пользовалась автомобилем, который имелся в ее распоряжении. К сожалению, автомобиль работает не на воде, а на бензине, стóящем к тому же очень дорого. А девушка была безработной! Поэтому всегда в ее автомашине стрелка, показывающая уровень бензина в бензобаке, смотрела влево, грозя в любой момент остановкой автомобиля.

Однажды вечером, когда она возвращалась в скит после долгого путешествия по Афинам, она увидела, что стрелка бензобака на нуле. Девушка была страшно обеспокоена и просила Бога, чтобы Он помог ей добраться до скита. Как видно, Господь услышал ее молитву и молитву раба Своего — отца Порфирия, и она доехала почти благополучно. Говорю "почти", потому что оставалось всего несколько десятков метров до скита, когда машина остановилась.

Девушка заперла машину и, как обычно, никому ничего не сказала. Рано утром Батюшка попросил ее доставить в Афины одну официальную бумагу. Она с удовольствием согласилась, но вынуждена была признаться:

- Батюшка, я поеду общественным транспортом, потому что вчера вечером, когда я вернулась из города, у меня кончился бензин…

Батюшка посмотрел на нее, потом сделал вид, что задумался, и наконец сказал:

- Хорошо! Поезжай.

Девушка взяла у Старца благословение и, уходя, решила пройти мимо машины, очевидно, чтобы проверить, хорошо ли закрыты дверцы. Подойдя к машине, она увидела нечто странное, чему отказывались верить ее глаза. Она увидела, что из бензобака ключом бьет бензин! Она чуть с ума не сошла! Разве что не закричала!

Перекрестившись, она бегом вернулась к Батюшке и, запыхавшись, сообщила ему о великом чуде. Отец Порфирий горячо поблагодарил Бога, успокоил девушку и сказал, чтобы она ехала. В то

же время он ей строго запретил кому-либо рассказывать об этом чуде до самой его смерти.

Но, Батюшка, можно ли скрывать такие чудеса?

КАКИЕ КНИГИ ПРЕДПОЧИТАЛ ОТЕЦ ПОРФИРИЙ

Однажды вечером мы с отцом Порфирием поехали в один женский монастырь. Батюшка благодушествовал и был расположен к беседе и пению псалмов.

Как только мы отъехали от скита и оказались на асфальтированной дороге, он сказал:

- Ты когда-то пел очень хорошо! А когда ты читал Апостол, отец Иоанн выходил из алтаря и слушал тебя с большим вниманием, гордясь тобой и волнуясь. Он ведь все очень тонко чувствовал! А теперь ты еще поешь? Спой мне какой-нибудь хороший тропарь по своему выбору…

- Батюшка, когда-то я действительно пел. Хорошо ли пел, не знаю, во всяком случае, с большим чувством и верой. Но после удаления гланд у меня пропал голос, что, конечно же, меня очень расстраивает.

- Да. Я знаю многих людей, которые пели прекрасно, но после удаления гланд теряли голос. А какие книги ты читаешь?

- Нет у меня особых предпочтений. Я читаю все.

- Читаешь ли ты жития святых?

- Я много их прочел, и мне они очень нравятся!

- Прочти все жития святых. Я прочел их все, а многие из них я многократно и с удовольствием перечитывал. Еще будучи малым ребенком, я читал жития святых, и они мне очень помогли познать Бога и приблизиться к Нему. Делай и ты так. Тебе это принесет большую духовную пользу, потому что постепенно ты начнешь подражать святым. То же скажи и другим. А Новый Завет ты читаешь?

- Новый Завет я не просто прочел, но я его изучил с большим вниманием! Как правило, я его перечитываю.

- Правильно делаешь. Обращайся к нему почаще. Это неисчерпаемый источник познания Бога. И чем больше его читаешь, тем больше входишь в Премудрость Божию! Старайся каждый вечер читать хотя бы одну страничку.

- То же самое мне говорил один батюшка.

- Он правильно говорил. А читаешь ли ты Деяния Апостолов?

- Читаю, и мне очень нравится. Только вот Апокалипсис для меня несколько сложен.

- Почему? Апокалипсис — это вся премудрость! Это — все!

- Потому что там все про "печати" да про "трубы" говорится, а я этого не понимаю.

- Если будешь многократно перечитывать Апокалипсис с верой в Бога, ты увидишь, что Божественная благодать просветит тебя и то, что тебе сейчас кажется трудным, совершенно прояснится! Ты в этом сам убедишься. Мудрость Божия сама не приходит, мы должны просить ее.

Итак, читай. Читай, сколько сможешь, Священное Писание и жития святых. Я тебе это советую.

ЯВЛЕНИЕ СВЯТОГО ГЕРАСИМА

Несколько лет назад, как-то утром, в день праздника святого Герасима, отец Порфирий, находясь в своей келье, с благоговением слушал по радио Божественную литургию. Ее транслировали из великолепного храма Святого Герасима Кефаллонийского[47]. Святой Герасим был предстателем и заступником отца Порфирия, и Батюшка очень его любил. В течение тридцати трех лет отец Порфирий служил с верой и любовью в церкви при Афинской Поликлинике, посвященной этому святому.

Поэтому все, имеющее отношение к святому Герасиму, было близко его сердцу, так что он даже решил послушать радио в день памяти святого. Когда-то Батюшка с большим подъемом, всей душой участвовал в совершении Божественной литургии в Кефаллонийском храме, у святых его мощей, переживая при этом незабываемые минуты. Теперь он словно заново их переживал.

Однажды, когда Батюшка был прикован к постели, перед ним внезапно предстал сам святой Герасим! Болезнь настолько изнурила отца Порфирия, что он не мог даже повернуться на другой бок из-за сильных болей. И — о чудо! — Батюшка вдруг легко встал с постели и так усердно начал класть поклоны и креститься, что ему мог бы позавидовать лучший в мире атлет. Затем он стал беседовать tête-á-tête со своим любимым святым.

Все это продолжалось довольно долго. Одна из женщин, которая по собственному желанию несла "дежурство" у постели больного, была поражена и, наблюдая за происходящим, не могла ничего понять. Она видела и слышала, что Батюшка с кем-то разговаривает, но не видела и не слышала его собеседника, которым был, очевидно, не кто иной, как святой Герасим.

Когда отец Порфирий закончил беседу со своим чудесным заступником, он все рассказал изумленной женщине. И строжайшим образом наказал ей никому ничего не говорить о том, что она видела и слышала, до самой его кончины!

Таким был отец Порфирий!

Он мог легко беседовать, по Божиему благословению, даже со святыми!

ПОТЕРЯННАЯ СУМКА И ЧЕСТНЫЙ ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ

Однажды в мой рабочий кабинет (я был тогда директором ИКА[48]) вошла одна знакомая девушка[49]. Она рассказала мне о своей последней встрече с отцом Порфирием и, в частности, о том, что касалось меня.

Эта девушка была духовным чадом отца Порфирия, и в ее распоряжении всегда имелась келья в скиту и место для парковки ее автомобиля. Батюшка часто давал ей разные поручения.

Когда она от меня уходила, я вручил ей письмо и пакет с деньгами от моих сотрудников, которые решили сделать вклад на строительные работы в скиту. Отдавая письмо и деньги, я просил ее быть осторожной.

В этот день ей пришлось оставить свою машину за городом и взять такси. Выйдя из такси, девушка спохватилась, что забыла там свою сумку. Но было уже поздно. Такси умчалось. В страхе она начала молитвенно призывать на помощь отца Порфирия, но помощь, увы, запаздывала.

Между тем водитель такси, обнаружив забытую сумку на заднем сиденье, стал просматривать ее содержимое. Когда он нашел мое письмо, то прочел его и понял, что адресат письма был не кто иной, как отец Порфирий, которого он лично не знал, но о котором слышал из уст многих пассажиров.

Таким образом, таксист стал искать способ вернуть сумку ее обладательнице, но те сведения, которыми он располагал, были недостаточными. К счастью, водитель нашел телефонный номер, записанный на клочке бумаги. Это был телефон подруги той девушки. Он сразу же позвонил по этому номеру, рассказал о случившемся, описал внешность девушки, и в результате обладательница сумки была найдена! Вскоре водитель появился в доме девушки и отдал ей сумку со всем ценным содержимым. Радость девушки передать невозможно! Честный водитель такси выполнил свой долг, а Батюшка совершил чудо.

БАТЮШКА В ГОСТИНИЦЕ "КАРАВЕЛ"

13 марта 1989 года должен был состояться семинар директоров ИКА. Мое присутствие было обязательным, и никакой замены не допускалось. Накануне семинара я весь день провел на рабочем месте, чтобы успеть закончить дела. Вечером пришел домой очень усталым и измученным. Приняв душ, я лег отдохнуть и вдруг почувствовал, что у меня закружилась голова. Постепенно головокружение усиливалось, и, значит, мое участие в предстоящем семинаре становилось едва ли возможным.

Но, как я уже говорил, заменить меня кем-либо из сотрудников было нельзя, так как фамилии директоров и названия учреждений, где они работали, были четко зафиксированы. Я, конечно, расстроился и не знал, что делать. Оставалось одно — просить помощи у отца Порфирия.

Время, однако, было позднее. Я позвонил Батюшке и, извинившись, рассказал о своей неприятности.

- Где состоится семинар?

- В гостинице "Каравел", Батюшка.

- Где она находится?

- За отелем "Хилтон".

- В котором часу ты там должен быть?

- В девять утра.

- Хорошо! Поезжай, я там буду в девять!

- Но, Батюшка, как я поеду в таком состоянии?

- Утром тебе станет лучше. Ты поедешь в гостиницу, а я там буду тебя ждать. Даже уезжать не захочешь! Только ты не садись за руль. Пусть тебя подвезет жена.

Я сделал все так, как сказал Батюшка. В девять утра я был в гостинице. Мне стало намного лучше. Я встретил всех моих коллег. Нашлось много тем для разговора, и настроение у всех было приподнятое.

Когда началось заседание, я сел у центрального прохода. Слева от меня кресла не было, но у меня было такое ощущение, что кто-то

сидит рядом со мной, хотя я никого не видел. Тогда я вспомнил слова Батюшки: "Я буду там!". И действительно, он там присутствовал!

Вечером по телефону отец Порфирий задал мне риторический вопрос:

- Разве я тебе не говорил, что буду там?

- Но я вас не видел, Батюшка.

- Зато я тебя видел! И ты был такой радостный! Ты встретил всех своих друзей! Завтра ты проведешь время еще лучше!

Чему тут удивляться и что комментировать?! Думаю, что в таких случаях слова излишни…

ОТЕЦ ПОРФИРИЙ И ЗМЕИ

В конце семидесятых годов отец Порфирий из местечка Каллисия в районе Пендели, где он жил тогда, переселился в Милеси, в Аттику, где и начал строить скит. Начало строительства совпало с ухудшением его здоровья. Батюшка чувствовал чрезвычайную усталость, приведшую в конце концов к болезни. Этому в немалой степени способствовало огромное число посетителей, желавших исповедаться у него, получить совет или же попросить его святых молитв и благословения. Причем люди приезжали не только из Афин, но со всей Греции и из-за границы.

Силы отца Порфирия еще более ослабли, когда возросло количество телефонных звонков и он вынужден был отвечать на них. В конце концов он стал ото всех скрывать номер своего телефона. Когда я говорю "ото всех", я имею в виду не только духовных чад, но и всех верующих, которые слышали о нем.

Фактически все мы перед ним виноваты. И первый — я. Я очень много лет был знаком с Батюшкой и видел множество чудес, совершаемых им, или же слышал о них от него самого, и я был вынужден очень многим давать номер его телефона, порой вопреки своему желанию. В результате батюшкин телефон знали, как у нас говорят, "только я, ты, а потом — все"!

Это, естественно, подтачивало его здоровье. Должен признаться, я чувствовал угрызения совести, так как именно по моей вине нашего отца Порфирия беспокоили по телефону буквально со всего мира!

Фактически он работал двадцать четыре часа в сутки, если при этом учесть разницу во времени разных стран и материков. По этой причине Батюшка был лишен сна, что способствовало ухудшению его здоровья, которое и без того было слабым.

Разумеется, как утверждал сам Батюшка, никто его попусту не беспокоил. У каждого была своя проблема. А проблемы, как известно, начинаются с простого, потом усложняются и в конце концов становятся неразрешимыми.

Итак, отец Порфирий был призван разрешать именно сложные ситуации, но на деле разрешал всякие — и самые простые, и

безвыходные!

Как известно, каждый из нас считал и считает свою проблему наиболее важной по сравнению с чужими. Чужая проблема нас не касается. Когда болит у кого-то другого, мы не можем его понять. Боль другого мы не чувствуем. Недаром народная пословица говорит: "Чужую беду руками разведу"!

Однако это никак не относилось к Батюшке, потому что он не только проявлял подобающее понимание, но и сострадал людям и с помощью Божией старался найти наилучшее решение того или иного вопроса. И хотя это ему удавалось, но приходилось ежедневно тратить много сил, душевных и телесных.

В результате состояние его ухудшалось, и отец Порфирий это хорошо понимал, да и лечащие врачи это подтверждали. Поэтому Батюшка хотел найти такое место, где мог бы оставаться один, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя.

В то время скит был еще в "зачаточном состоянии", иначе говоря, существовал только на бумаге, скорее, в чертежах. В будущем он представлялся Батюшке великолепно обустроенным, но поскольку отец Порфирий ненавидел всякие удобства, то искал для себя место, которое бы вполне соответствовало его аскетическим потребностям.

Батюшка исходил весь лес вокруг скита в поисках "гнездышка", где можно было бы укрыться и от жары, подобно птицам небесным, и от бесконечных посетителей и хотя бы на несколько часов успокоиться и помолиться.

Наконец он выбрал одно место, которое ему очень понравилось. Густой лес давал хорошую тень, в которой Батюшка так нуждался в летнее время. Расположенное на возвышенности, это местечко продувалось свежим ветерком с моря, что также помогало бороться с невыносимой летней жарой.

Отсюда открывался весь Эвийский залив, а вдали был виден остров Эвбея — родина Батюшки, которую он очень любил! На этом месте отец Порфирий соорудил себе шалаш. Несколько одеял, несколько фланелевых рубашек и одна бутылка воды составляли все его хозяйство.

Этого ему было достаточно, ибо он привык довольствоваться малым. Там он оставался один в течение всего дня, а вечером

возвращался в свою келью, чтобы принимать тысячи верующих, с нетерпением ожидавших его.

Однажды в воскресенье я, как обычно, приехал к Батюшке в Милеси, но нашел келью запертой. Я был очень обеспокоен — что только не приходило мне в голову! К счастью, одна сестра, увидев меня, поспешила ко мне навстречу и успокоила меня:

- Не бойтесь, Старец здоров, только в последнее время он очень устал, поэтому пошел в лес, чтобы немного прийти в себя. Он нас предупредил, чтобы мы никому ничего не говорили, но вас и вашу супругу он ждет. Однако найти его не так просто. Даже если я вам скажу, где это место, вы его не найдете.

- Скажите по крайней мере, в каком направлении идти?

- Вон в том. Идти довольно долго, но и оказавшись рядом с ним, вы его не увидите.

Я пошел в указанном направлении, обошел весь лес, но безуспешно. От долгих поисков я очень устал, а из-за сильной жары пот лился с меня ручьями. Тогда я присел на камень, чтобы отдохнуть, и сказал про себя: "Если, Батюшка, вы меня ждете, то помогите мне найти вас. Иначе я уйду".

После отдыха меня вдруг осенило, что нужно идти в направлении, которое я прежде отверг, считая, что в том месте Батюшки быть не может. Место было каменистым, а, как говорил мой отец, в камнях водится много змей. И поэтому я подумал, что ни отдохнуть, ни тем более заснуть Батюшка там не мог.

Все же я предпринял последнюю попытку найти его. Я решил, что если его не найду, то вернусь в келью, так как сестра просила меня не звать его громко по имени по понятным причинам.

Робко и нерешительно пробираясь вперед, я запутался в каком-то густом сосновом кустарнике и тут заметил, что у корней одной из сосен стоит бутылка, наполненная водой и обернутая в сырое полотно, видимо, для того, чтобы сохранить свежесть.

Я сразу же понял, где скрывается отец Порфирий! Я потихоньку продвигался к тому месту, где стояла бутылка, боясь разбудить Батюшку. Он, однако, заметил меня, встал и радостно поприветствовал.

- Как ты меня нашел? Пропал я, от тебя мне не спрятаться! Посмотрю, что ты будешь делать, когда меня потеряешь. Я знаю, что

ты меня любишь, и я тебя очень люблю. Поэтому я тебе все время это говорю. Хорошо сделал, что пришел. Только ты очень устал.

- Батюшка, дело не в усталости, дело в вас! Я беспокоюсь за вашу жизнь!

- Почему ты беспокоишься за мою жизнь?

- В этом месте, где вы обосновались, вас съедят змеи!

- Где ты их увидел, змей-то? Пока ты меня искал, много ли змей встретил на своем пути?

- Ни одной.

- Тогда какие змеи съедят меня? Те, которых нет?

- Но, Батюшка, в этих местах очень много змей…

- Было, ты хочешь сказать. Давай спросим женщин и всех тех, кто здесь работает, они тебе скажут.

- Почему? Что случилось со змеями, которые были в этом районе?

- Что случилось? Как только я пришел, змеи ушли!

- …

- Если Бог с тобой, то что сделают тебе змеи?! Разве они не создания Божии? Может ли быть создание сильнее Создателя?

- Конечно нет, Батюшка!

Но тогда ты был с нами и рассказывал нам все это. Теперь, когда ты ушел от нас, что нам делать?!

ОТЕЦ ПОРФИРИЙ И МОЛНИИ

Было это, как я хорошо помню, в последнее воскресенье августа, когда я рано утром вновь посетил отца Порфирия в Милеси. Мы вместе провели несколько часов, он принял всех ожидавших его и после обеда прилег отдохнуть. В это время разразилась страшная буря. Небо потемнело, над нами нависла огромная туча, громы и молнии сотрясали землю.

Те из посетителей, которые не успели уехать (в том числе и я), оказались запертыми в своих машинах, ожидая окончания грозы. Однако буря не утихала; погода, и без того плохая, ухудшилась. Туча достигла того места, где стояли машины с запертыми в них паломниками. Все начали беспокоиться, опасаясь попасть под удар молнии.

Один за другим люди стали покидать свои машины и вместе с семьями направляться к келье Батюшки, чтобы у него найти укрытие. Но поскольку келья была очень маленькой (она была построена на скорую руку из цементных плит), то всем пришлось встать под навес вокруг кельи, чтобы как-то защититься от ливня.

Между тем отец Порфирий мирно спал в своей келье, словно ничего не происходило! Такое доверие и такую веру он имел к Богу!

Я же оставался в своей машине, которая находилась на довольно близком расстоянии от кельи Батюшки. Несмотря на то что машина стояла под очень высокой сосной (что в случае грозы противопоказано), я чувствовал себя вполне уютно и был спокоен, как никогда.

И это благодаря присутствию и предстательству Батюшки, потому как, надо признаться, я боюсь трех вещей: болезней, землетрясений и молний. Думаю, что никто из смертных от них никогда не застрахован. Именно эти три опасности вызывают у меня прямо-таки животный страх.

Что же происходило тем временем за окнами моей машины? Передо мной явилась фантастическая картина: келья Батюшки, его духовные чада, сидящие вокруг, и сам Батюшка. Келья мне представилась большим гнездом, в котором в поисках спасения,

словно птенцы, попрятались его чада. Батюшка же, раскрыв над ними свои огромные крылья, защищал их от ненастья!

Этот образ глубоко запечатлелся в моей памяти, и каждый раз, когда я приезжаю в это место, я переживаю те же чувства.

Наконец гроза прекратилась. Я вошел в келью Батюшки и убедился в том, что он только что проснулся и был свежим, отдохнувшим и в хорошем расположении духа. Я спросил его:

- Как вы могли, Батюшка, спать во время такого стихийного бедствия?!

- А в чем дело?

- Да здесь многие были почти при смерти, а вы спрашиваете, в чем дело!

- А что случилось, дитя мое?

- Страшная гроза!

- А! Кто боится Бога[50], не доверяет Ему или не любит Его, тот боится грозы и всего прочего. А поскольку я Ему доверяю и Его люблю, то ничего не боюсь!

Батюшка прав!..

"БОГ ЛЮБИТ ТЕБЯ!"

В 1991 году в Великую Субботу мы всей семьей отправились к отцу Порфирию в Милеси, чтобы поздравить как его самого, так и всех насельников скита с великим праздником Пасхи и пожелать им в радости встретить Светлое Христово Воскресение.

Надо сказать, что в те дни меня постигли крупные неприятности, и, соответственно, настроение было подавленным.

Итак, обуреваемые самыми тягостными мыслями и чувствами, мы прибыли в скит, во дворе которого (впервые за последние десять лет) не оказалось ни единой машины и ни одного человека! Отсутствовал и скитский персонал. Все находились в подсобном помещении и занимались подготовкой к празднику Пасхи.

Таким образом, мы оказались в келье Батюшки совсем одни, то есть Батюшка и мы! Это нам напомнило старые добрые времена, когда отец Порфирий был в нашем полном распоряжении.

Он выглядел хорошо отдохнувшим и принял нас с необычайной радостью. Мы долго беседовали с ним, и он успел нам рассказать много интересного. Я заметил, что Батюшка был весьма озабочен моей проблемой, и все, что он ни говорил, так или иначе имело к ней отношение.

Было совершенно очевидно, что он пытается духовно меня поддержать, так как, по его признанию, благодать Божия ему все открыла еще до того, как мы приехали в Милеси!

Когда время нашего пребывания подошло к концу, наш святой отец надел епитрахиль и, покрыв нас ею, вдохновенно прочел над нами молитву. Пожелав радостного и благословенного Воскресения, долгих христианских лет жизни и благословив нас, он с миром нас отпустил.

Моя жена с ребенком отправилась поздравить с праздником насельников скита, а я еще остался с Батюшкой один на один. Беседа стала более откровенной. Он так много рассказал мне, делал такие проницательные замечания, главным образом относительно моих служебных дел, что, признаюсь, я изумился. Можно было подумать, что обо всем, что со мной произошло, он где-то прочитал.

- Что касается тебя, — сказал он мне, — то чем больше тебя мучают, тем больше венцов славы тебе уготовляют! Имей в виду, что все это случается по Божиему попущению и для пользы твоей души! Все эти неприятности имеют одну цель — спасение твоей души. Кроме того, преследования христиан закономерны.

Разве ты забыл, что говорил Иисус? Если забыл, я напомню: *Если Меня гнали, будут гнать и вас*[51]. Если ты хотя бы раз в день будешь это припоминать, твои проблемы перестанут тебя занимать, потому что ты будешь считать их естественными, закономерными.

А теперь пришло время последнего откровения: у тебя хорошая душа! Поэтому Бог очень любит тебя! Ты слышишь? Этим все сказано! Давай, иди с Богом и желаю тебе хорошо встретить Воскресение Христово!

Это откровение Батюшки произвело переворот в моей душе. Мой образ мыслей в корне изменился! Моя великая скорбь обернулась безграничной радостью! Печаль перешла в веселие! Разочарование — в веру! Разве этого мало — узнать из уст праведника, из уст святого человека, из уст отца Порфирия о том, что тебя любит Бог?! Да еще очень любит!

Представьте себе, что некий человек в этом мире любит другого человека из "сильных мира сего", который тоже любит его, и человек не только радуется этому, но и чувствует уверенность в сильном друге, в его помощи!

А теперь представьте, какую уверенность ощущает человек, когда тот, кто его любит, есть Сам Бог! Бог, Который лишь призыванием имени Его сокрушает народы: *Вси языцы обыдоша мя, и именем Господним противляхся им*[52]!

С этими благостными мыслями и чувствами провел я пасхальную ночь и следующие пасхальные дни. Пасху, которую злые силы намеревались сделать самой худшей в моей жизни, любовь Божия сделала лучшей из всех, какие я только пережил до сегодняшнего дня.

И быть может, так случилось потому, что это была последняя Пасха приснопамятного отца Порфирия на этой грешной земле… Быть может, именно поэтому Батюшке удалось обратить мою печаль в радость…

О НЕНАВИДЯЩИХ И ЛЮБЯЩИХ НАС

Как-то раз, накануне одного из последних свиданий с отцом Порфирием, во дворе скита я встретил трех моих любимых друзей. Мы вместе вошли в келью Батюшки, который нас принял с большой радостью. Он нас очень любил! Мы немного поговорили, затем все вышли из кельи, кроме меня и одной из сестер. Нас двоих было не так-то просто выдворить.

Когда время нашего визита все же истекло, я дал отцу Порфирию листок бумаги с двумя именами и попросил его поминать этих людей в своих святых молитвах, потому что они приложили много усилий по налаживанию моих служебных дел. Батюшка, взяв крест, сказал мне:

- Назови их имена.

Я назвал, и он стал усиленно креститься, шепча какую-то молитву. Затем он попросил меня:

- А теперь назови мне имена тех, которые тебя ненавидят и преследуют.

Я, ничего не подозревая, назвал и эти имена. Увидев, что Батюшка стал делать то же, что и в первом случае, я вышел из себя и с возмущением воскликнул:

- Зачем же нам молиться за гадких и подлых людей? Неужели для того, чтобы Бог им помогал, а они продолжали совершать свои подлости?!

- Ты прав, чадо мое, эти люди причинили тебе много зла. Однако мне непозволительно забывать, что нужно молиться и о ненавидящих, и о любящих нас! Понимаешь?..

Таким был отец Порфирий!

Безгрешный! Добрый! Безупречный! Совершенный! Святой! Кто может, пусть уподобится ему.

"ДУШУ МОЮ, ГОСПОДИ…"

В предыдущих главах я представил себя читателю как дурного ученика, как плохое духовное чадо отца Порфирия! Такая характеристика вполне соответствует действительности.

Не думаю, что на протяжении многих лет у Батюшки было другое духовное чадо, которое могло бы видеть его в любой день и час и проводить с ним столько времени, сколько ему хотелось. В этом, как мне кажется, я был исключением.

Все это касалось, однако, первых десятилетий нашего с ним знакомства. Тогда отец Порфирий еще не пользовался столь широкой известностью. Она распространялась лишь до границ Аттики. Позже, когда о нем узнала вся Греция, стало гораздо труднее общаться с ним. Когда же Батюшка стал известен и за границей, трудности возросли во сто крат.

Однако самая тяжелая пора пришлась на последние десятилетия его жизни, когда вслед за известностью явились многочисленные и серьезные болезни. Именно тогда число наших встреч и бесед стало заметно убывать. Однако "смертельный удар" нашим отношениям нанесли последние три года, когда ко всему прочему прибавилась великая усталость от огромных толп верующих, постоянно осаждавших Батюшку и желавших получить его благословение и духовную поддержку.

По рекомендации врачей отец Порфирий стал уезжать из скита по субботним и воскресным дням — то есть тогда, когда приезжало больше всего народу. Отправлялся он в никому не известное место на острове Эвбея. Там он проводил не только выходные, но и будни, когда чувствовал себя особенно больным и усталым.

Таким образом, мои встречи с Батюшкой практически свелись на нет. В субботу и воскресенье, когда я мог его навещать, он уезжал. А в будни, когда он находился в скиту, я работал. По роду своей деятельности я не мог отсутствовать на рабочем месте, и, стало быть, наши встречи прекратились.

Единственное, что нам оставалось, — это общаться по телефону, но, как заметила когда-то одна моя очень добрая знакомая, "в

телефонных разговорах люди убивают друг друга"! И она совершенно права!

Не могу припомнить, сколько раз я ссорился с Батюшкой по телефону, притом без всякой видимой причины. Да и что, собственно, можно сказать по телефону, если ты ограничен во времени и преодолеваешь массу трудностей, чтобы просто дозвониться?

Когда же мне это удавалось, у отца Порфирия оказывалось много народу и он не мог со мной спокойно говорить. Он просил звонить ему в два часа ночи или же в пять утра. И я пытался ему звонить в два часа, но невозможно было пробиться на линию. В эти часы ему обычно звонили из Америки и из других стран мира, где в то время наступало утро или же был день в силу различия часовых зон.

Мои звонки в пять утра также оставались безуспешными, потому что в это время ему звонили из святых мест, с Афона. Все эти неудачные попытки дозвониться Батюшке вызывали во мне одновременно раздражение и упорство, что, конечно, благодатью Божией Батюшка видел. Поэтому, когда мне наконец удавалось с ним поговорить, он мне советовал быть более смиренным и сдержанным. Я же пенял ему на то, что теперь, когда он "связался" с высшим церковным клиром, он меня отстранил. И вот тогда между нами начиналась словесная перепалка, и Батюшка пытался меня убедить в том, что в наших отношениях ничего не изменилось, но что возраст, переутомление и болезнь заставляют его ограничить свое общение со всеми, чтобы как-то продлить свою жизнь для нашей же пользы.

- Что мне делать? Я очень болею! И все нуждаются во мне, а я не справляюсь, и меня не понимают! И ты прав. Ты вспоминаешь прошлое, и теперь тебе обидно. Может быть, ты думаешь, я избегаю твоего общества? Но если я не могу, что мне делать? Ты хочешь, чтобы я умер?

- Нет, Батюшка! Не говорите подобных вещей. Я просто не даю вам покоя, чтобы вы помогли мне в решении моей проблемы. Потому что, как вы знаете, решение ее затянулось и с течением времени она обостряется.

- Жаль.

- Вы жалеете, Батюшка, но я не вижу результата.

- Есть Бог, чадо мое.

После такого разговора я понял, что "давить" на него по телефону невозможно. Поэтому я решил отправить ему с одной девушкой длиннейшее письмо, которое от начала до конца было составлено как резкое обвинение.

Содержание этого письма я по личным причинам приводить не стану. Если бы я даже и попытался изложить это письмо, то оно заняло бы большое количество страниц, что не входит в мои планы, ибо эта книга не обо мне, а об отце Порфирии.

В общих, однако, чертах могу сказать, что в письме упоминалось главным образом о тех упущениях (конечно же, по моему суждению), которые совершил отец Порфирий и в результате которых моя проблема не была решена. Я ни больше ни меньше как дерзал обвинять его, возлагая всю ответственность за мои беды на него лично!

И что самое главное, эту ответственность я не ограничивал только этой жизнью, но распространял ее и на… будущую жизнь! Вот, к примеру, что я писал: "…в конце концов, Батюшка, Вы должны иметь в виду следующее: когда-то мы умрем, и Вы, и я. Это единственное, в чем мы можем быть уверены. Все, что рождается, умирает. И за то, где окажусь я, я буду отвечать только перед Богом. Тогда как Вы, помимо того что будете отвечать перед Богом, должны будете отвечать также и перед Вашим любимым другом, таким, как и вы, иереем — моим отцом! Это он вам доверил свое чадо, а вы ничего или почти ничего не сделали для того, чтобы помочь ему, хотя вы имеете такую возможность, ибо вам так щедро дана от Бога благодать…". В таком примерно духе было написано все "обвинительное" письмо.

От той же девушки, которая передала Батюшке мое письмо, я узнал, что по меньшей мере три утра подряд Батюшка просил ее перечитывать его и внимательно слушал без всяких комментариев.

Имел я некоторые сведения еще от одного человека, близкого к Батюшке, о том, что отец Порфирий много раз просил его перечитывать письмо. Мне также стало известно, что Батюшку очень озадачило его содержание.

Между тем дни шли, а ответа все не было. И это очень меня беспокоило, потому что, зная Батюшку лучше, чем себя самого, я знал также, что чем больше он медлит, тем более жестким будет его ответ.

Прошло очень много дней после отправления письма, так много, что я уже перестал надеяться получить ответ. И вот однажды, в суровую зимнюю ночь, сквозь сон я услышал телефонный звонок. Я проснулся в большой тревоге.

Когда же я увидел, что стрелки часов показывают пять утра, то сразу успокоился. Потому что в это время мог звонить только Батюшка! Я немедленно поспешил к бюро, успев запастись карандашом и бумагой, снял телефонную трубку и услышал знакомый и очень дорогой голос Батюшки.

Не сказав мне даже "доброе утро", он начал меня распекать таким громовым голосом, какого я никогда не слышал! Я успел записать последние его слова. Вот они:

"Душу мою, Господи, во гресех всяческих, и безместными деяньми люте разслаблену, воздвигни Божественным Твоим предстательством, якоже и разслабленнаго воздвигл еси древле, да зову Ти спасаем: щедрый, даждь ми, Христе, исцеление"[53].

Проговорив это, блаженный Старец добавил обычное: "Молюсь" — и положил трубку.

Не могу сказать, сколько времени я оставался неподвижным, будучи не в состоянии что-либо произнести. Во всяком случае, довольно долго. Придя в себя, я попытался прочесть записанный мною текст, но спросонья не мог толком разобрать ни что записал, ни какое отношение это имеет ко мне. Неужели Батюшка только для этого звонил в столь ранний час?

Однако, внимательнее вчитываясь в текст и разбирая каждое слово, я начал входить в его глубинный смысл. Я понял, что батюшкин ночной звонок был абсолютно оправданным, так как в его словах содержался полный ответ на мое письмо.

Пытаясь разобраться в замысловатых предложениях, я никак не мог понять смысл слова πάλαι. По-видимому, в спешке я написал πάλε вместо правильного πάλαι, и это очень затрудняло понимание. Поэтому я решил еще поспать, а утром вновь заняться изучением текста.

Но я был слишком взбудоражен, чтобы уснуть. Неожиданно снова раздался телефонный звонок. Это был Батюшка. Как только я снял трубку, он сказал:

- Πάλαι пишется через "альфа" и "йота" и означает "когда-то", "древле". Пока, до свидания…

Я был поражен. Что я мог теперь сказать про этого "безграмотного" мудреца? Ничего! После всего случившегося было уже не до сна. Я до утра просидел в кресле в своем кабинете, а утром пошел на работу. Но и там мысли о ночном происшествии не оставляли меня.

На следующий день я отправился в Милеси. Батюшка распорядился, чтобы я прошел к нему немедленно. Войдя в его келью, я начал оглушительно громким голосом произносить текст молитвы: "Душу мою, Господи…".

Когда я закончил, отец Порфирий поставил мне за знание текста "отлично", а за то, как я его прочел, — "ноль"!

- Почему, Батюшка?

- Потому, что ты произносил слова так, как будто хотел напугать Бога или приказать Ему! Разве так я прочел тебе текст по телефону? Конечно нет! Когда, чадо мое, мы обращаемся к Богу, мы не можем пользоваться "военным" стилем, как если бы мы давали приказ новобранцу. Но со смирением, умилением и просьбой. Только такой голос доходит до престола Божия, и, как любящий Отец, Господь удовлетворяет наши пожелания и посылает нам Божественную благодать и дар Святаго Духа! Я тебя поздравляю. Ты выучил текст наизусть, но скажи, сколько раз в день ты его читаешь?

- Нисколько.

- Тогда зачем ты его учил? Для того, чтобы потом положить под спуд? Есть ли в этом смысл? Эту молитву надобно повторять много раз. Не только ты, но и я, и все мы должны ее читать так, как я тебе ее прочел. Ты меня слышишь?

- Разве дело в количестве, Батюшка, а не в качестве?..

- Это правильно, но неприменимо к молитве. Здесь подходит указание: *Непрестанно молитесь*[54], и это я тебе советую, как и всем другим. Это правда, что ты понял текст? Ты понял его смысл?

- Я не просто понял, но слишком хорошо понял!

- Смотри, дитя мое! Наш Бог, чтобы воспитать своих детей, которые веруют в Него, любят Его и служат Ему, использует разные пути и средства. В планы Божии входит также установление для нас правил, имеющих целью спасение наших душ. В твоем случае именно это и происходит.

Мы не можем изменить Божии планы или что-то Ему предписать. Единственное, что мы можем, — это просить и умолять Его, а Он, как Человеколюбец, может услышать наши молитвы и сократить время наших испытаний либо их совсем прекратить. Все в Его руках! Мы будем лишь просить Его, а Ему судить, что для нас лучше.

Если же Господь медлит и не выполняет наши просьбы, то это вовсе не из желания нас наказать; испытания даны нам для нашего воспитания. И Господни каноны и правила никак не похожи на те, которые возлагают на своих чад некоторые духовники на исповеди. Это они делают либо от чрезмерного рвения, либо по неведению и тем самым вместо пользы совершают преступление. Я всегда им говорю: не надо налагать строгих епитимий, лучше давайте правильные советы, потому что строгие меры питают и кое-кого другого, а именно — диавола. А он только этого и ждет и подстерегает недовольных, широко открывая им свои объятия. Диавол сулит им златые горы…

Вот почему требуется большая осторожность в выборе духовника. Подобно тому как вы ищете лучшего врача, вы должны искать духовника. Оба они — врачи. Один врачует тело, другой — душу. Что касается тебя, то я тебе советую повторять постоянно то, чему я тебя учил, и так, как я тебя учил. Тогда ты сам вскоре убедишься, что я тебе больше не нужен.

- Вы мне нужны, Батюшка! Вы мне нужны!

ПОСЛЕДНЕЕ ЯВЛЕНИЕ

Не раз случалось мне приходить в прямое столкновение с духовными чадами отца Порфирия, так как порой они утверждали вещи, на мой взгляд, невероятные и невозможные, ссылаясь при этом на силу благодати Божией, которую имел Батюшка.

Один говорил, что отец Порфирий появился в Германии! Другой — что Батюшка сопровождал его за границу, идя впереди него, и ноги его не касались земли! Подчас рисовались картины явно фантастические, которые не укладывались ни в какие логические рамки.

Поскольку я был убежден, что такие россказни только вредны нашей вере, я каждый раз одергивал этих людей, дабы защитить достоинство отца Порфирия.

Однажды у Батюшки мы встретились с одной знакомой, которая только что приехала из Германии, где она работала директором гимназии и обучала греческих детей. Она начала рассказывать самые невероятные вещи, которые происходили там: будто Батюшка являлся и совершал чудеса, находясь при этом в Милеси. Я очень разозлился, отчитал ее, добавив, что эти небылицы не только умаляют достоинство нашей веры, но и оскорбляют самого Батюшку.

Так я думал тогда про те необыкновенные явления, о которых мне приходилось слышать от его духовных чад. Я абсолютно не верил таким вещам ровно до того момента, пока сам едва не лишился жизни. Теперь же я все это вынужден признать и даже письменно утверждать! И вот почему.

Однажды в полдень мы с женой возвращались от врача, проживавшего в одном из тех афинских районов, где множество крутых улочек тесно переплетаются между собой. Наша машина оказалась на дороге, которая круто спускалась вниз. Только что прошел сильный дождь, и дорога была очень скользкая и опасная! Я дал сигнал, но, к своему ужасу, осознал, что потерял всякий контроль над машиной, которая в тот момент находилась на самой высокой точке дороги. Тогда я, совершенно непроизвольно, призвал на помощь отца Порфирия. И помощь последовала незамедлительно!..

Прежде чем я успел даже произнести имя Батюшки, я вдруг увидел машину, которая с большой скоростью поднималась вверх, навстречу нам. Кто же был за рулем? — спросите вы. Отец Порфирий? Невероятно, но это так! Меня словно молнией поразило! Единственное, что я успел крикнуть жене, было: "Смотри, Батюшка!".

Итак, я, "фома неверующий", утверждаю, что это был действительно Батюшка. В этом меня убеждают три обстоятельства:

он появился в то время, когда я к нему обратился;

человек за рулем был таким старым, что только святой мог вести машину в таком возрасте и с такой скоростью;

расстояние между нашими машинами в какой-то момент было не более одного метра, и, следовательно, невозможно было не узнать Батюшку, с которым мы прошли по жизни вместе не один десяток лет.

Этим своим последним явлением отец Порфирий показал мне, что он является тогда, когда пожелает, и чудеса совершает тогда, когда захочет, что я по своей наивности так рьяно опровергал.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА И ПОСЛЕДНЕЕ ЦЕЛОВАНИЕ

В пятницу вечером, 27 сентября 1991 года, нам позвонила одна женщина — близкий друг нашей семьи — и сказала:

- Я только что вернулась от Батюшки. Он просил вам передать благословение, а также сообщить, что завтра после обеда он уезжает на Афон и перед отъездом хотел бы вас повидать.

Она тоже собиралась на следующий день к Батюшке вместе со своими сестрами и предложила нам встретиться в скиту. На том и порешили.

В назначенное время мы с женой прибыли в скит и там встретились с нашей приятельницей, которая уже ждала нас с двумя своими сестрами. Все трое очень любили Батюшку, и он отвечал им тем же.

Подозреваю, что своими частыми визитами к Батюшке они получили первое место в его сердце, и мое ревнивое сердце расценивало это как мое отстранение. Ну что ж, дай Бог, чтобы все было к лучшему! Все три женщины заслуживали батюшкиной любви, и даже очень! Они горевали об одном — что так поздно узнали святого Старца. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда! И тех, кто хоть раз видел отца Порфирия, я считаю счастливейшими из людей.

Вскоре мы все впятером оказались в келье Батюшки. В глубине кельи я заметил довольно много коробок и сумок и очень расстроился, так как, по моим подсчетам, этого запаса продуктов хватило бы на очень длительный срок и, стало быть, Батюшка собирается покинуть нас надолго. Мы же так не привыкли находиться в разлуке с ним! Поэтому я был очень огорчен.

Все подошли к нему. Сначала женщины, вслед за ними я. Батюшка выглядел веселым и был в хорошем расположении духа. Женщины брали у него благословение и с благоговением целовали его руку, а он, благословляя, каждой что-то говорил. Когда подошла моя очередь, я, как обычно, получив его благословение, спросил:

- Как поживаете, Батюшка? Как ваше здоровье? Я вижу вас в хорошем настроении…

- Как я поживаю? Да вот все расстраиваюсь и печалюсь…

- Почему вы расстраиваетесь?

- Вот из-за всех вас! Вы меня очень расстраиваете! Потому что вы меня не слушаете и ушли с пути Божия. Не исповедуетесь, не причащаетесь, в церковь не ходите! Как же мне после этого не расстраиваться? Я столько лет вас всему этому учил!

Мы все остолбенели от его слов. Я почувствовал себя просто оскорбленным. Ведь сказано это было при всех и в присутствии некоторых сестер обители! Взяв себя в руки, я заметил Батюшке:

- То, что вы нам сейчас говорите, нас оскорбляет и не соответствует действительности, потому что мы исповедуемся, причащаемся и бываем в церкви так часто, как только это возможно.

- А кто же у тебя духовный отец?

- Вы!

- А кто тебя исповедует теперь, когда я не в силах?

- Отец такой-то из такого-то монастыря. Он недавно скончался…

- А! Он был очень хорошим священником! Еще один святой присоединился к сонму святых! Вижу, тебя расстроили мои слова. И ты поверил? Я в шутку их сказал, чтобы тебя испытать. А ты все еще не привык. Ты все еще не понимаешь, когда я говорю серьезно, а когда шучу? Жаль, ведь ты к тому же ученый…

Подойди поближе. Наклонись — мне до тебя не дотянуться. Я хочу дать тебе немного силы!

Я сделал так, как он мне сказал. И вдруг он залепил мне такую пощечину, что у меня искры из глаз посыпались! И прежде чем я успел прийти в себя, за первой последовали вторая и третья, еще более сильные, чем предыдущая! Я только поразился, откуда у него взялась такая сила!

Покраснев, я вышел из кельи. В дверях стояли мои приятельницы, и все они в один голос сказали:

- А! Господин Анаргире, Батюшка сделал так, что у вас появился хороший цвет лица! Когда вы к нему вошли, вы были таким бледным, а вышли раскрасневшимся и очень помолодевшим!

- Мне недоставало только такого цвета лица! Надавал мне таких пощечин, что я еще долго буду видеть "небо в звездах"…

- Не говорите так. Когда Батюшка хочет придать силы своему духовному чаду, он дает подзатыльники. Вы знаете, сколько раз он

давал нам такие затрещины?

Очевидно, эти женщины считали, что Батюшка таким образом хотел или как-то поднять их настроение, или изгнать какую-то болезнь, или же побороть в них какое-то искушение. Но по сравнению с пощечинами подзатыльники были лаской! Я это испытывал много раз… Пощечины — нечто другое!

Постояв несколько минут за дверью, чтобы прийти в себя, я снова вошел к отцу Порфирию вместе со своей приятельницей. Мы оба встали близко-близко к нему и молча смотрели ему в глаза, чтобы насмотреться вдоволь. У нас было такое чувство, что мы его больше не увидим. Батюшка тоже смотрел на нас, и вид у него был радостный и очень довольный!

Затем он спросил мою приятельницу:

- Мария, какую работу ты выполняешь?

(И хотя он прекрасно это знал, но ему нравилось так шутить.)

- Я профессор университета, Батюшка.

- А кем тебе доводится Анаргирос?

- Он мой друг.

- Кто она тебе, Анаргире?

- Мы оба имеем одного духовного отца, то есть вас! Следовательно, мы духовные брат и сестра!

- Браво! Очень правильно ты сказал!

Мы поговорили немного о моих служебных делах. Батюшка обо всем знал и молился за меня. Затем я поближе подошел к нему и на ухо прошептал о некоторых своих проблемах, которые меня тогда занимали. Увидев это, женщины начали потихоньку удаляться из кельи.

Батюшка прочел надо мной молитву и напоследок сказал:

- Там, наверху, куда я пойду, я буду просить Матерь Божию, чтобы все твои беды ушли!

Я горячо поблагодарил его. Своей бородой он вдруг напомнил мне моего отца. Я совсем разволновался и стал целовать его руки. Конечно, я очень обрадовался, когда он сказал "там, наверху", полагая, что он собирается на Святую Гору! И никак не думал, что Батюшка имеет в виду нечто совсем иное. Это я понял только после его смерти!

Затем, взяв благословение, я с почтением и благоговением поцеловал его святую руку и удалился.

Это и было последним целованием!

ПРОЩАЛЬНЫЕ СЛОВА ОТЦА ПОРФИРИЯ

В последнее время, когда отец Порфирий находился на Афоне, я только дважды разговаривал с ним по телефону. Первый раз он чувствовал себя превосходно, поэтому мы долго беседовали на разные темы, и он дал мне много ценных советов. Заканчивая разговор, я его попросил, чтобы он не очень задерживался, потому что, с одной стороны, уже началась зима, а с другой — он нам был очень нужен. Батюшка мне ответил, что будет так, как хочет Господь!

Второй раз я ему позвонил за три-четрые дня до его кончины. Монах, который поднял трубку, ответил мне, что Старец не может говорить и просит назвать мое имя и коротко сказать, что меня беспокоит. Я назвал свое имя и интересующую меня проблему. Монах громким голосом передал все это отцу Порфирию.

Тогда я услышал голос Батюшки:

- Есть Бог!

И монах спросил в трубку:

- Вы слышите, господин Анаргире, что сказал Старец? Он сказал, что "есть Бог"!

Я услышал! Услышал, благороднейший и усерднейший послушниче отца Порфирия, что сказал наш Батюшка, но слышал я его в последний раз. Это были последние слова Батюшки, сказанные мне! И я уже больше не услышу его никогда…

ПЕРВОЕ ПОСМЕРТНОЕ ЧУДО БАТЮШКИ

Еще до кончины Батюшки у меня на шее появилась бородавка. Меняя свой цвет, она постепенно увеличивалась, и я уже начал беспокоиться. Это было и неэстетично, и болезненно, поскольку бородавка постоянно травмировалась воротничком рубашки, воспалялась и кровоточила, в результате портила мои рубашки.

Я собирался обратиться к дерматологу с тем, чтобы он либо сделал прижигание, либо удалил ее оперативным путем. Но поскольку в это время скончался отец Порфирий, я отложил свой визит к врачу.

На сороковой день после кончины Батюшки мы, его духовные чада, собрались в его келье и отслужили панихиду. Все взяли ваточку с маслом от лампадки, горевшей в его келье. Я тоже взял. Этой ваточкой я перекрестил перед сном бородавку, но очень расстроился, когда заметил, что она разрослась и почернела.

Утром, когда я принимал душ, то вдруг почувствовал что-то в своей ладони. Посмотрев, я увидел, что это была моя бородавка! Чудо совершилось! Я попытался в зеркале рассмотреть место, где она была, но не обнаружил ни малейшего следа! Это первое чудо, которое отец Порфирий совершил для меня после своей кончины.

Я ему горячо благодарен!

ТРОПАРЬ ОТЦУ ПОРФИРИЮ

Спустя некоторое время после блаженной кончины отца Порфирия один из его племянников (по профессии педагог) увидел во сне громадную и сияющую церковь, которая находилась высоко в небе и была построена в честь отца Порфирия. Старец сидел в центре храма, и великое множество людей Божиих в сверкающих одеждах и с венцами на головах заполняли весь храм внутри и окружали его снаружи: они мелодично пели тропарь, посвященный отцу Порфирию.

Этот тропарь батюшкин племянник выучил наизусть, так как многократно слышал его во сне. Проснувшись, он не только его записал, но и напел на магнитофон. Вот его текст:

"Якоже на земли молился еси не токмо об исцелении всякия болезни и немощи в людех, наипаче же о даровании прощения прегрешений наших, такожде на небеси, отче Порфирие, Христа Бога моли спастися душам нашим".

ПИСЬМО СТАРЦА К ЕГО ДУХОВНЫМ ЧАДАМ

Возлюбленные духовные мои чада!

Теперь, когда голова моя еще работает, хочу вам дать несколько советов. С малых лет я был грешен. Отец мой, поскольку мы были бедны, поехал в Америку на строительство Панамского канала, чтобы помочь нам, своим детям. И когда мать посылала меня в горы пасти скот, там я по слогам читал житие святого Иоанна Отшельника и очень полюбил его и много ему молился. Мне тогда было лет двенадцать — пятнадцать (точно не помню). Желая подражать святому Иоанну, я тайно убежал из дома, отправился на Святую Гору в скит Кавсокаливия и стал там послушником у двух родных братьев-старцев, Пантелеимона и Иоанникия. Мне посчастливилось, так как они были весьма благочестивы и добродетельны. Я их очень полюбил и потому, по их молитвам, оказывал им крайнее послушание. Это мне очень помогло: я почувствовал великую любовь к Богу и жилось мне очень хорошо. Но, по попущению Божию и по грехам моим, я тяжко заболел, и старцы отправили меня к моим родным в деревню Святого Иоанна на острове Эвбея. И поскольку с раннего детства я много грешил, то, возвратясь в мир, продолжал грешить, и грехи мои до сего дня очень умножились.

Мир, однако, принял меня за хорошего человека, и все называли меня святым. Я же чувствую себя самым великим грешником в мире. Все, что я мог вспомнить, я, конечно, исповедовал и знаю, что Бог мне простил мои грехи. Но и теперь, однако, чувствуя, что грехов у меня великое множество, прошу всех, кто меня знал, молиться обо мне, ибо и я, когда был в силах, смиренно возносил молитвы о вас к Богу. Теперь, когда пришло время уйти на небо, у меня такое чувство, что Бог скажет мне: "Что тебе здесь надобно?". И я лишь одно смогу Ему сказать: "Господи, я знаю, что недостоин я быть здесь, но чего пожелает любовь Твоя, то и да твори со мною". Я не знаю, каков будет ответ Господа, но хочу, чтобы действовала Его любовь. И своим духовным чадам я всегда желал, чтобы они любили Бога, Который есть все, дабы Он сподобил нас войти в неземной и нерукотворный Его

Храм. А строить его мы должны уже здесь, на земле. Я всегда старался молиться, пел церковные гимны, читал Священное Писание и жития святых и хочу, чтобы и вы делали то же.

Я старался с помощью благодати Божией приблизиться к Богу и вам желаю стремиться к тому же. Прошу всех вас, простите меня, если чем-либо я вас огорчил или опечалил!

Иеромонах Порфирий
Кавсокаливия, 4/17 июня 1991 года

---

notes

Примечания

1

Догматик 7 гласа. — Ред.

2

Мк. 10, 27. — Ред.

3

Пс. 76, 15. — Ред.

4

Пс. 104, 5. — Ред.

5

Мк. 16, 17–18. — Ред.

6

Ин. 14, 12. — Ред.

7

Гал. 2, 20. — Ред.

8

Рим. 5, 20. — Ред.

9

Священник Дионисий Тацис. Когда чужая боль становится своей. М., 2002. С. 228. — Ред.

10

Иеромонах Христодул Агиорит. Избранный сосуд. СПб., 2000. С. 246. — Ред.

11

Священник Дионисий Тацис. Когда чужая боль становится своей. М., 2002. С. 255. — Ред.

12

См.: Георгий Крусталакис. Старец Порфирий, духовный отец и наставник. М., 2000. С. 51. Восстание 1821 года — начало Греческой революции 1821 — 29 годов, в ходе которой была провозглашена независимость Греции от Турции. — Ред.

13

Там же. С. 48. — Ред.

14

1 Кор. 2, 10. — Ред.

15

Иеромонах Христодул Агиорит. Избранный сосуд. СПб., 2000. С. 339. — Ред.

16

См.: Невероятные дары. М., 2003. С. 22. — Ред.

17

Ср.: 1 Кор. 12, 31. 22. — Ред.

18

Ср.: Рим. 5, 5. 22. — Ред.

19

Ср.: Рим. 8, 39. 22. — Ред.

20

Евр 3, 6. — Ред.

21

Монастырь святого Харлампия, находившийся недалеко от родной деревни Старца. — Ред.

22

4 Цар. 4, 34–35. — Ред.

23

См.: Ин. 9, 6–7. — Ред.

24

См.: Последование Таинства Крещения. — Ред.

25

Эдипсо́с — город на острове Эвбея. — Ред.

26

Видимо, по телефону. — Ред.

27

Ср.: Лк. 15, 10. — Ред.

28

Мф. 16, 26. — Ред.

29

Всенощное бдение в Греции начинается поздно вечером и завершается литургией рано утром. — Перев.

30

Речь идет о событиях греко-турецкой войны 1919–1922 годов. — Перев.

31

Отпустительная молитва из последования панихиды. — Ред.

32

См.: *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мк. 2, 17). — Ред.

33

Анагирос в переводе с греческого означает «бессребреник». — Перев.

34

Пс. 67, 36. — Ред.

35

Греческое имя Хри́сто имеет ударение на первом слоге. — Перев.

36

1 стремма равна 1000 кв. м. — Ред.

37

Заамвонная молитва священника по окончании Божественной литургии. — Ред.

38

Очевидно здесь имеются в виду те из ближайших духовных чад отца Порфирия, которые впроследствии составили сестринскую общину в Милеси. — Ред.

39

Греческий фразеологизм, который соответствует нашему «платить той же монетой». — Ред.

40

Мф. 26, 41. — Ред.

41

Ср.: Мк. 16, 7. — Ред.

42

Прем. 1, 10. — Авт.

43

Песн. 5, 2. — Ред.

44

Ср.: Мф. 7,7. — Ред.

45

Ср.: Лк. 12,31. — Ред.

46

Мф. 5, 9. — Ред.

47

На острове Кефаллонисос в храме Святого Герасима ноходятся его честные мощи, весьма почитаемые в Греции. — Перев.

48

ИКА — государственное учреждение в Греции, занимающееся социальным обеспечением граждан и вопросами здравоохранения. — Перев.

49

По-видимому, героиня рассказа «Фонтан бензина из пустого бензобака». — Ред.

50

То есть, очевидно, представляет себе Бога как неумолимого «карателя». — Ред.

51

Ин. 15, 20. — Ред.

52

Пс. 117, 10. — Ред.

53

Тропарь из Последования Таинства Елеосвящения. — Ред.

1 Фес. 5, 17. — Ред.